

БИБЛИОТЕКА
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
КАБЛЕТКА
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
КАБЛЕТКА

Вас Федоров

*Как поэты
на заре*

Книга должна быть возвращена
не позже указанного здесь срока

6.03 - 950	9.04 - 619		
1152-90.04	20/IV - 2349		
1362-19.05			
12/III - 804			
18/IV - 1110			

Книга должна быть возвращена
не позже указанного здесь срока

6.03-150	9.04-019		
1152-80.04	20/IV-2349		
1362-19.05			
12/III-804			
18/IV-2220			

БИБЛИОТЕКА
ПРОИЗВЕДЕНИЙ,
УДОСТОЕННЫХ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПРЕМИИ СССР

Постановлением
Центрального Комитета КПСС
и Совета Министров СССР

поэту

ФЕДОРОВУ

Василию Дмитриевичу

за произведения последних лет
(лирические стихи и поэмы)

присуждена

Государственная премия СССР

1979 года

Василий Федоров

Как цветы
на заре

054649

9335

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМА

• ЖЕНИТЬБА ДОН-ЖУАНА •

МОСКВА И ЛЕНИНГРАД
СОЮЗПЕЧАТ
1982

Центральная
библиотека с. ст. ст. ст.
г. Березовский ✓

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1982

Лауреат Государственных премий СССР и РСФСР имени Горького поэт Василий Федоров — автор многих книг стихов и поэм.

Четкая гражданская позиция В. Федорова, его неразрывная связь с жизнью тружеников полей и заводов, знание поэтом самых сокровенных народных чаяний сказываются во всем, о чем бы ни писал поэт: о городе и деревне, о красоте человека и защите природы, об искусстве и любви.

Завершает книгу ироническая поэма «Женитьба Дон-Жуана».

Художник Е. И. КОГАН

На той
Назаркиной горе
Мы стали
к правде ближе.

Назаркина гора

TOP SECRET//SI

* * *

С тех пор,
Как тобою поклялся,
С тех дней,
Как я принял твой путь,
Всю жизнь я,
Отчизна, боялся
В надеждах
Тебя обмануть.

Но странно:
Когда полыхала,
Когда обгаренной была,
Ты жертвы других
Принимала,
Но жертвы моей
Не брала.

Когда погибали герои
По зову огня и крови,
Я жизнь свою
Выставил к строю,
Ты жизнь мне вернула:
Живи!

Когда,
Не умея скупиться,
Пришел я
По воле судьбы
Любовью своей поступиться,

Любовь ты вернула:
Люби!

Когда ты
Жила созиданьем,
Восторгом, что бил через край,
Пришел я к тебе
Со страданьем,
Ты тихо сказала:
Страдай!

Когда ж,
На себя негодуя
За то, что
Погиб не в бою,
С последнею песней
Приду я,
Ты примешь ли
Песню мою?

МЫ САМИ...

Мы из крестьян.
Скажу начистоту,
Не пожалев
Ни образа,
Ни слова:
Мы знали красоту,
Мы пили красоту,
Мы ели красоту,
Как сено ест корова.

Как будто жили
Слишком далеко,
Эстетика о нас
И слыхом не слыхала.
В нас нашей красоты
Живое молоко,
Как у дойных коров,
Веками присыхало.

И времена не те,
И мы не те.
Не надо
В назидательном кураже
Нам толковать о нас
И вечной красоте.
Мы сами о себе
Напишем и расскажем.

ЗЕМЛЯ

Почуя сердцем
Внеземную тягу,
Однажды в ночь
Я вышел за село.
Земля, как утомленный работяга,
Лежала и вздыхала тяжело.

В таинственных
Долинах небосвода
Подружки-звезды
В блестках золотых
Веселые водили хороводы,
А ей, усталой,
Было не до них.

Сама звездой
Она сияла прежде,
Теперь лежала
В молодых мирах
В своей лесной
И травяной одежде,
Протершейся
На мускульных буграх.

Ловил мой слух,
Как трудно сердце билось
В чередованье
Спадов и прыжков.

Что ж, накрутилась,
Дымом накурилась,
Лечебных наглоталась порошков!

Еще бы жить
Да жить моей планете,
Еще б сиять
Сиянием чела,
Когда бы не изматывали дети,
Что в звездных играх
Юной зачала.

Ей на курорт бы,
На веселый праздник,
А там опять
Кружиться и рожать,
Ей отдохнуть бы
В лучшей из галактик,
В хорошей атмосфере
Подышать.

Так думал я о ней,
А с нею слитый,
Уже зарозовел
Небесный плес.
Ей и на час
Нельзя сойти с орбиты,
Ей суждено
Работать на износ!

ПОЛЕ

Какое поле
Зреет в славе!..
Куда глазами
Ни раскинь,
Кипит, как золото
В расплаве,
Перед заливкой
В колоски.

О поле, поле,
Ношей бренной
Под солнцем
Наливайся впрок,
И пусть, как шлаковую пену,
Пыльцу сбивает ветерок.

Плати нам, поле,
Полной мерой
За труд, что многих тяжелей.
Спасибо селекционерам
И сеятелям
Наших дней.

И пращуру
За умный прищур.
Да будет славен на века
Поднявший взгляд
От корневища
До чахленького колоска.

Тот взгляд — полет
От века к веку,
Тот взгляд — бессмертья
Добрый знак..
Спасибо первочеловеку,
Заметившему
Первый знак.

ЕЩЕ О КОНОПЛЕ

Грубо
Прогнанная с нивы,
Хмуро глядя на поля,
По оврагам среди крапивы
Задичала конопля.

Топчут,
Давят,
Не заботятся
От великого ума.
Сама сеется, молотится,
Сберегается сама.

Нам укорствует
В заботе,
Дикий стебель наклона:
«Вы еще ко мне придете
Культивировать меня».

ЧЕЛОВЕК

Природа
Не очень спешила
Провидеть свою благодать,
Пока, заскучав, не решила
Себе Человека создать.

9835
Природа
В работе неспорой,
Незримое что-то творя,
Предгорья
Вдвигала на горы,
Бросала моря
На моря.

В горячке,
В бреду,
В наважденье
Земля, потерявшая стыд,
Так мучилась
В корчах рожденья,
Что даже срывалась
С орбит.

Громада
Кружилась,
Металась,
Глазеющих звезд
Не стыдась,

Чтоб некая
Малая малость
Однажды живой родилась.

Не смея
В удачу поверить,
Ей некого было спросить,
Как малую малость лелеять,
Как ей
Человека растить.

Чтоб тело
Над миром парило,
Чтоб воды давались, легки,
Она ему крылья дарила,
Кроила ему плавники.

В заботе
И счет потеряла
Периодам,
Эрам,
Векам,
Когда не спеша
Примеряла,
Где быть
И ногам и рукам.

И снова
Дымила,
Чадила,
Крепила,
Чтоб сила была.
Сначала она начудила:
Трехглазым его создала.

И снова
Дышала могутно,
Чтоб свет его жизни
Не мерк.
Рожденный
Вот так многотрудно,
Чем занялся он,
Человек?

Чем?
С первой извилиной мозга
Он стал сучковатым деревом
Губить черновые наброски
Себя —
То, что стало зверьем.

За жизнь
Научившийся драться,
Губил он и рвал на куски
Улики недавнего братства,
Рожденья
Из той же музги.

Как нелюди, жившие в нетях,
Едва отойдя от горилл,
Природы нахальные дети
С дубиной
Полезли в цари.

Они с первобытным пристрастьем,
Уже посягнув на миры,
Царят с превышением власти
С тех пор
И до нашей поры.

* * *

Жизнь все громче,
Все необычайней,
Мне пожить бы,
Как живут сельчане.

Я давно мечтал
В такой поре
Справить дом
На солнечной горе.

А еще,
Мечтаний не мельча,
Пригорюнить баньку
У ручья.

От стихов
И городских истерик
Выйти с удочкой
На тихий берег.

И, отвагой
Творческой горя,
Выловить
Простого пескаря.

* * *

Мне куда-то надо скрыться,
Мне куда-то надо спрятаться,
Чтобы словом не раскрыться
До того, как слово скажется.

Мне куда-то надо деться
От прсрочества вороньего,
Чтобы новой песне спеться
Без припева постороннего.

Но зато, чтоб сталоь это,
Сталось так, как должно статься,
С гордым именем поэта
Надо чаще расставаться.

КУЗЬМИХА

В моей деревне,
Прозябавшей тихо,
Жила-была
Столетняя Кузьмиха.

На диво
Бородатым мужикам,
Она весь день
Помалу, помаленьку
То родники почистит,
То ступеньки
На спусках
К приозерным родникам.

Те родники,
Что родила гора,
Бежали к озеру,
Уже разумны,
Звенели,
Как натянутые струны
Под призрачной рукою
Гусяра.

Кузьмихи жизнь
Была уже темна,
Но на горе,
Прислушиваясь к пенью,
Вдруг обретала
Слух она и зренье,

Когда смолкала
Хоть одна струна.

С пословицей туманной:
«Что, ин да?» —
Она спускалась с заступом, как другом,
Мудрила что-то над струной,
И та
Через минуту
Набухала звуком.

Тогда она шептала:
«Мол, ин да!» —
И уносила
Сухонькое тело,
А в руслах
Родниковая вода,
Подобно гуслиам,
Пела, пела, пела!

Есть тайна жизни
В каждом роднике,
Он может умереть,
Лишенный бега.
Полвека мне,
И вот через полвека
Кузьмихин заступ
У меня в руке.

В тени
Берегового закутка
Два голоса,
Две ноты трепетаний:
Один глубокий —
Из земной гортани,
Другой звончее —
С моего лотка.

* * *

Звонит...
Звонит...
Звонит...
Игрун серебряводый,
Родник меня роднит
С родимую природой.

Он ведал и врага,
Он знает и увечье.
Лицо у родника
Почти что человечье.

Глаза у родника,
Светло, порою тупо,
Из веток ивняка
Глядят, как из-под чуба.

Бывает, черным днем
В болотистом сопенье
Он дремлет бобылем,
Живущим в запустенье.

Он гибнет на миру,
Не зная состраданья.
Вот я его беру
На перевоспитанье.

Вновь делаю певцом,
Почти Козловским сразу,

Он просветлел лицом,
Прозрел десятиглазо.

Глядит из ивнячка.—
И сколько дум заветных
В тех камешках-зрачках
Причудно многоцветных.

Как мило,
Как легко,
Как радостно с нехмурым
Общаться родником,
Как с творческой натурой!

Хоть труд и небольшой,
Но, лик его очистив,
Добрался я душой
До самых главных истин.

Звени!..
Звени!..
Звени!..

У РОДНИКА

Мой родничок,
Конечно, ты не Дон
И Волгу не зовешь
Себе в подруги,
Но если б ты журчал
На крымском юге,
Тебя, мой друг,
Одели бы в бетон.

Перед тобой,
Сбегающим игриво,
Толпились бы
Всесветные туристы.

Всезнайка гид
Легенду б рассказал,
Как хан Гирей
В охотничьем веселье
На скакуне
Погнался за газелью
И увидел тебя
Средь мрачных скал.

А там пастушка
Вышла б непременно,
Что стала у него
Звездой гарема...

А впрочем, что я?..
Нам впадать ли в стыд,
Когда на травке,
Леностно примятой,
Здесь наяву
Телятница сидит, —
Газелей, правда, нет,
Но есть телята.

Как ей сказать,
Душой не погреша,
Как ей сказать
Без живописной фальши,
Что ты, мой родничок, —
Моя душа,
Что лучше бы
Поить бычков подальше...

Бычки
Ни капли
Из него не выпили;
Ни капельки не выпив,
Ископытили,
Втоптали в грязь
Бесхитростный лоток,
Что я принес тебе
Взамен бетона...

Ну что ж, поправлю,
Что-то сдвину, строну —
И закурычет вновь
Твой вечный сток.

Но все-таки боюсь,
Всегда боюсь,

Когда я с ним
Надолго расстаюсь,
Боюсь, что без меня
И хан Гирея
Мой родничок
Однажды захиреет.

* * *

Я гляжу
На родные места:
Лейся, лейся
В меня, красота!

Лейся, лейся,
Заполни утраты,
От которых
Душой изнемог,
Но и свет
И цветов ароматы —
Все уходит в меня,
Как в песок.

А душа
Между тем
Все пуста.
Лейся, лейся
В меня, красота!..

ДРУЗЬЯМ

Нет, друзья мои, вас
Я еще не забыл
И столичную жизнь
Иногда вспоминаю.
Деревенский я весь,
Даже больше, чем был
До того, как увидел трамвай...

Не скажу,
Чтоб завидным
Казалось житье,
Но зато и корова
Здесь голос имеет.
Как тягуче-пахуче
Глухое мычанье ее.
На меня оно
Вечностью веет.

Здесь
Царят мотоциклы,
Дороги как трек,
Но увижу в оглоблях
Добрягу конюгу,
Как я рад,
Что не предал еще человек
Своего вековечного друга.

Трактор — сила!..
Что надо,

Как надо, везет,
А не грех и подумать
В машины влюбленным:
Там, где трактор стоял,
Ничего не растет,
Там, где лошадь,
Растут шампиньоны.

Время сено косить,
А дожди — как из рек.
Говорят, что в совхозе
Тряхнули мошной:
Составляется смета
На Ноев ковчег,
Ищут старца
На должности Ноя.

Не идет, когда просят,
Дождь идет, когда косят,
Не идет, когда ждут,
А идет, когда жнут.

Наших встреч,
Нашей дружбы
Разорвана нить.
Не пытайтесь:
Заботы моей
Не поймете.
Ну, а если еще
По газетам судить,
Вы, наверно, уже
В коммунизме живете.

У поэтов, как слышу,
Высокий престиж.
Узнаю из газет,

* * *

Когда ты
В Марьевке живешь,
Обхаживая грядки,
Мне кажется,
Что мир хорош
И в мире
Все в порядке.

Когда гора
Горит в заре,
А грудь рассветом дышит,
На той Назаркиной горе
Мы к правде
Чуть поближе.

Здесь тишина средь лопухов
И запаха капусты
Высоким криком петухов
Приправлена
Так вкусно.

Когда же
Солнце на закат,—
Вздыхая аппетитно,
Пылит молочный комбинат,
Рогатый
И копытный.

И рад я,
Что тебя привез
К земле первично-личной:
Первичных дел,
Первичных слез
И радостей первичных.

И. М. Мухоморов

И. М. Мухоморов
Первично-личная земля
Первичные дела
Первичные слезы
Первичные радости

Здесь ты живешь
И радуешься

И. М. Мухоморов
Первично-личная земля
Первичные дела
Первичные слезы
Первичные радости

И. М. Мухоморов

* * *

Как шумно птицы
На дворе галдят,
Предсказывают что-то —
Счастье ль, беды ль?
Да, птицы меж собою говорят.
Они мой двор
Избрали для беседы.

Мой двор им по душе,
Хоть в нем не густо,
Но знают птицы
По сравненью лиц:
Я им не враг,
Я человек искусства,
А все искусства —
От зверей и птиц.

Сороки верещат,
Летят к окошку,
Крылами бьют
О рамный переплет:
«Ч-чужак!..»
«Ч-чужак!..»
Ну, что за шум?
Ах, кошка!..
Вернее, озорник
Соседский кот.

Обескуражен
На стезе зоренья,
Лениво по картофельной ботве
Уходит он,
Исполненный презренья
К безудержной
Сорочьей болтовне.

На столбушке
Средь травок опущенных,
Раззявя зев,
Кургузым упырем
Сидит большой
Голодный кукушонок,
И две синички малые
При нем.

Он их сынок.
Зев красный — прямо прорва:
Синички, прилетев издалека,
Чуть-чуть не залетают
Сыну в горло,
Передавая с лету червяка.

Синички
На сынка не надивятся.
Нет у других синиц таких детей.
Снуют,
Порхают,
Кормят тунеядца...
Ну, одним словом,
Все, как у людей.

Строга природа,
Все в ней к ладу, к ходу,
Все к чистоте,
А здесь такой туман.

Что на радость культуре
Кто-то вылетел срочно
В Брюссель и Париж,
Кто-то рифму нашел
В Сингапуре.

Ах, «Урал»,
Мой «Урал»,
Трехколесный Пегас,
Ты на привязи нынче —
В дожде закавыка.
Где нам дальние страны,
Тогда как у вас
Что ни третий —
Почти что Громыко.

Здесь все зримо,
Здесь жизни основа основ
Мне становится как-то
Намного яснее.
Как ни властна
Капризная магия слов,
Запах хлеба
Бывает сильнее.

И в раздумьях
Приходят минуты тоски...
Помню, в юности,
Книжки читая,
Я хотя бы мечтал
Где-то стать городским,
А теперь
И о том не мечтаю.

Как может с позволения природы
Происходить
Столь тягостный обман?

Восходит солнце.
Двор мой огласила
Иная песня сердца и души.
Летят стрижи,
В которых все красиво:
Жизнь и полет.
Да здравствуют стрижи!

ЗАБЫТЫЙ МОСТ

Еще вчера
Манил размах вселенский,
А подошел к нему —
И не до звезд.
Он цел еще —
Мой старый,
Деревенский,
Давным-давно
Воспетый мною мост.

Он цел еще,
Как экспонат музейный.
Уже и колеи-то
Нет на нем.
А рядом новый,
Ставший на шоссеиной,
Стремительно взлетающей
На взьем.

А ведь бывало,
Пил здесь воду каждый,
Когда еще бурлачил
Тот живой,
Подверженный
Усталостям и жажде,
Неторопливый
Транспорт гужевой.

Причастьем
И к работам,
И к заботам
Была вода речонки,
Та вода
У первой кручи
Исходила потом,
Случалось, что и кровью
Иногда.

Для роздыха
Коротенькие сроки
Давала жизнь,
Но помнились мосты
Так, будто посидел я
На уроке
Неслыханной
Любви и красоты.

Мост новый — просто мост,
Хоть он и шире.
Есть в новизне
Своя печаль потерь:
Где чувство то, что я
Всей жизнью — в мире,
А не над миром где-то,
Как теперь?

Все хорошо.
Мост новый ладно сложен,
Дорога по нему во всей красе.
Все хорошо,
Добротно все,
А все же
Такая грусть,
Хоть падай на шоссе.

* * *

Все иное
Как будто на отдыхе,
На работе
Одни лишь подсолнухи.

Они память
Еще не утратили,
Видят кровное
Даже во мгле.
Дети солнца
Сбежали от матери
И тоскуют о ней
На земле.

* * *

Жизнь природы
Мудреное дело.
Не случайно, мой друг, неспроста
Золотые цветы чистотела
Вырастают на сорных местах.

Может, истины
В том и таятся,
Что, родившись в земной сорноте,
Они каждой травинкой стремятся
Беззаветно служить красоте!

* * *

Звери,
Травы сминая,
Не принес вам разора.
Не пугайтесь, что знаю
Ваши тайные норы.

Верю, надо бояться,
Вижу, стало не легче,
А трудней укрываться
Вам от глаз человеческих.

В тихой
Норке-квартире
Ничего не нарушу.
В этом горестном мире
Берегу вас, как душу.

СОРОКА

Сорока — изящная птица,
Сорока изящней кукушки
И сойки,
Что шумно гордится
Своим хохолком на макушке.
Сорока — изящная птица...

Сорока не хуже, чем кочет,
Поющий свое кукареку,
Сорока танцует, стрекочет,
Сигнал подает человеку,
Сорока не хуже, чем кочет...

Сорока порой озорует,
Но надо ж понять всенародно,
Что если сорока ворует,
То, значит, сорока голодна.
Сорока порой озорует...

Сорока — как страж от болезней,
Сорока, как служба призора,
Бывает намного полезней
Ленивых врачей саннадзора.
Сорока — как страж от болезней.

Сорока — достойная птица.
Сорока совсем не спесива,
Сорока лишь к пользе стремится,
А все, что полезно, — красиво.
Сорока — достойная птица.

* * *

Лес.
Полянка.
У тропы
Ветви распростерты.
Ну, товарищи грибы,
Где вы тут растете?

Знаю,
Не до похвальбы,
Слишком-то не ячитесь.
Ну, товарищи грибы,
Где же вы тут прячетесь?

Лесом шел,
Шел травой,
Шел, как по шелку.
Белый гриб —
Один...
Второй...
Полетел в кошелку!

* * *

Когда-то здесь
Гуляли дрофы,
Бизоньи тучились стада.
Страшны бывают катастрофы,
Опасней тихая беда,

Опасней зло,
Что не всесветно,
Не поражающее глаз,
То зло,
Что входит незаметно,
То, что людей
Не губит враз.

Мы прилюбом,
Хоть малом, лихо
В стозвонные набаты бьем,
А при беде, вошедшей тихо,
Все терпим
И чего-то ждем.

То зло
Меж тем
Войдет в доверье.
Когда ж созреет приговор,
То зло нас губит,
Как Сальери,
Ведущий умный разговор.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

Белыми стволами
В срезях у небес
Вырос перед нами
Тихий мертвый лес.

Странно, будто кроны
В вышине лесной
Кто-то ровно-ровно
Прокосил косой.

Здесь, где умер шелест,
Некого спросить,
Чьих миров пришелец
Приходил косить.

БЕЗ АЛЛЕГОРИЙ

Н. Ф. Герасимовой

Мне б воспеть
В поэмах реки,
Но уводят от поэм
Неизбывные прорехи
Очистительных систем.

Речь веду
Без аллегорий.
Никого не вводят в страх
Тысячи лабораторий,
Что растут
На берегах.

И при них
Вода все та же,
То есть та вода все гаже,
А бумажные листы
Удивительно чисты.

Как же так?
Летим к культуре,
Избываем жизни мрак?
Утверждаю,
Что в натуре
Происходит это так:

Погрузив
Ведро иль банку
В гибельную мерзость вод,
Молодая лаборантка
Пробу честную берет.

Тут как тут,
И не случайно,
У загаженных запруд
Появляется начальник.
— Что, не знаешь,
Где берут?

Вот и весь
Контроль народный.
Вместо едкой,
Смертной той
Образец
Водопроводной
Заменяется **водой**.

А потом
За эту воду,
Если подлость
С рук сойдет,
Будет премия заводу
И ему перепадет.

Есть такой
Начальник швальный,—
Начиная с озерца,
За червонец
Премиальный
Мать отравит и отца.

Ну, а штрафы?
Штрафы эти
Лишь один самообман.
Все равно
В прямом ответе
Государственный карман.

ЧЕРНАЯ ПЯТНИЦА

По пятницам,
По пятницам
Превыше хвойных куп
Клубится и багрянится
Зеленый дым из труб.

По пятницам,
По пятницам
Над гиблой зыбью мглы
Родное небо пятится
От матери-земли.

Бей, сердце,
В сатирический,
Трагический набат:
Ужо тебе, химический
Полезный комбинат!

* * *

Кто-то здесь
Топориком постукивал,
Дерева рубил.
Кто-то здесь
Веселых птиц распугивал,
Красоту губил.

Упадет ли
Ствол ли,
Ветви ли,
Сердцем вздрогну я.
Боже мой, когда в свидетели
Позовешь меня?

ГРОЗА

Остерегись,
Когда гроза!
Огни и громы
Так неистовы,
Когда небесная коса
Наскочит
На земные выступы.

Когда деревья
Буря гнет,
Укройся лучше
Под осокою.
Гроза всегда
На выбор бьет
По самому высокому!

* * *

Над родною стороною
Все обильней,
Все обильней
Непроглядною стеной
Льют тропические ливни.

Грязь такая,
Что, пыхтя,
Не пройдешь к родне по ней,
Грязевой вулкан — дитя
Перед Марьевкой моей.

Издавая львиный рык,
По разливу,
Верный долгу,
Трактор тащит грузовик,
Грузовик волочит «Волгу».

Сам завяз —
И боль острей:
Нашей Марьевке и многим
В коммунизм идти быстреей
Не дают пока...
Дороги!

* * *

Я не Волга,
Я не Вятка,
Но, как Волга, велика,
Я остячка, азиатка,
Плосколицая река.

Надо мной
Гуляют ветры,
На моих на берегах
Хвойношумно
Спорят кедры,
Нашумевшие в веках.

Мои воды
С виду немые,
Но в глубинах бочага,
Как русалки,
Ходят нельмы,
Зазывая рыбака.

Я и лесом,
Я и толью
Пробираться не боюсь.
Я не Волгою, а Обью,
Сибирячкою зовусь.

* * *

Я в городах
Строенья возводил,
Выравнивал на улицах неровность.
Я в городах
По улицам ходил —
Не человек,
А некая условность.

Я зачерствел
От гладкого житья,
На черствых людях
Притупил я жало.
По вечерам милиция моя
Меня от всяких страхов ограждала.

И только в наших
Сумрачных лесах
В ночную темь,
Идя по звездным вехам,
Вдруг ощутил неодолимый страх...
И снова стал я
Чутким человеком.

* * *

Давно ль
Гордился сам,
Что я деревне близкий,
Завидую певцам,
Поющим без прописки.

Им равно,
Где брать мед,
Была бы лишь охота
Да был бы самолет
Для дальнего облета.

О Марьевка моя,
Догадкой оглоушен:
Ты родила меня,
А я тебе не нужен.

Ну что моя строка
Для всех твоих рассветов!
Сам вижу, что пока
Тебе не до поэтов.

Тебя и не виню,
Ведь надо ж не по слову
Выкармливать свинью,
Выдаивать корову.

Ведь надо ж для потреб
Космического века
Натруженный сеять хлеб
И убирать до снега.

Но были же дела
И в той поре кипучей,
Когда ты родила
Меня на всякий случай.

Но я же твой, как свет
От твоего же пыла,
Иль случая все нет,
Что обо мне забыла.

Не время,
Ну и что ж,
Одно мне сердце студит:
Боюсь, что позовешь,
Когда меня не будет

* * *

В пустынном небе
Журавлиный крик,
Тоскливый плач
В осенней непогоде.
Давно утратив кудри,
Как старик,
Подсолнух сгорбился
На огороде.

Лицом в лицо
На солнце не глядит,—
Где стать его
И где его гордыня?
Он смотрит вниз,
Ему глаза слезит
Упавшим солнышком
На грядке дыня.

На ней он видит
Пятна-светлячки,
Но подойдут
Беспесенные сроки —
Его солнцелюбивые зрочки
Повыключают
Беспечные сороки.

Впадая весь
В сочувственную дрожь,

Я замечал
В осеннем увяданье,
Что журавлиный крик
Всегда похож
На чей-то стон
И бабье причитанье.

* * *

Белый снег,
В сердце тьма,
В жилах вьюга стылая.
Ах, зима, зима, зима,
До чего ж постылая!

Рано печка затопилась,
Дым пошел высотами.
Ты, зима, поторопилась
Удивить красотами.

Как нам жить-зимовать,
Не роднясь с хворобами,
Как нам хлеб добывать,
Леглый, под сугробами?

Белый ветер
Летит, слепит.
Под моими лыжами,
Кажется, не снег скрипит,
А колосья слышимы.

ХЛЕБНЫЕ КАРТОЧКИ

«Мама,
Милая мамочка!» —
Много дней повторял.
Хлеб давали по карточкам,
Я же их потерял.

Тридцать лет,
Как упрямо
Не рожусь с той порой,
Десять лет моя мама
Спит в могиле сырой.

Мама,
Милая мамочка,
С горя сердцем остыл,
Когда хлебные карточки
В старой книге открыл.

* * *

Нет, братцы,
Спешность не по мне,
Иной поэмит повсеместно,
А у меня в моей квашне
Еще пыхтит тугое тесто.

Вот тут ему
Не дай опасть,
Накаливай до зноя душу.
Дым выпусти,
Чтоб встрасть да влать
Хлеб выпекся
Как можно лучше.

И хорошо душе моей.
Смеюсь я, счастья не скрывая,
Когда воскреснет дух полей
В моем румяном каравае.

И рад,
Что созывать пора
Всех, вплоть до резвого пиита,
На светлый праздник аппетита,
На праздник
Жизни и добра.

Наружностью
Земля — планета,
А в глубине
Она — звезда.

Прометеев цвет

* * *

Прозябаю на ветру,
На миру, словам внимая.
Истин сверху не беру,
Я их снизу поднимаю.

Испытанья не страшны.
Чтобы светом возгораться,
Наши истины должны
Только снизу подниматься.

Истины не входят в стих
От общения с богами.
Нет, я каждую из них
Отрабатывал боками.

ТЕМ БЕРЕГАМ

Мои желанья
По-людски просты,
Моя работа
Облита слезами.
О сколько раз
Я возводил мосты
Меж злыми
И враждебными сердцами.

И всякий раз
Был тяжкий труд не впрок,
И всякий раз,
Казалось бы, из стали,
Разорванные фермы
Строф и строк
Над пропастью
Бессильно повисали.

Какие же мосты
Нужны морям,
Тем берегам,
Где надо мной хохочут,
Беснуются
Подобно дикарям
И атомные стрелы
В злобе точат?

Не к богу —
К людям руки я воздел.

Взываю к вам
И говорю я с вами:
Вы хотите,
Чтоб тот водораздел
Мы завалили
Добрыми сердцами?

Что мы жестки —
В том нашей нет вины.
Ищите зло
В своем жестоком стане.
История устала от войны,
Но от борьбы с войною
Не устанет!

ПРОМЕТЕЕВ ЦВЕТ

Растет он в горах, одинок,
Веками неведомый смертным...
Зовут «Прометеевым цветом»
Ночами лишь зримый цветок.

Как только стемнеет кругом,
Он вспыхнет над каменным гребнем,
Наполнится кровью, колеблем
Небесным ночным ветерком.

А корень,
Что камни оплел,
Краснее зари на возлете,
Сочней Прометеевой плоти,
Которую вырвал орел.

Есть тайна у корня того:
Дорога к нему бездорожна,
Зато невозможное можно
Тому, кто добудет его.

Мятежною кровью поим,
Не терпит он цели преступной.
Лишь подвиг, досель недоступный,
Доступным становится с ним

Могуч его огненный сок,
Но, отданный тайне волшебной,
На подвиг он силы потребной
Дает лишь на маленький срок.

Взбираюсь во тьме на обрыв,
Срываюсь под гул камнепада.
Мне века на подвиг не надо,
Не надо,
Мне нужен порыв!

* * *

И в жизни
И в теории
Привыкли повторять,
Что колесо истории
Не повернется вспять.

Будь так,
Как говорится,
Но не о том же речь,
А речь идет о спицах —
Их надо поберечь.

* * *

Года мудрей,
А понимать трудней.
Живу и мучаюсь
В бессильной страсти,
Как скорбный бог,
Что сотворил людей
И потерял над ними
Силу власти.

По мере дней
Ошибки все видней.
Тем дальше истина,
Чем старше годы.
Не потому ль
Я так люблю детей,
Что дети ближе
К замыслу природы.

Я - СЛОВНО ДОМ...

Я — словно дом...
За беглецом — беглец,
В нем каждый год
Меняется жилец.

Сначала в доме
За его пазами
Жил мудрый мальчик
С тихими глазами.

Трудолюбивый,
Жадный до всего,
Все в дом тащил
И украшал его.

Для бурь и стуж,
Предвидя с ними встречи,
Он душу слóжил
В меру русской печи,

Когда оставил он
Свое жилье,
В его проектах
Уже было все

За мальчиком
Жил юноша в дому
Во всем послушный
Мальчику тому.

Тот наказал взлететь
Во звездный рост —
И юноша взлетел
Почти до звезд.

Тот наказал не пить,
И он не пил,
Табачным дымом
Стены не коптил.

И вдруг явился,
Не подав вестей,
Неукротимый
Человек страстей.

Дом задрожал
И загудел от встрясок,
От переделок,
Выпивок и плясок.

Еще сырой,
Не выстоянный в лето,
Дом затрещал,
Огнями перегретый.

Не только в дом, —
Теперь, страстями ведомый,
Жилец уже
Потаскивал из дома.

Но тут на смену
Жизни гулевой
Пришел суровый
Мастер цеховой

В нем уже все —
Бунт сердца,
Крик души —
Смирjali
Заводские чертежи.

Те чертежи —
Дороги в бездорожье,
Как истины
Несовместимы с ложью.

Они учили
В тех хитросплетеньях
Мир прозревать
Во многих измереньях.

И лишь потом,
Познавший тайну эту,
Я дал в себе
Прибежище поэту.

Мечтатель,
Истязатель сам,
И кроме —
Он всех вернул,
Кто жил однажды в доме.

Всех,
Всех вернул,
Смешал в себе охотно —
И мальчика,
И летчика,
И мота.

Он мог весь дом
На бревна раскатить,

Чтобы дорогу к милой
Намостить;

Мог, как Нерон
С потемками в мозгу,
Полдома сжечь,
Чтоб осветить строку.

Душа поэта
Где-то кочевала,
Случалось,
Что в дому
Не ночевала.

Поэт строчит,
Пыхтит,
Дымит
К тому же, —
Поэту хорошо,
А дому — хуже.

Старело все,
Что прошлое скопило:
Кривились стены,
Падали стропила.

Венцы в беде.
Сменить бы два венца
И снова ждать
Хорошего жильца.

* * *

Все было бы иначе,
Пронеси я
Все тяготы,
Что ты другим дала,—
Я мог бы стать
Певцом твоим, Россия,
Которым ты
Гордиться бы могла.

Обидно мне,
Что в словосочетаньях
Нет вековых,
Чтоб оценила ты.
Я выстрадал
Не все твои страданья,
Я вымечтал
Не все твои мечты.

И что с того,
Что чист я пред тобою,
И что с того,
Что пред собою чист.
Как мне наполнить
Страстью и борьбою,
Самим собой
Бумаги белый лист?

Мне нужно слово.
Снова,
Снова,

Снова
Мне нужно слово,
Чтобы все суметь.
И если б смерть
Дала мне это слово,
Я б кинул все
И отыскал бы смерть.

ВЕРИТЕ, НЕ ВЕРИТЕ — ВАМ
ВЕРИТЬ НЕЛЬЗЯ

* * *

Тяжела,
Себе не рада
В белой гриве голова.
И глядит он
Сонным взглядом
Отдыхающего льва.

В нем
За сонными глазами,
За потухшей кромкой дня,
За далекими годами —
Где-то Африка своя.

* * *

Что живешь,
Что в битвах не погас,
Жизнь свою
Сомненьями не мучай.
Люди умирают
Только раз,
Береги себя
На этот случай.

Так построй
Земную жизнь свою,
Так живи в ней,
Помыслами всеми,
Чтобы в смерти
Встал ты вровень с теми,
Беззаветно павшими
В бою.

* * *

Если что случится —
Да хранись от зла! —
Уходя в больницу,
Сделай все дела.

Чтобы сердце грелось,
Нежность торопи.
Если не успелось,
Объяснись в любви.

Поступись в гордыне,
Снизойди до птиц.
Семечками дыни
Угости синиц.

Плюнь на все бумаги,
Пылью не тряси.
Сироте-собаке
Кости отнеси.

Выходя из дома,
Брось поклон земной
Всем, всему живому,
Бывшему с тобой.

Если жив останешься,
В этом не раскаешься.

* * *

В небе откружил,
В звездах отлетал.
Горячо я жил,
Сердце потерял.

Шевелю губами,
Разучившись петь.
Не маши крылами,
Если не взлететь.

* * *

Это как же так?
Это что ж такое?
Кто придумал мрак
Вечного покоя?

Если сатана —
Утопить до дна,
Если это бог —
Вилы ему в бок.

Да сказать в конец:
— А еще творец!

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

В. В. Костоглодову

Не по своей вине
Мои стихи и песни
Несут со славой мне
Бесславные болезни.

Не благо,
Что пиит,
Что есть огонь наитий.
Здесь мой дуадинит
Всех строчек знаменителей.

Во мне
Для ваших глаз
Закреплены фиксажем
Воронки старых язв,
Как лунные пейзажи.

Напрасно я потел,
Мой доктор досточтимый,
Когда лечить хотел
Весь мир неизлечимый.

Ах, в нем
То плач,
То стон,
В огне земля и небо.

Поздоровел бы он,
И я поздоровел бы.

Пока в нем
Много слез,
Страданья и мученья,
Мне не в коня овес
Хорошее леченье.

Вы лечите меня,
Меж тем
Все полновесней
Взамен меня моя
История болезни.

* * *

Сроками,
Остатними годами —
Я, как зверь,
Обложенный флажками.

Время,
Что загонщик,
С криком, стуком
Дни и ночи
Держит на бегу.
Все пытаюсь
Вырваться из круга,
Но, как прежде,
Остаюсь в кругу.

Знаю,
Мне, матерому, известно:
Выход есть из круга,
Есть тропа...
Но незафлажкованное место
Сторожит
Охотница-судьба.

* * *

Все замечают:
Я добрею.
Не понимают,
Что старею.

Друзья,
А что здесь понимать,
Умрем — аукай не аукай!..
Как перед вечною разлукой,
Мне хочется
Всех обнимать.

Не полукавить,
Не польстить,
Нет, нет, но тем, что досадили,
Сегодня хочется простить,
Простить,
Чтоб и меня простили.

Наглеют
Недрузи-враги,
Заметив в буйных прядях проседь,
Друзья мои, пора отбросить
Раздоров наших
Пустяки.

Любовь и дружба —
Вот блаженство!

Мне даже кажется, ей-ей,
Почти что верхом совершенства
Скандальный
Марков Алексей.

Все замечают:
Я добрею
Кто знает,
Может быть, мудрею.

* * *

Мои собратья
Нагло врут,
Утешась мыслью той,
Что ежели они умрут,
То вновь когда-нибудь взойдут
Цветами и травой.

Как будто в том,
Что есть поэт,
Природа не потеряла,
Как будто у природы нет
Другого матерьяла.

Как будто без его солей,
Без горсточки тщеты
В урочный год
Не хватит ей
На травы и цветы.

Друзья,
Все это бред пустой:
Есть у нее запас
И травостой,
И дровостой
Взойдут помимо нас.

Чем прорасти
Не в том вопрос.

На этот милый свет
Каким бы чудом ни пророс ..
В том утешенья нет.
Нет, нет и нет!
И я б хотел,
Хоть в свете,
Хоть во мгле
Уж если не бессмертьем тел,
То добротой наших дел
Остаться на земле.

* * *

Не хватит
Срока моего.
Все требует
Меня всего.

Жена — всего,
Стихи — всего,
И даже мой «Урал»
Стрекочет,
Чтобы я его
Всю жизнь
Не покидал.

Друзья — всего,
Враги — всего.
Не хватит
Срока моего.

МУЗЫКА

Моя душа,
Иссохшая в гордыне,
Горячих звуков
Впитывает дрожь,
Как влагу
Опаленная пустыня,
Когда над ней шумит
Спаситель-дождь.

И в свежести,
И в солнечности восточной,
И в чувстве
Убывающей тоски
Моя душа,
Как влажные пески,
Становится живой
И плодородной.

* * *

Цветы — душа людей,
Открытая добру,
Цветы — глаза детей,
Не тронутые плачем.
В дни радости они
Смеются на миру,
В дни бедствия
Мы их от горя прячем.

Душа цветов чутка
На горе и беду,
Они уходят с глаз,
Чтоб их не замечали.
Цветы, когда беда,
Всегда не на виду,
Не вовремя цветы,
Как музыка в печали.

Цветы умеют ждать,
У них терпенье есть,
Как у людей труда,
Встающих до рассвета.
И в дни великих бед
Они умеют цвести,
Чтоб радость нам дарить,
Когда придет победа.

* * *

Дети плачут по-разному,
Дети плачут порой
Без опаски к опасному,
За веселой игрой.

Дети плачут по прихоти.
В мире много детей
Плачет к маленькой выгоде
Своих детских затей.

Но при множестве разностей,
При жестоком враге
Дети плачут в опасности
На одном языке.

* * *

Клянусь вам,
Убежденный в том,
Что старый миф
О бывшем где-то,
Когда-то веке золотом
Придумывали не поэты.

Беря бывшее в образцы,
Душой доверяясь
Сказкам пошлым,
Ленивцы,
Жалкие слепцы,
Они его искали
В прошлом.

Зато поэт,
Он удивлен,
Что разум,
Не глухой к преданьям,
Терзается воспоминаньем
Далеких будущих времен.

Все, все,
О чем бы ни мечтали
В года минувшие и днесь,
Все, все,
Что в будущее слали,
Там, в дальних далях,
Как бы есть.

Тот мир —
Он есть,
И потому,
Как по закону эхолота,
Времен грядущих позолота
Пыльцой цветка
Летит к нему.

* * *

Нет, это все наветы,
Что будто не дружны мы.
Поэты, как планеты,
Взаимно притяжимы.

И те, что дружбой слиты,
И те, что мечут громы.
Слетит один с орбиты —
Несдобровать другому.

* * *

Жаждем истины во всем,
Жаждем веры, между тем
Стало меньше аксиом,
Стало больше теорем.

В сфере солнечных орбит
Заменялся нешутейно
Доказуемый Эвклид
Недоказанным Эйнштейном.

В прямоту путей своих
Вносим новые охваты:
Нет и не было прямых,
Все прямые кривоваты.

Но скажу вам горячо:
Ничего вы не добьетесь,
Если вам на каждый чох
Нужно дюжину гипотез...

* * *

В многомудром кураже
Знатоки и слов и слога
Говорят, что о душе
Говорю я слишком много.

Мудрость века вороша,
Похваляясь эрудицией,
Говорят, что ты, душа,—
Не душа, а только фикция.

Чем же ты нехороша
Тем, которые в бесстрастности
Говорят, что ты, душа,
Кем-то выдумана
В праздности.

Как им втиснуть
В мысль и в страсть,
Что в далекой смутной вечности
Ты, родная, зачалась
Ради высшей человечности.

* * *

Поумнела голова —
Стали легкими слова,
Легкими, как мячики,
Что играют мальчики.

А бывали времена,
Не давались письмена,
В строчки неуклюжие
Лезло слово дюжее.

Поседела голова,
Все ей стало трын-трава,
Кроме всеми мыслимой
Самой нужной истины.

* * *

Поэзия —
Не профессия,
Поэзия, как любовь.
Если уж есть,
Так есть она,
А нет —
И не суесловь.

Ах, поэты,
Проказники,
Как вам строчить не лень!
Поэзия — это праздники,
А праздник
Не каждый день.

* * *

Я и эпик,
Я и лирик,
А могу и на трубе.
Каждый вечер панегирик
Сочиняю сам себе.

Каждый вечер говорю:
«Я тебе, Василий,
Сочиню и подарю
Стих еще красивей».

И когда
Скажу вот так-то
И пишу, себя пьяня,
Появляется редактор,
Отрезвляющий меня.

* * *

По мере славы
И по мере дней
Все больше у меня
Учителей.

Все знатоки,
И все чему-то учат
В одной надежде,
Что меня улучшат.

Один из них
Почти что приказал,
Чтоб не скудел мой стих
Строкою жгучей:
— Режь правду-матку
Недругу в глаза! —
А сам свои отвел
На всякий случай.

Другой взывал
К таланту моему,
Слезой молил,
Чтоб нежным оставался.
— Да не хочу! —
Ответил я ему.
Он завздыхал:
— Так-так, уже зазнался!..

Вот и боюсь
Послушаться оплошно.
Учиться б рад, -
Заучиваться тошно.

000000000000

* * *

Ты уверяешь,
Что родились мы
Смягчать сердца
И просветлять умы?

Пожалуй, что
Оно бы так и было,
Когда б живому
Вольно жить и цвеств,
Когда бы в жилах
Наша кровь не стыла
Ото всего того,
Что в мире есть.

Светлить умы
Жестокости тупой?
Смягчать сердца
Идущих на разбой?

Светлить!
Смягчать!
Прекрасен твой порыв,
Но я признал
Смягченье не любое.
И сталь смягчают,
Прежде закалив,
Чтоб не ломалась та
Во время боя!

* * *

Мне б,
Не горбясь под ношею,
Надо с прежней охотой
Сделать что-то хорошее,
Сделать доброе что-то.

Мне б
Взрастить, что посеяно,
Ну, хотя бы до восхода,
И уйти, как Есенину,
Под защиту народа.

* * *

Секунда — миг, а все же
И в ней дано меняться.
Минуты не похожи,
Как отпечатки пальцев.

Но век людей не тешит
Разборчивостью тонкой.
Он дни и судьбы чешет
Под общую гребенку.

* * *

Мне Библия
Романа не святей,
Но, знающему счет
Добру и худу,
Обидно все же
Видеть среди людей
Защитников
Предателя Иуды.

Забыв и стыд,
И правый суд времен,
Мне говорит
Его адвокатура,
Что будто вовсе
Не предатель он
И не подлец...
А сложная натура!

* * *

Тем, жалким,
Что не нам поют,
Тем, что с врагами
Втайне ладят,
Тем, что Россию предают,
За рубежом
Неплохо платят.

Узнав цену
Измен своих,
Сленцы,
Вы думали спесиво,
Что платят вам
За вас самих,
А вам платили
За Россию!

В ЦИРКЕ

Львы и псы?
Прием не нов.
На арену драк и драчек
Дрессировщик грозных львов
Выпускает злых собачек.

Те и лают и визжат,
Заглушаемые рыком,
На арене мельтешат
Застелив глаза владыкам.

Чтоб казалось,
Что у львов,
А у грозных и тем паче,
Злее не было врагов
Этих шустреньких собачек

МОЙ АДРЕС

Въезжая
На Кутузовский, уже
Вы гость мой,
Ибо, шумом оглоушив,
Вы будете въезжать
Мне прямо в душу
И славно ехать
По моей душе.

По ней,
Моей душе,
Машины мчатся,
Гудят,
Визжат,
Кудахчут.
Что ж, терплю.
Вы приезжайте,
Можете стучаться
И за полночь —
Я все равно не сплю.

**ЗАЯВЛЕНИЕ В ЖИЛИЩНУЮ
КОМИССИЮ**

Проживая
В маленькой комнате,
Той, что меня
Облекла и сжала,
Не хочу дележа,
Но помните:
Я совладелец
Земного шара.

А если делить,
Делите на души —
Миллиарды гектар
На людей миллиарды.
Сколько мне
Достанется моря и суши —
Столько, что будете
Сами не рады.

* * *

Зачем чужие страны,
Когда есть Комарово.
Зализываю раны,
Ищу живое слово.

Здесь тишина без края,
Не то что шум столичный.
Мне тишина такая,
Как счастье,
Непривычна.

Здесь сосны,
Храмы словно,
Маяча в небе млечном,
Недвижно и безмолвно
Внушают мысль о вечном.

Родят
К тому презренью,
Законное в поэте,
Что нет во мне прозренья
Хотя бы
На столетье.

Как цветы на заре.
Так и люди
В любви хорошеют..

Как цветы на заре

* * *

Цветы и травы
Пахнут так —
Нельзя не захмелеть.
С горы вся даль распахнута,
Что хочется лететь.

Лететь, лететь
И песни петь...
О чем?
Да ни о чем.
Лететь, лететь
И сердце греть,
Чтоб пелось горячо.

От счастья
Сердце выроню, —
Зачем теперь оно, —
Чтоб стало мне,
Как было мне
Давно,
Давно,
Давно...

* * *

Весной,
Рабу пера,
Мне нравится пора,
Когда у всех селений
Игра костров весенних.

Все чувства
Вновь остры
И яркие до свеченья,
Когда горят костры
Любви и очищенья.

Что было, сожжено.
И жизнь — как лес весной,
Где все обнажено,
Все зримо,
Все сквозное..

* * *

Как цветы на заре,
Так и люди в любви хорошеют.
Неразгаданный взгляд
Мое вольное сердце потряс.
Руки пьяно, как хмель,
Оплели мою гордую шею,
И глаза почему-то
Нельзя оторвать мне
От глаз.

Все гляжу и гляжу
И никак не могу наглядеться.
Так в причудливом мире
Робеет душа новичка.
Вижу робость и зов,
Вижу юность и детство,
Опрокинутый мир,
Отраженный
В огромных зрачках.

Все гляжу и гляжу,
Оторваться не в силах
От веселых-веселых,
Бесовских во плясе кудрей,
От бесстыдно зовущих,
От страстно и сладостно милых:
Милых губ,
Милых глаз
И летящих бровей.

Ну, люби!..
Ну, люби!..
От любви
Никуда нам не деться.
Ну, люби же, люби!..
Я давно этой радости ждал.
Мы одни. Никого.
Убежало стыдливое детство.
Страх метался в заре
И за краем земли пропадал.

www.otobrazite.ru
2013

* * *

Лицо тоскою выбелю,

Приду к тебе

тебя

Любить, как перед гибелью,

До слез,

До забытья,

До бреда,

До сожжения

В судьбе, а не в игре,

До чуда воскрешения

На утренней заре...

* * *

Скажи, мое сердце,
Кому ты верно?
Зачем я от каждой пьянею?
Ответь, почему дорогое вино
Сберечь для одной
Не умею?

По нашему краю
Красавиц не счесть,
Но сердце, вперед увлекая,
Стучит и стучит:
«У меня уже есть
Другая,
Другая,
Другая...»

Молчи.
Не хочу я твой призрак ласкать,
Вздыхать без надежд и отрады.
А сердце все гонит:
Мол, надо искать,
И я соглашаюсь,
Что — надо!

Веди меня, сердце,
Скорее веди,
Иначе разлука измает.
Так маленький деспот
В немалой груди
Любовью моей управляет.

* * *

От любимой
Надо уезжать,
Надо убежать
От нелюбимой
Для любимой
Будешь дорожать,
К нелюбимой сбросишь
Долг свой мнимый.

Нелюбимую
Надежд лишай,
Убивай все поводы
К возвратам.
Благородством
Жить ей не мешай,
Убежав,
Останься виноватым.

Хладным сердцем
Не расплавить лед.
Все равно
Испрошенная ласка
По весне от сердца отпадет,
Как сырая
Зимняя замазка.

* * *

Прощай!
Нам слез не лить
От горя и отчаянья.
Быть нежной,
Доброй быть
Не надо на прощанье.

Прощай!
Не буду ждать.
Не ждать — душе честнее.
Не надо целовать,
Пусть сердце очерствеет.

Надеждой
Не делись,
Оставь без лишней ноши,
Хорошей не кажись,
Останься нехорошей!

Так можно
Все внушить,
Поверить в святость ада,
А люди будут жить
И думать:
Так и надо.

* * *

На разлуке,
На муке стою...
Вот и все.
Вот и время проститься.
И целую я руку твою,
Как крыло
Улетающей птицы...

* * *

Душе безысходней,
Как будто весь мир сиротлив.
У моря сегодня
Какой-то печальный мотив.

Как будто тоскует
О верной,
О вечной любви,
Как будто толкует
О всех, кто остался вглуби.

О Черное море,
Зачем же о берег так бьешь?
О Черное море,
Тоскуя, не жертвы ли ждешь?

О Черное море,
Готов я к любому броску...
Неужто собою
Твою утолить мне тоску?

Прости меня, море,
Что медлю,
Что в мире тревог
Насытиться жизнью
Я, Черное море, не смог.

Печалью певучей
Над теми, кого не спасти,
О Черное море,
Не мучай,
Не мучай.
К любви отпусти!

* * *

Обидят.
Оболгут.
Не мщу.
Боюсь во зле
Сойтись со спесью.
Я не спокойствия ищу,
Ищу любви,
Как равновесия.

Зло — бред,
И злые, как в бреду,
Приносят людям
Лишь страдания.
Да бережет меня сознание:
Превысит зло —
И упаду!

* * *

Не ходим
В эстетической уздечке,
Изысканность —
На кой нам черт нужна!
О женщине красивой,
Как о печке,
Мы говорим:
— Неплохо сложена...

* * *

Так мне велит
- Души моей настрой:
Пусть буду
Испытаньям я подвержен,
Пусть жизнь со мною
Поступает тверже,
Но только не обходит
Красотой!

* * *

За позднюю вину,
За то, что грудь остыла,
Того не прокляну,
Что прежде
Счастьем было.

Пусть рана
Жжет вглуби,
Но все ж за эту рану
Я прошлое любви
Обкрадывать не стану.

Припомню те черты,
И сердце тронет жалость.
Кто виноват, что ты
Той, прежней,
Не осталась!

* *

Боюсь не смерти я.

М. Ю. Лермонтов

Боюсь не смерти я.
Нет, нет!
И не предсмертного мученья,
Боюсь до смерти отлученья
От увлечений юных лет.

Не то боюсь,
Что жизнь утрачу,
Но, без любви и без огня,
Боюсь того, что не заплачу,
Когда разлюбишь
Ты меня.

Не страшно,
Что приду к излому,
Что стану нем и недвижим.
Страшней всего
Всему живому
Вдруг сразу
Сделаться чужим!

* * *

Одинок я,
Где моя родня?
Все близки -
И все в далекой дали.
Женщины не верили в меня
И моих детей
Не сберегали.

Что ж, скажу
Печаль невелика
Просто были мы
Душевно разны.
Те, что рассуждали свысока,
Думали, как все:
Гуляка праздный!

Лишь одну
Ославить не хочу
Т у, что видела
Всегда крылатым,
Но и та ждала, что улечу
В некий час
Маршрутом невозвратным.

Что ж, скажу,
Не мне - другим урок,
Чтобы прочитавший эти строки
Не был в жизни
Так же одинок:
Будто близкий всем
И всем далекий

* * *

Как душою ни бьюсь,
Ни кричу
От ударов изменческих,
Ничего не боюсь —
Глаз боюсь человеческих.

Есть,
Не спорю, — идешь
И, как часто бывает с поэтами,
Взгляды нежные рвешь
И уносишь букетами.

Есть такие,
Что жуть,
Даже нет никакой
В них подробности.
Не успеешь взглянуть,
Как увидишь две пропасти.

* * *

Не за слезы ли,
Что лила,
Меня женщина
Прокляла...

Телефон звонил оголтело,
Будто колокол с каланчи.
— Проклинаю вас! — долетело,
И все смолкло в глухой ночи.

Засмеялся.
Заснуть бы снова,
Дикий выкрик,
Как сон, заспать,
Только стало ночное слово
Странной тяжестью обрастать.

Есть слова,
Они роковые,
Когда люди их говорят,
В них на сроки все вековые
Отлагается жизни яд.
Смысл их древний бывает жуток,
Злая магия входит в дых,
С ними, темными, не до шуток.
Кто ж мне бросил
Одно из них?

Мне казалось,
Мои обьятья
Ни одну не сделали злей.
Но я проклят, и то проклятье
С каждым годом все тяжелей,
Все сильнее догадки мают,
Все труднее избыть мне их;
Посторонних не проклинают,
Отверженьем не бьют чужих.

Не за слезы ли,
Что лила,
Меня женщина
Прокляла...

* * *

Ну вот,
Опять я начудил,
Разлил себя,
Как пиво пенясь.
Кто старость
В детстве ощутил,
Тот и до старости
Младенец.

Не торжествуй
И не стыди,
Иначе стану
Безрассудней.
Пусть виноват,
Но не суди,
И без тебя
Так много
судей.

И без тебя
В конце концов
Найдется тот,
Кто глянет строго.
Мне ль в мудрецы
Ведь мудрецов
На всей земле
Не так уж много.

Мне жить,
Как пале на роду:
Расплескиваясь
И волнуясь,
С годами
В детство не впаду,
А если и впаду,
То в юность!

Мне жить, как пале на роду:
Расплескиваясь и волнуясь,
С годами в детство не впаду,
А если и впаду, то в юность!

АРХИВ

Строчки страсти,
Письма, вести,
Словно угольный урон,
Как шахтер,
С породой вместе
Отправлял на террикон.

И теперь
Давно избытых,
Отошедших в недогляд,
Терриконы чувств забытых
Адским пламенем горят.

Было б нужно,
Было б важно
Все прибрать
И снова жить.
Только стало
Что-то страшно
Жизнь былую ворошить.

* * *

Цыганка пела про любовь,
Про ночь и страсть цыганка пела.
Ознобно. вздрагивало тело,
Лукаво вскидывалась бровь.
Цыганка пела про любовь.

Цыганка пела про меня,
Напоминая и пророча
Безумие какой-то ночи,
Недоплясавшейся до дня.
Цыганка пела про меня.

Зачем я предал сердце злу?
Сидел во тьме, белее снега,
И ворошил я, как Алеко,
Костра остывшую золу.
Зачем я предал сердце злу?

* * *

Я давно
Не испытывал нежность
И мечтаю —
Ты только приходи! —
Выпить ласки
Небесную свежесть
И заснуть
На прохладной груди.

Весь я в жажде,
Как после пожара,
Что пожег
Все родное вокруг.
Дай мне, милая,
Сон без кошмара,
Пробуждение
Без страха и мук.

Сколько молний
Меня осветило!
Сколько громов громило,
Не в счет...
Может быть,
Заземленная сила
Не погубит меня,
А спасет.

* * *

Мы с нею
Повстречались вновь,
Но легкомысленная женщина
Забыла, что ее любовь
Была мне
В юности обещана.

Лишь разговор —
И вновь прощанье.
Глаза лукавые цветут
Все тем же
Милым обещаньем,
Которого три года ждут.

СЕМЕЙНЫЙ РАЗГОВОР

Много ли нужно —
Малую малость,
Чтоб разлетелось
Все за версту...
Каждая лошадь
Хоть раз да брыкалась,
Каждая лошадь
Рвала узду.

Любим похвастать
Века вершинами,
Будто кто гонит —
Бегом да бегом...
Слишком привыкли
Играть машинами,
Силу смирять
Простым рычагом.

Сам заводской,
Но моя романтика
Выше дела
И выше слов.
Больно видеть,
Как автоматика
В души внедряется
Раньше цехов.

Хочешь и ты,
Чтобы все впритирочку,

Чтобы не рвал
Семейных пружин,
Хочешь, чтоб я
Превратился в дырочку,
Вбитую в ленту
Счетных машин.

Хочешь, чтоб я
Был, как все, хорошим,
Мне ж та хорошесть -
Как острый нож.
Любишь меня
На многих похожим
И ненавидишь,
Когда не похож

Нет, не хочу.
Чтобы жизнь обрекалась
На одну
Для всех борозду..
Каждая лошадь
Хоть раз да брыкалась
Каждая лошадь
Рвала узду...

* * *

В этом
Нет моей вины,
И отчаиваться нечего.
У поэта нет жены,
У поэта только Женщина,
Только Женщина — да, да! —
Пусть простит мне жизнь убогая,
Только-только та одна,
Недоступная,
Далекая.
Только та,
Что темноту
Отгоняла светом вымысла,
Только та, что красоту
Из моих мечтаний вынесла.
Мой порыв ее вознес
Выше нашей повседневности,
Выше горя,
Выше слез,
Выше страха,
Выше ревности.
В ней —
Все чудо,
Все мое.
Но тебя люблю ведь тоже я,
Потому что на нее
Ты немпожечко похожая.

* * *

Не затем я
Горячее сердце ковал,
Не затем я покоя
Ему не давал,
Не затем я поил его
Горькой отравой,
Чтобы стало оно
Для кого-то забавой...

Я надеждой,
Как молотом,
По сердцу бил,
Я ковал свое сердце
Для вечной любви,
Чтобы билось не пульсом,
А праздничным звоном,
Чтобы знали, что значит
Быть сердцу влюбленным,
Чтоб Звездана,
Тоскуя в краях неземных,
Услыхала набаты
Моих позывных...

Вот зачем
Я ковал свое сердце!

* * *

Придорожная ромашка
В комьях бросовой земли,
С добрым сердцем нараспашку
Ты всегда стоишь в пыли.

Лепестки твои большие,
Ты б гадала, не фальшивя:
«Любит, нет ли?»
Цвет отдав,
Лишь спроси,
Сказала б: «Да».

Но в заботе бестолковой
Каждый мчится, пятки жжет,
К дальней,
Мелколепестковой,
К той,
Которая солжет.

* * *

Средь черных
Чертовых забот
В тайге угрюмой,
Как ненастье,
Чету берез увидел черт
И воспылал к березе страстью.

Его любимая была
Стройна и девственно бела.
Влюбленный черт,
Пленный белым,
Стал целовать нагое тело.

Не овладев ее красой,
Заплакал черт,
Как плачут черти,
И черной чертовой слезой
Березу белую отметил.

БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ

Жалуются девы!
Стало-де сложней
Для души и тела
Выбирать мужей.

Жалуются мужи,
Страхом сражены
Дескать, стало хуже
С выбором жены.

Бог Адама выпорол
Не по той вине.
У Адама выбора
Не было в жене.

И у Евы в доме
Друга своего
Был Адам, а кроме
Тоже никого.

Впрочем, два наива
Весь библейский срок
Жили бы счастливо
Не вмешайся бог

* * *

Что за чушь
Слышу я,
Как не стыдно лгать,
Будто жены мужьям
Не дают дышать.

Вот моя
Не корит,
Будто не грешил.
Как приду, говорит:
— Ну-ка, подыши!

* * *

Весь отдаваясь помыслу,
Надежде на тебя,
По радуге,
Как по мосту,
Поднялся к солнцу я.

За красоту,
За радости,
За то, что счастье знал,
В порыве благодарности
Я солнце целовал.

* * *

Не в памяти,
В сердце осталась,
А в нем
Только с ним и умрет,
Как в юности ранней мечталось
О милой — какая придет?

Мечтал я
На раннем покосе:
По травам,
По синим цветам
Придет, мое сердце попросит,
И я свое сердце отдам.

Косили мы луг,
Откосили,
Копешки сметали в стога.
Никто не пришел на луга —
И сердце мое
Не спросили.

* * *

Мне житейская мудрость
Известна давно:
Грусть и боль —
Это сестры незнанья.
Когда сердце
Всею вопреки влюблено,
А в ответ
И надежды любви не дано,
Вместо радости —
Только страданье.

Голос разума
Сердцу умолкнуть велел.
Не сержусь,
Что с тобою разняли.
Благодарен за то,
Что ты есть на земле,
Знал я то,
Что другие не знали.

Сердце было
Случайной улыбкой пьяно.
Счастье жду
Терпеливо опять я.
Когда ты на земле,
То возможно оно.
Ясным утром
Не веришь, что было темно,
Что у ночи
Мы были в объятьях.

Разум сердцу внушал:
Эту ночь не пройти,
Она землю
Кругом охватила.
Благодарен за то,
Что на трудном пути
Ты недолго,
Но ярко светила.

Мне века на подвиг не надо.
Не надо,
Мне нужен порыв!

Заметки

* * *

Различий нет,
А есть года,
Есть возраст —
Разница лишь в этом.
Наружностью
Земля — планета,
А в глубине
Она — звезда.

* * *

Себе сказал
И говорю другим,
Всем говорю
С упорством постоянным:
Язык любви
Не может быть нагим,
Язык борьбы
Не должен быть туманным.

* * *

— Что ты молчишь? —
Услышал я упрек.—
Ведь ты бы мог
Нам рассказать о многом.
— При чем здесь вы?!
Своим высоким слогом
Я разговаривать
Учился с богом,
А бога нет —
Вот я и приумолк.

* * *

Забывая о своем
Довольно добром даре,
Он сберегал себя,
Как скрипку Страдивари,
Но, избежав все зло,
Все страхи мук,
Он начал издавать
Фальшивый звук.

* * *

Великий Пушкин
Говорил когда-то:
Поэзия должна быть глуповата.
Раскрой же смысл загадки до конца
И отличать учись всегда ты
От глуповатого
Глупца

* * *

Когда ему ликуется,
Поэт похож на курицу:
Снесет словцо,
Как яйцо,
И целый день кудахчет.

* * *

Все выскажу,
Ни перед кем не струшу,
Не отступлю
Ни перед какими лицами.
Невысказанный гнев
Убивает душу —
Не становитесь
Самоубийцами!

* * *

Пусть недруги бранят,
Трудись, не споря.
Они тебя гранят
Себе на горе.

* * *

Поэзией
Приписанный к векам,
К бессмертью слов,
Когда меня карают,
Как Будда,
Я не мщу своим врагам —
Они с годами
Сами умирают.

* * *

Негодяй!..
Стыда не зная,
Завершив позорный труд,
Почивал он, — негодяи,
Видно, тоже устают.

* * *

С любовью —
Хоть гроза!
А без любви беднякам,
Нам небо — как глаза,
Подернутые мраком.

* * *

Изо всего того,
Чем люди дышат,
Что не дает
Качнуться и упасть,—
Есть красота.
Она из благ всех выше,
А выше красоты
Лишь страсть.

* * *

Мне дорог смех,
Но все же различай
Веселье глупости
И мудрости печаль

* * *

До всенародного признанья
Пути заведомо трудны.
Поэт обязан
Жить в изгнанье
Хотя б
От собственной жены.

* * *

Что сказать мне
О двадцатом веке?
Я скажу,
Что людям не везет,
Льется кровь,
И в каждом человеке
Стало меньше крови —
Вот и все!

* * *

Собака
Любит пост,
С начальством
Любит встречи.
Но отрубили хвост—
Вильнуть собаке
Нечем.

* * *

С. Подделкову

Человек — пароход,
Что стремится к верховью,
Натужен,
Где опасность
Вдвойне велика:
Грузы все тяжелей,
Днище глубже и глубже,
В то же время
Все мельче река.

* * *

Писатель некий
Предался врагу;
Сбежав от нас,
Ведет себя болтливо.
Предательство
Не ново на веку.
Еще один предатель —
Эко диво!

* * *

Все ворочают умами:
Ходит Пушкин
Между нами!
Где же?
Видимо, сей бард
Не имеет бакенбард.

* * *

Извечный спор
Меж школами и школками
Закончу я
В сознание правоты.
Хоть наши музы
И ходили голыми,
Поэзия не терпит наготы.

* * *

Как мы пишем?
Как летаем мы?
Все по-разному смелы:
Воробьи летают стаями,
Одинокими — орлы.

* * *

К чему безмерные потуги?
Пусть успеваешь зреть душа.
Котенок начинает с мухи,
Потом доходит
До мыша.

* * *

Вам, девушки,
К семье идущим,
Желал бы я
Из благ земных:
Детей, не слишком озорных,
Мужей, не очень много пьющих.

* * *

Любит совесть?
Нам не в новость
Доброта людей таких.
Негодяи любят совесть,
Когда совесть —
У других.

* * *

Что пчела
Врага карает,
Трутня не касается.
Трутень мед не собирает
Вот и не кусается!

* * *

Есть в дружбе
Доброе ядро,
Прекрасно слово «друг»,
Но дружба —
Это не бюро
Приятельских услуг.

* * *

Кто любит сласть,
Тот сладости добьется.
Была бы власть,
А подхалим найдется.

* * *

Милый друг,
Хочу сказать,
Чтобы знал ты наперед:
Радость надо нам искать,
А печаль —
Сама найдет.

* * *

Родник струился
Во всю пруть,
И я, как полагается,
Напившись,
Кран хотел закрыть,
А кран
Не закрывается...

БЕРЕЗА

Стоит в бересте́
Под еловою кроной,
Как в курной избе
Золотая икона.

Приди поклониться —
И боль отболится.

* * *

И на кронах
И на кронцах
Птицы в мартовском лесу
Уговаривают солнце
Поторапливать весну.

Птицы, птицы!
В дни страдания,
Даже в радостные дни
Ваши птичьи заклинанья
Значат больше,
Чем мои.

* * *

Мухоморы-капутники,
Все поганки боров —
Неизменные спутники
Настоящих грибов

Заприметив негодные,
Поищи благородные

* * *

Пусть одинаков сорт,
Пусть цвет, похоже, красный,
Но разная земля —
И вкус у яблок разный.

* * *

Душа томилась
По живой природе.
Скосил траву я
В нашем огороде,
Сметал стожишко.
На ольховый стяж
Воропа села —
И уже пейзаж!

* * *

Картина не типичная,
Но облик постоянный:
Коровники кирпичные,
А клубик
Деревянный.

•

* * *

Он говорит
И страстно и глубоко,
Но странно видеть
Сытого пророка

* * *

Бог любви,
Я снова в сердце ранен.
Огради от смертного одра,
Удержи меня на светлой грани,
Чистой грани
Мира и добра.

* * *

Он и впрямь
Какой-то разный,
Как редиска разноспелый:
Поглядишь — снаружи красный,
А раскусишь,
Видишь — белый.

* * *

Я ваших сочувствий
Не слушаю,
Что из носу кровь потекла.
Борьба — это самое лучшее.
Что жизнь
Подарить мне смогла.

* * *

Берегите меня
До последнего дня,
Берегите меня
До последнего часа,
Берегите меня,
Как цыгане коня,
Чтобы гикнуть потом
И умчаться.

Женидьба Дон-Жуана

Ироническая поэма в семи песнях

ОТ АВТОРА

Как бывало со мной и прежде, эта поэма явилась для меня полной неожиданностью. Сначала хотелось написать стихотворение с названием «Женитьба Дон-Жуана», проследить чисто психологический момент такого шага, что само по себе настраивало на иронию и шутливость. Если бы стихотворение написалось, о поэме не было бы и речи, однако при многих попытках мне оно не давалось по формальным причинам. Привычный и верный мне ямб на этот случай оказался бессильным, может быть, по той же причине, о которой сказано в самом начале пушкинской поэмы «Домик в Коломне»:

Четырехстопный ямб мне надоел:
Им пишет всякий. Мальчикам в забаву
Пора б его оставить. Я хотел
Давным-давно приняться за октаву.

Случилось, что меня, наоборот, выручила мальчишеская забава. Когда-то в Марьевке, бегло знакомый с октавой и спенсеровской строфой «Чайльд Гарольда», не имея их под рукой, я начал сочинять что-то шутливое, будучи уверенным, что пользуюсь одной из этих классических форм. К моему позднему удивлению, моя «октава» оказалась строфой, которая мне пока не встречалась в русской поэзии, а главное — она пришлась к моему двору, к замыслу, внеся в него некие мечтания моей ранней юности. Объемная форма строфы открыла мне возможности поэмы.

В подзаголовке поэма названа иронической не для

оправдания шутливости, насмешливости, даже сарказма ее отдельных мест. Ирония в ней, на мой взгляд, носит структурный характер. Со многих явлений она должна снимать элемент привычности, обнаруживать в этой привычности и комическое и трагическое даже в их соседстве. Ирония вообще обладает пластикой тональных переходов.

Возможен вопрос: а зачем далекого нам Дон-Жуана делать нашим современником? Можно было бы ответить, что так в свое время делали и Мольер, и Байрон, и Пушкин, но этого мало. Дело в том, что многие узлы нашей морально-нравственной жизни, которые мы распутываем, были завязаны в далеком-далеком прошлом. Сохраняя преемственность прежних Дон-Жуанов с их романтическим ореолом, мой Жуан в жажде семейного счастья, как одного из главных смыслов жизни, проходит путь от героя и полубога к человеку.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

У бога мертвых нет...
Древняя мудрость

Пройдя через века
По многим странам,
Стихам,
Поэмам,
Драмам и романам,
Пройдя легенд мистический туман,
Познав мужей ревнивых гнев и ропот,
Душой устав и накопивши опыт,
В наш новый век женился Дон-Жуан.
А впрочем, к безрассудному почину
Имел Жуан двойкую причину.

Женился он,
Сказать приятно мне,
Не где-то, не в какой-то там стране,
А именно у нас, в Стране Советов,
Где появился после тех времен,
Когда стал замечать, что обойден
Вниманьем своих западных поэтов.
Не мнил и здесь к Суркову в стих попасть,
Но знал, что в новизне
Новей и страсть.

О, страсть любви!
От самых давних дней
Он дивным был художником страстей,
Но многоцветье высших ощущений
Сгубила буржуазности печать,

Когда нужды не стало обольщать,
Все женщины пошли без обольщений.
А если чувства словом не цветут,
От страсти
Обновления не ждут.

Лишь страсть ценна.
Прожив века, он знал,
Как изменялся жизни идеал,
Как старики к безусым шли на милость,
Как занимали троны торгаши,
Как падала во всем цена души,
Как все менялось, билось и дробилось,
Но страсть любви
Во все века и лета
Была как неразменная монета.

Явился он
В предел моей страны,
Конечно же, не в поисках жены,
Скорей всего хотел поволочиться.
Когда ж увидел стройку вертопрах,
Ее ошеломительный размах,
Решил остаться и переучиться,
Чтоб смыть с души
Без прежнего цинизма
Родимое пятно феодализма.

Итак, на стройке
Страсти пилигрим
Прижился даже именем своим:
Жуан ли, Жан ли, был бы работяга.
В то время, как теперь сдается нам,
К туманным иностранным именам
Была у нас особенная тяга,
Хоть римский Цицерон, к чему чиниться,

Звучит по русски
Вроде Чечевицын.

И все-таки потом
Приставку «дон»,
Как ни звучна была, отбросил он,
Взял и отсек без всякого терзанья,
Как отсекают, взятую в щепоть,
Вполне живую, трепетную плоть
При тягостном обряде обрезанья.
Жуан без «дон» по собственной охоте
Стал проще,
Как еврей без крайней плоти¹.

Не диво ли,
От первого «люблю»
У нас закон оберегал семью,
А строгому закону в подкрепленье
Через цехком, завком и женсовет,
Партком и комсомольский комитет
Был и закон общественного мнения,
И тот, кто преступал за грань закона,
Не избегал порой
И фельетона.

«Вот хорошо, —
Подумал жен желанник, —
Что у семьи так много добрых нянек,
Особенно для грешных, кто, как я,
Решил навек оставить круг порочный,
С такой подмогой счастье будет прочно.
Долой разврат!
Да здравствует семья!»
Тогда еще не знал он иносказ:

¹ Религиозный обряд у мусульман и иудеев.

Не бойтесь страсти,
Но в любви горячей
Любая страсть
Должна быть только зрячей.
Пусть синие померкнут небеса,
Пусть голубые рухнут небосводы,
Но писанные матерью-природой
Любви своей храните адреса.
В мужчине с женщиной
Есть святой дух,
Когда хранится ими тайна двух.

Открывший тайну —
У порока в нетях,
К ночам любви не подпускайте третьих
Ни воспаленных, ни холодных глаз,
Чтоб трезвым не раскаиваться завтра,
Из ласк любви не делайте театра,
Не выставляйте счастье напоказ.
А для картин о чуде женских ножек
Нам нужен не развратник,
А художник.

Еще и ныне вызывает спор
Рембрандта мудрого «Ночной дозор».
На той картине в призрачном луче
Стоит среди дозорных, в их оплоте
Не то девчонка-нищенка в лохмотьях,
Не то принцесса в золотой парче.
В лохмотьях — тем,
В ком мало интереса,
Влюбленному любовь —
Всегда принцесса.

Иной готов
При чувстве небогатом

Любое чувство называть развратом.
Увидев наготу на полотне,
Такой спешит с поспешностью кретина
От самой благороднейшей картины
С тупым упреком к собственной жене.
Хоть крик борца со всяческими «мини» —
Не крик ли
Вопиющего в пустыне?

Художник — полубог,
Когда творит,
Влюбленный — бог,
Когда душой горит,
Но по возможности воспламеняться,
По высшему призванию творцов —
Детей, картин ли —
В качестве отцов
Они местами могут поменяться.
Прекрасна страсть, взлетевшая высоко,
А холодность души — душа порока.

Как часто бьют
В ревнительный набат,
Как часто говорят:
«Разврат!.. Разврат!..»
Разврат — когда из низких побуждений,
Когда же побужденья высоки...
Не юноши, а чаще старики
Скользят на тропках темных походов.
Нет, истинную страсть, ее азарта
Не надо путать
С путами разврата.

Душа Жуана,
Как одна из ста,
Была добра, наивна и чиста,

Страдательно доверчива к тому же,
На красоту отзывчиво-легка,
Пред женщиной до ужаса робка,—
Что вовсе странно для такого мужа.
Еще странней, что в нем преобладало
Не мужество,
А женское начало.

И вот теперь из этого клубка
Потянем нить с понятием «робка»,
Посмотрим и заметим к удивленью,
Что эта робость в нитке не одна,
Что эта робость мудро сплетена
С готовностью к ее преодоленью.
Так истинный актер, талант бесценный,
От робости дрожит
За шаг до сцены.

И все же в ситуации любой
Жуан по страсти был самим собой.
Жалка лишь подражания печать,
Поскольку подражатели желают
Того, кому нахально подражают,
Перешуметь, на крик перекричать.
Нет, не Жуан смешон,
Смешней всего
Слепые подражатели его.

Мы с ним сошлись,
Встречаясь на работе,
На зауральском авиазаводе.
Не жалею, что жизнь меня свела
И крепко подружила как-то сразу
С конструктором, тогда из цеха плазов,
Из группы элерона и крыла.

Здесь, как в любви
Негаснущего жженья,
Конструкторам нужно **воображенье.**

Высокий, строгий,
То горяч, то тих,
Глядел он на творенье рук своих,
На связь узлов очерченного плана.
Скажу, на сердце руку положи,
Жуан при толкованье **чертежа**
Был строже толкователей **Корана.**
Недаром святость плазового цеха
Была для заводских,
Как туркам — Мекка...

В то время
Из туманной красоты
В нем проступали четкие черты.
Так юности нетронутые лица,
Всегда чуть-чуть хмельные без вина,
Всегда в туманце, будто после сна,
Вдруг обретут гранитные границы.
А эта четкость, эта твердость камня
У женщин будит
Большие желанья

Так и случилось.
Изо всех дорог
Они искали всяческий предлог
Прийти к Жуану, как на техэкзамен,
С холодным равнодушьем напускным
Поговорить о срочном деле с ним,
Остекленев влюбленными глазами,
Потом уйти,
Не выяснив значенья
Каких-нибудь деталей сочлененья.

Но так себя вели,
Боясь изнанки,
Скорей всего студентки-практикантки,
А женщины постарше тех девиц,
Без всяких институтов и теорий
Познавшие законы траекторий,
Стрелять умели из других бойниц.
Они-то ведали, что платя вырез
Глаз ловко заглянувшего
Не выест.

Как всякий
Положительный герой,
Он в строгости переборщал порой,
Легко судил себя, судил других.
Не будьте строги
К собственным изъянам,
Вину за них отдайте обезьянам,
Поскольку мы произошли от них.
История в стремленье к идеалу
Нам не дала
Другого матерьяла.

К своей жене,
Чтоб не казалась мелкой,
Не подходите с необъятной меркой,
Иначе с ней не сжиться и не спеться.
От женщины, коль не мудрит сама,
Не надо ждать сверхмудрого ума,
У женщины должно быть умным сердце.
Она решает в случае любом
Сначала сердцем,
А позднее — умом.

Жуана моего,
Чтоб не мрачить,

На этот счет не мне было учить,
Но в нашем мире — мире небывалом,
Где истины не ходят нагишом, —
Мы устоим на принципе большом
И вдруг заспотыкаемся на малом.
Так у него случилось в ходе дела
С Аделаидою из техотдела.

Она была,
Признать открыто надо,
Не мирового женского стандарта,
А если говорить начистоту,
Ее до встречи с ним я видел трижды,
Да, да, и ничего, а вот поди ж ты,
Мой друг в ней заприметил красоту.
Увидел он всей зоркостью своей
Прелестное ушкó
Среди кудрей.

В нем были хороши до удивленья
Все линии, их матовые тени,
Сферически-лирический овал,
В другой овал миниатюрно вхожий.
А кожа!.. Боже мой, так грубо кожей
Я чудо несказанное назвал.
Теперь представьте
Тот эффе́кт великий
От сказочных светильников
При лице.

Для женщин,
Чтоб занять достойный ряд,
Два ушка вот таких же — сущий клад.
Но среди нас бывают добряки,
Все хвалят в женщине — и то и это,
Того не зная, что и две строки

Из пухлой книги делают поэта.
Недаром за ушком
В тенистой прядке
Мой страстный друг
Помчался без оглядки.

Как встретились
И чем была награда,
В подробностях рассказывать не надо.
Он счастлив был, но говорил:
— Пойми,
Во мне все та же вековая рана.
Я счастлив
Прежним счастьем Дон-Жуана,
А не спокойной радостью семьи.
Хочу иметь жену, иметь при ней
Разноголосый выводок детей.

Почти супруг,
Почти уже родитель,
Он гордо оглядел свою обитель,
Для этой цели годную вполне,
Как пьяный в упоительном угаре,
Вдруг потянулся к вековой гитаре,
Тихонею висевшей на стене,
С которой в прошлом,
Будучи влюбленным,
Пел серенады
Всяким разным доннам.

«Обманутый в жизни
Судьбою зловещей,
Не вял, не прозрел я
Пути своего.
Потратил я жизнь
На разгулы и женщин,

Ни те, ни другие
Не стоят того.

Бессмертную славу
Меняю охотно
И сердце вручаю
Лишь смертной судьбе.
На что мне бессмертье,
Бессмертье бесплодно,
Пока не увижу
Творца и в себе.

Одну назову лишь
Своею судьбиной,
Одна лишь на свете
Мне станет родной.
Любви упоенье
Найду я в любимой,
Все прелести мира
Открою в одной...»

Так пел он,
Фантазируя при этом,
Как, став отцом,
Позднее станет дедом.
Но счастье создавалось невзначай
И так же невзначай оно распалось.
Кого на радость увлекает малость,
Тот и от малости впадет в печаль.
Как ни смешно,
А роль судьбы зловещей
Аделаидины сыграли вещи.

О, вещи, вещи!..
С темных древних дней
Они друзья и спутники людей,

Как лошади, собаки и коровы.
У них есть память,
Есть особый взгляд,
Что человек забыл, они хранят,
Не говоря до времени ни слова,
Зато каким,
Однажды неминучий,
Бывает злым их говорок скрипучий.

Все вещи
По служивости своей
Сживаются с характером людей,
Порой перенимают их недуги, —
Быть может, в том и состоит уют, —
Кряхтят, скрипят и даже предают,
Как давние и близкие подруги.
Иные женщины об этом знают
И потому так часто
Их меняют.

Не знала Ада,
Только молодилась,
Хотя Жуану в нянюшки годилась.
Для разных специй был и разный срок:
Зимой — охлада сыворотки млечной,
А жарким летом нежно молодечный
Зеленоватый огуречный сок
Зато она казалась молодой,
Пока не привела его домой.

Воскликну
Без намерений придиры.
О, наши коммунальные квартиры!
Тыходишь в них не просто, а нырком
Чутьем пройдя то занятое место
Доставшимся от бабушки в наследство

Каким-нибудь громоздким сундуком.
Потом тебя от прочих потаенно
Ведут куда-то в темень,
Как шпиона.

Переступивши
За второй порожек,
Жуан увидел пару стройных ножек.
Нет, нет, я не хочу интриговать
И прикрывать их кружевной оборкой.
Читатель милый, то была кровать
С подушками, уложенными горкой.
А за кроватью, сторожившей вход,
Стоял буфет, стул,
Столик и комод.

О, вещи, вещи,
Даже без обновки,
Как людям, вам нужны перестановки.
Иной себя сто раз переметнет —
И там нехорошо,
И здесь не климат,
Но вот однажды, в угол передвинут,
Глядишь, и свое место обретет.
У Ады и в простенках и в углах
Все вещи были
На своих местах.

Одно забыл.
Стоял еще трельяж,
Имевший тоже ветерана стаж.
Трельяжиком его назвал бы я,
Перед которым Ада то и дело
Легко порхала — о, она умела
При госте прихорашивать себя,
И как бы этим меж собой и им

Создать не что иное,
Как интим.

Но что интим!
Все атомы интима
На этот случай пролетали мимо.
Душа его, как прежде — налегке,
На зов ее любви не отзывалась.
«Где красота? Куда она девалась?» —
И цепенел в позорном столбняке,
Меж тем на кухне женщины-чистюли
Со злым усердьем
Чистили кастрюли.

Коль ты в гостях,
Умей себя улыбить,
Предложенный напиток надо выпить.
Чудак Жуан впервые пить не стал,
А не имей он прошлого отрыжек,
Не помни про себя известных книжек,
То выпил бы, а вышив, и воздал,
Но Байроны и прочие Мольеры
Избаловали парня
Больше меры.

Померкла Ада.
В прежнем нежном стиле
Светильники Жуану не светили,
Они погасли, стала вялой речь...
Как это горько!
Чуткое на жалость,
Мое бы сердце от сочувствий сжалось,
Душа зажглась бы, чтоб любовь зажечь,
Хоть в случае таком же наши Ады
Бывают с нами
Так же беспощадны.

Кто виноват?
Скажу не воровато,
Скажу открыто — вещи виноваты.
Послушны вещи лишь по мелочам,
Но в главном, даже взять и стул-калеку,
Не вещи потакали человеку,
А человек прилачился к вещам.
Они-то Аду, равную годами,
И делали при них
Такой, как сами.

Есть заведенья,
Где на первый взгляд
Поношенные вещи молодят,
Продельвая сложные работы:
Как женщин красят, клеят ловко так,
Что, нанеся на них волшебный лак,
Им возвращают прежние красоты,
Но дни пройдут, и где-нибудь, однако,
Реальный возраст
Глянет из-под лака.

У красоты нет возраста, когда
Ничем не нарушима красота,
Когда ее изнанка мудро скрыта.
Земля в цвету юна, но шрам косою
Геологу откроет мезозой
И меловые тайны мезолита.
А наша Ада, как заметил гость,
И без ущерба виделась насквозь.

Жуан подумал,
Не желая лгать:
«Пока не поздно, надо отступить.
Еще одна победа — шаг к полону,
Но если отступление суждено,

Пусть будет подготовлено оно,
Иначе быть великому урону...»
И тут мой друг задумался, решая,
Как отступить,
Ее не унижая?

На этот счет
У многих разнобой,
Но вывод общий: поступишь собой!
Жуан глаза, приопуская веки,
Трагически закрыл на этот раз.
— Вы хороши... Я недостойн вас!..—
И прочее... Ну, словом, как Онегин...
Все мы цитатчики,
Все мы богаты
Не на свои слова,
А на цитаты.

Они расстались,
Что тут говорить,
Расстались так, что некого корить
И некого оплакать горьким плачем.
Мой друг, неуязвимый до сих пор,
Покинув затемненный коридор,
Унес отраву первой неудачи.
И сам я в юности немалый порох
Растратил в этих жалких коридорах:

Вперед, вперед!
Но строй моих октав
Нетороплив, как смешанный состав
Вагонов пассажирских и товарных.
Сам виноват, неторопливость их,
Должно быть, от созвучий кольцевых,
От полных рифм,
Нерасторжимо парных.

Зато октавы и прочны и строги,
Такие не рассыплутся в дороге.

Я сам
И пассажир,
И машинист,
Сам для себя даю гудки и свист,
Сам провожу ремонтные работы,
Сам разгружаю грузы и грузу,
Сам стрелочник, состав перевожу,
Когда приходит время поворота.
На повороте жизненных путей
Судьба героя
Нам всегда видней.

Кто раз обжегся,
Тот позднее всуе
И на холодное все время дует.
Так и Жуан, с женьшенью — молчок,
Замкнулся, на работе окопался.
Я было начал... Бедный забрыкался,
Как молодой некладеный бычок,
Когда тому, пощекотав слегка,
Ярмо надели
В качестве венка.

Зато Жуана —
Новость громче грома! —
Избрали председателем цехкома,
А старого решили проучить,
Пустить хотя бы временно в негодность
За то, что сам, имея очередность,
Не смел себе квартиры получить:
Мол, если для себя не стал ты прытче,
То для других
И вовсе не добытчик!

Сей случай,
Как внушительный урок,
Лишь глупым и стыдливым был не впрок.
«Нет, воле избирателей своих, —
Иной подумал, — нечего перечить.
Себя сначала надо обеспечить,
А уж потом подумать о других.
С такой программой,
Посудив заглазно,
Глядь, снова изберут единогласно».

Читатель мой,
Ты спросишь поневоле:
«А как Жуан в руководящей роли?»
Ну что ж, скажу. Предшественник его,
Перемотав ему и многим нервы,
Стал в списке на квартиры снова первым.
«А что еще?»
Пока что ничего.
Как раз в те дни,
Когда он в роль входил,
Я отпуск взял и к морю укатил.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

У нашей свахи так:
хожено, так слажено,
а расхлебывайте сами!

Русская пословица

О море, море!..
В юности когда-то
Я изумился, что оно горбато,
Но позабыл об этом в малый срок,
Познав его божественную дивность.
Нырнуть в него —
Вернуться в первобытность,
Вновь народиться — выйти на песок.
Недаром же, пожившие на свете,
У моря мы безопаснее, чем дети.

О море, море,
Как я наслаждался!
Ходил в ущелье, загорал, купался,
Пил горькую, медок и даже квас,
И чтоб со мною не случилось худо,
Что именно, я говорить не буду,
Меня втащили Музы на Парнас,
А на Парнасе, все же это знают,
Уже не пьют,
А только сочиняют.

Там сочинял и я,
Пока жених
Не перепутал замыслов моих,
Тогда к столу с лукавым выраженьем

Подсела Муза, подперев щеку.
— Что, не выходит?.. Дай-ка помогу!..
Не женится?! Ну если надо, женим!..—
Так, отогнав сомнения и страхи,
Ко мне явилась Муза
В роли свахи.

Был замысел ее
Житейски прост:
— Во-первых, твой Жуан имеет пост,
Пост в наше время свадьбе не помеха,
А во-вторых — награда по труду! —
Жуан теперь все время на виду,
Что очень важно для его успеха.
Судьба не раз женила и венчала
Вот на таких
Общественных началах.

Есть у меня
Наташа Кузьмина,
Вся для посева, были б семена,
Не девушка — восторг любви заветной.
Возьми сведи их, а потом жени.
Поверженное зло соедини
С душою и любовью первоцветной.
Тут, грешного, меня сомненья взяли,
И я спросил:
— А самому нельзя ли?

— Как это «самому»?! —
Вспылив мгновенно,
Меня отчитывала Муза гневно: —
Ты — не творец! Терзайся и страдай,
Влачься в пыли, валяйся под горою,
Но лучшее в себе отдай герою,
Из сердца вырви, а ему отдай.

В том и беда творцов пера и кисти,
Что пишут
Из тщеславья и корысти.

Стихи поэта —
Горшая из нив,
Речь Музы — нету строже директив.
Хотя корила, так сказать, приватно,
Но дал ответ на то не сразу я:
— Ну вот, с тобой и пошутить нельзя,
А с Кузьминой получится неладно.
Ты знаешь, что Наташа Кузьмина
Два года
Как с другим обручена?

Не удивилась Муза,
Мне внимая,
Лишь горько улыбнулась:
— Знаю, знаю!..
Они клялись, когда тот призван был,
Но в том и грех, что паренек служивый
В присяге чувству оказался лживый,
Письмо ей написал, что разлюбил,
Что женится в стране Дальневосточной,
Что остается в службе
На сверхсрочной.

— И что Наташа?
— А Наташа плачет,
Не понимая, что все это значит.—
Мне жалость горькая сдавила грудь:
— Нам не оставить ли ее в покое
До выяснения, что же с ней такое?
— Нет, нет! Со свадьбою нельзя тянуть!
Жуан красив, начнет любить и нежить,

Она утешится.
Пора утешить!

Сказала так,
Как будто отрубила,
Вздохнула — и уже миролюбиво:
— Ты — сочинитель, призванный творить,
Вот и твори, на горькой правде зрея.
Как бесполезно жизни быть добрее,
Так безрассудно и жесточе быть.
Об остальном когда-нибудь доспорим,
Теперь пойди
И попрощайся с морем.

О море, море,
В этот час прощанья
Как мне любезно волн твоих качанье
И шум, когда волна о берег бьет.
На море море в шумах не походит,
Балтийское колотит, как молотит,
А Черное, хоть гневно, но поет.
Мне, человеку северного круга,
Роднее почему-то
Море юга.

Оно во мне
Еще так долго пело
Уже в моем краю, в метелях белых,
Оно играло снежной белизной,
Когда спешил я к двери ресторана
На свадьбу ожененного Жуана,
Сведенного с Наташей Кузьминой
Не где-то, не в каком-то частном доме,
А на одном собрании
В завкоме.

Русоволоса,
Издали видна,
Она была высока и стройна,
Во всех приманках вызревшая к сроку,
Был у нее чего-то ждущий взгляд,
Каким невесты, как во сне, глядят
На все еще пустынную дорогу.
Тут мой Жуан, подвинутый судьбой,
И очутился
На дороге той.

Все ладно бы,
Но чем утишить стыд
И боль Аделаидиных обид?
Мне показалось, верьте иль не верьте,
В просвете ресторанного окна
Туманно обозначилась она
И растворилась в снежной круговерти.
Должно, где свадьбы,
Там в бессонном бденье
Загубленной любви
Блуждают тени.

Как ни спешил,
Но опоздал настолько,
Что за столом уже кричали «горько!»
И вот Жуан, обняв плечо жены,
Склонился над лицом наивно-юным,
Затмил его, как при затменье лунном,
Когда Земля закроет лик Луны.
Но из-за тени, тенью не затроган,
Сиял и вился
Золотистый локон.

Из века в век,
Изо дня в день еси

Звучало «горько» на святой Руси.
Казалось бы, в обряде есть накладка,
Но хитр и мудр был древний драматург:
Кричали «горько», выходило ж вдруг
Не горько вовсе, а хмельно и сладко.
И то-то рады все,
Что губ слиянье
Не горечь принесло,
А лиц сиянье.

Всего пустяк,
Десятки лет назад
Неделю длился свадебный обряд,
Женились тоже не на две недели,
Те свадьбы было принято «играть»:
Ну, например, невесту выкупать,
Притворно плакать,
А как славно пели!
От свадеб тех —
Друзья, какая жалость! —
Нам только слово «горько» и осталось.

Теперь не то,
Но есть уже прогресс,
Есть бракосочетания дворец,
Есть кольца, есть фата —
И все на сцене! —
Есть очередь на счастье, но, друзья,
Без очереди к счастью нам нельзя,
Иначе мы и счастья не оценим.
И есть еще для полноты обряда
Напутственное слово депутата.

Все это есть,
Но не о том рассказ.
Кричали «горько» уже третий раз.

И снова, улыбаясь благодарно
Неистово хмелеющим гостям,
Жуан, устами падая к устам,
Затмил свою подругу планетарно.
Но это, не в пример минувшим теням,
Уже казалось
Солнечным затмением.

Здесь пировали,
Как заметил я,
Не дружки, а подружки и друзья,
Подружек было, как березок в роще.
Средь них, смешливых,
С тягой поболтать,
Невестина главенствовала мать,
В дальнейшем именуемая тещей,
Хоть и была она крупней и строже,
Но все же мать и дочка
Были схожи.

Даю совет в предсвадебные дни:
Нашел невесту, тещу погляди —
И счастлив будь, когда души не ранит
Иной зятек ее скорей бы с глаз,
Нам теща — преждевременный рассказ
О том, какой жена однажды станет.
В смотринах мамы весь сюжет невестин.
Начало смутно,
А конец известен.

Должно, посватал
В доброе число,
Жуану и на тещу повезло.
Она была, и не средь юных токмо,
Простите, что делюсь ее словцом,
Осанкою, внушительным лицом —

Раскольница, не скованная догмой.
Бысть такова, смотревшая сугревно,
Жуана теща,
Марфа Тимофевна.

Еще скажу,
Пока помехи нету,
Два слова в дополнение к портрету.
Друзья мои, представьте тот портрет
В обветренной базальтовой скульптуре
И повторите в мраморной фактуре,
Отбросив ровно половину лет,
Тогда второе из творений ваших
Точь-в-точь и будет
Дочкою Наташей.

На шумной свадьбе —
Вот-вот-вот жена! —
Была Наташа вся напряжена.
Глаза ее то стыли в стыни стуж,
То таяли от тайного желанья,
То снова гасли в муках ожидания
Минут, когда ей мужем станет муж.
Что ж, девушка всерьез
Тогда родится,
Когда супругу
Замужем годится.

А что Жуан?
Из родичей его
На свадьбе я не встретил никого.
Да, да, они отсутствовали все:
Де Молино, затеявший игрушки,
Мольер, лорд Байрон, женоверец Пушкин,
А также худосочненький Мюссе.
Их не было при пем

В отцовском чине
По очень уважительной причине.

Зато друзей —
Совсем наоборот, —
Их было, так сказать, невпроворот,
Но многие молчали как-то странно,
Так, будто личный понесли урон,
Как на поминках, после похороп
Великого, бессмертного Жуана.
Я тоже был в друзьях его, а впрочем,
Хотя и друг,
Но вроде бы и отчим.

Тяжелый крест!
Скажу, из жизни зная,
У отчима обязанность двойная.
Чем пасынка родитель был знатней,
Тем неизбежней между ними стычки.
Отцам не мед,
А пасынка привычки
Для отчима и в сотню раз трудней.
Он должен знать, что в пасынке участие
Не горе принесет тому,
А счастье.

Но это к слову.
Как же в самом деле
Не рассказать, что пили и что ели.
Вот раньше то-то были мастаки
По описанью разносолов разных:
Грибков, и огурков, и рыбин красных,
А нынче хватит и одной строки.
Нашлась бы рифма,
Если бы, как яство,

Муксун и нельма
Выставились на стол.

Однако были
Из большой реки
Поджаренные в масле окуньки,
Ершишки были в огненном томате
И заливная щука там была.
А вот стерлядка мимо проплыла,
Хоть нет ее, но вы не унывайте
В утратах века
Стерляди скелетик
Найдут потомки
Через пять столетий.

Друзья мои,
Товарищи родные,
К чему теперь претензии смешные!
С тех пор как люди сделались людьми,
Они все ели с радостью до пляса.
А может быть, ихтиозавра мясо
Вкусней всего, что было,
Но ведь мы
Не просим нынче,
Не попросим завтра
Жаркое из филе ихтиозавра.

Друзья мои,
На нашей кухне русской
Еще нашлась нам добрая закуска.
Не воду пили, чтоб галушки есть,
Нет, было блюдо к чести ресторана,
Которое и тонкостям гурмана
Во время свадьбы оказало честь.
Дымилась в чашах,

Полные томлений,
Домашние сибирские пельмени.

Они вкуснейши
Сами по себе,
Наивкуснейши по одной судьбе.
Я их не ел — блаженствовал, вкушая,
Я праздновал на празднике еды,
Хвалил их между тем на все лады,
Соседям по столу напоминая,
Что на мешке
Мороженых пельменей
Родился знаменитый Менделеев.

Пельмени.

Оо!..
Но те превыше слов,
Когда берется мясо трех сортов:
От нетели, от свинки и овечки.
Его бы все ж не мясорубкой мять,
Так мясо может соки потерять,
А изрубить с лучком
В корытце сечкой,
Поперчить, посолить, потом слегка
Для сочности добавить молока.

В моей Сибири
С добрым знаком плюс
Мы ценим их за вид, потом за вкус.
Есть крайнее из самых высших мнений,
Да буду я за дерзость несудим:
Один едим, а на втором сидим —
Вот это настоящие пельмени!
Сейчас, когда пишу я эти строки,
Во мне кипят
Желудочные соки.

На свадьбах,
Когда сыт и весел гость,
Он затевает песню. Так велось.
Как теща бы сказала, — «а теньерча»
На свадьбе, юбилее ли каком,
Как будто на активе заводском,
Звучат все больше пламенные речи.
Их начинают, связывая ярко
С глубинным смыслом
Своего подарка.

На этот раз торговый недодел
Речам глубинным положил предел.
Поскольку в уголочке в виде стопок
Стояло и лежало на виду,
Довольно дефицитных, в том году,
Пять схожих чаш и десять сковородок,
Да прислонилась к меди самовара
Добытая в столице
Мной гитара.

На смену той,
Игравшей на износ,
Жуану я подарок преподнес.
Тот взял гитару, вняв желаньям нашим,
Чтобы она свой голос подала,
Чуть отступил от тесного стола
С поклоном легким в сторону Наташи,
Тряхнул рукой, куда-то глядя вчуже,
Как будто бросил наземь
Горсть жемчужин:

«Радость,
Нежность
И тоска,
Чувств нахлынувших сумятица.

Ты — как солнце между скал,
Не пройти и не попятиться.

На тебе
Такой наряд —
Сердце вон за поглядение.
Ты светла, как водопад,
С дрожью,
С ужасом падения.

Ты загадочна,
Как Русь,
Ты и боль и врачевание.
Я не скоро разберусь,
В чем твое очарование».

Похлопали певцу,
А там уж в зале
Затанцевали, буйно заплясали,
Но строгий строй моих иных октав
Для описанья плясок не годится.
Тут я решил со свадьбы удалиться,
Молодоженам должное воздав.
Виктрола повторяла неустанно
Разнеженный мотив:
«О, Марианна!..»

«О, Марианна!» —
Слышал сквозь снега,
«О, Марианна!» — как издалека.
Неведома,
Незрима,
Но желанна,
Смущая ум и сердце горяча,
Бог весть какая и черт знает чья,
Терзала мне мой мозг «о, Марианна!».

Пустой мотив любовного страдания
Стал для меня
Мотивом мироздания.

Таинствен мир
В своей надземной выси,
Его звезда, летящая в капризе.
Сто раз благодарю отца и мать
За то, что молодыми повстречались,
За то, что встретились и не расстались,
За то, что мир мне дали повидать,
Где есть следы моей судьбы рабочей,
Где есть любовь
И тайна брачной ночи.

Вся жизнь нам тайна,
Но тебе, поэт,
Доступно все, что требует сюжет
Не глядя в щель,
Не прячась за гардину,
Услышав только фразу или две,
Как древних див по косточке Кювье,
Ты воссоздашь правдивую картину
Да не смутит тебя других услада,
Где такт и мера есть,
Стыда не надо.

В делах квартирных
До сих пор упорны
Поборники системы коридорной.
Им нравится в ней буча и шумиха.
Замысловатый коллективный лад.
Жуан привел жену,
Жуан был рад,
Что поздно было и довольно тихо.
Но как пазло, от нетерпенья стало,

В замочной щелке
Что-то заедало.

На площади
Житейского квадрата
Из благ семейных было небогато
Кровать, да стол, да этажерка книг,
Чертежная доска с бумагой белой
Но тут Наташа тотчас усмотрела
Невиданного цвета алый крик
То пагло цвел,
Презрев наш грозный градус,
На подоконнике заморский кактус.

Она — к нему,
Желая за цветеньем
Укрыть свое стыдливое волнение,
Но и над цветом думала о том,
Что неизбежное, оно, конечно,
Уже должно случиться неизбежно,
А лучше бы потом, потом, потом..
И мучилась, придерживая сердце:
«Разденет сам
Или самой раздеться?»

Рука Жуана,
Добрая рука—
Была на раздевание легка,
Она в подходе тайнами владела.
Вот, скажем, буря стань озоровать,
Ей все равно одежду не сорвать,
А солнышко согрело и раздело.
Явились вдруг, поставленные косо,
Сибирской пальмы
Белые кокосы.

— Наташа!

Восхищенье и восторг
Так, только так и выразить он смог
Когда же заиграли светотени,
Сбегая за сорочкой, и когда
Открылись бедра, словом — красота,
Хотел упасть пред нею на колени,
Но лишь — Наташа! снова произнес,
Взял на руки Наташу
И понес..

Забавно, право! Это же ведь казус,
Что цвел так нежно
Мексиканский кактус.
На вид он непригляден и жесток,
На нем колючки, каждая — как лучик,
И вот среди таких лучеколючек
Родился удивительный цветок,
Подобный колокольчику, в котором
Почти что слышен звон
О счастье скором.

Как откровенье,
Как любви призыв,
Был цвет его особенно красив,
Красивей роз, красивее пионов.
Все кактусы, цветущие вот так,
Как слышал я, выхаживать мастак
Не кто-нибудь, а Леопид Леонов,
А он, мы знаем, добрым делом занят
И нустяков выхаживать
Не станет.
Признаюсь запоздало,
Что уж тут,
Я сам не знал, что кактусы цветут,

Зато читал, и это даже лестно
Для кактуса, не бывшего в чести,
Что надо бы его нам завезти
В пустынное, засушливое место.
И не было б, писали, выше дара,
Чем этот сочный кактус
Для отары.

Я верил в мудрость
Этого проекта,
Пока огнистого не встретил цвета
И не представил радость поселян,
Глазеющих, как на пустынном поле,
Наукой возрожденном к лучшей доле,
Сей милый цвет жует себе баран,
Питается безводно и бестравно
Таким цветком.
Не правда ли, забавно?

А все — мой такт,
Заставил все же такт
Писать меня о кактусе трактат,
Пока Жуан в своем стремленьи лучшим
Наташу в ее прелести земной
Не сделал настоящею женой,
А сам не стал ей полномерным мужем.
Она уже, смахнув с лица слезинку,
К себе тянула
Белую простынку.

Все жены любят,
Хоть не говорят,
Когда их за любовь благодарят.
Жуан отрадно в бережном наклоне
И целовал и взгляд жены ловил,
Ласкал ей груди, словно бы кормил

Два жадных клюва с ласковой ладони,
Дивился втайне, что дитя Сибири
Вело себя,
Как женщины Севильи.

Мужчины все,
Чем более грешны,
Тем больше и в желаниях смешны.
Чтобы жена была и не тиха,
Но отвечала нормам идеала,
Чтоб знала все и ничего не знала,
Чтоб, согрешив, не ведала греха.
Уж не на этой ли душевной кривизне
Родился миф
Безгрешности Марии?

В делах любви,
В игре огней и стуж
Взывают часто к родственности душ.
Неправда это, здесь нужна полярность,
Здесь нужен тот особенный магнит,
Который тем вернее породнит,
Чем больше нежность и сильнее ярость,
Но гаснет страсть,
Когда за общим плугом
Жена и муж становятся
Друг другом.

Все это так,
Но не о том же речь,
Чтобы душой влюбленной пренебречь.
Кто любит только телом, счастье губит,
Меж ними не должно быть дележа.
Как долго любит верная душа,
Как яростно, но кратко тело любит.
И все же, если тело устает,

Душа — не жди,
На помощь не придет.

Прекрасна ночь,
А женщина прелестна,
Когда и ранним утром с ней не тесно.
Бывает же, на мир и на уют
Не все в такую ночь сдают экзамен:
Ложатся спать хорошими друзьями,
Врагами молчаливыми встают.
У наших же супругов без печали
Все было так,
Как сказано вначале.

Уже пришла пора
Другим вставать,
А новобрачным было впору спать.
Но вот к полудню, жалуясь на сердце,
Явилась теща чуть ли не бегом
С еще горячим рыбным пирогом,
Завернутым от стужи в полотенце,
Оценочно прищурилась с порога
И подвела итог:
«Ну слава богу!»

Очаг семейный —
Добрый костерок,
В потемках жизни разведенный впрок,
Заблудшему дающий направление.
И я себя согрел у костерка,
И мне того досталось пирога
Да беленькой к нему — для вдохновения,
Чтоб их поздравил, также и себя.
Итак, свершилось.
Родилась семья!

Из всех проблем,
Из всех больших идей
Семьи идея мне всего милей.
Все дело в том, что изо всех историй,
Прожитых кровью по живой канве,
Из многих философских категорий
Главнейшими считаю только две.
На первом месте в роли верховода
Есть отношенья:
Люди и природа,

А на втором
Из категорий вечных,
Из отношений чисто человеческих,
Дающих вездесущей жизни ход,
Рождающих и радость, и кручины,
Есть отношенья женщины с мужчиной,
А можно говорить наоборот.
Все остальное, если вам угодно,
От этих отношений производно.

И даже то,
Что люди страстно бьются
Оружьем мятежей и революций,
Прозрев любви зарю в кромешной тьме.
Ах, сколько в распрях от огня и стали
С мечтою о грядущем погибали,
Душою апеллируя к семье!
Сам Энгельс относил,
Свергая царства,
Вопрос семьи
К вопросам государства.

Но вот беда, читатели упрямы,
Им подавай трагедии и драмы.
А где их взять?

Не просто же возвесть
До ранга драм скандальчики соседей.
В том и трагедия, что нет трагедий,
Хоть жертв любви вокруг не перечесть.
Влюбленные все больше с каждым годом
От всяких драм
Спасаются разводом

Зато Жуан,
Пусть будут хоть напасти,
Сжег все мосты на переправах страсти.
Теперь он только одного хотел
Хотением души, хотеньем тела,
Чтобы одна Наташа им владела,
Чтоб только он Наташею владел.
Но вознесенная до неба верность
В нем слишком скоро
Возбудила ревность.

О, ревность,
Неподвластная уму,
Она легко ревнует ко всему
Вот пошутил сосед довольно плоско,
На шуточку ответить бы тремя,
Но ревности холодная змея
Уже ползет извилинами мозга
И, ясному сознанию вопреки,
Прочерчивает адовы круги.

Он ждет ее
С лицом блеее стенки,
Чтоб заглянуть в обманчивые зенки,
Чтоб взглядом взгляд сурово повстречать,
Чтоб на лице, невиннейшем когда-то,
Холодного, постыдного разврата
Увидеть потаенную печать

Но вот пришла и ахнула канашка.
— Ах, Жуня!..
Ты не ужинал, бедняжка!..

О, женщина!
Соблазнами красот
Она и бога с неба низведет
И смертным его сделает, шалунья.
Ах, до чего жесток любви полон!
Был Дон-Жуаном,
Был Жуаном он,
Теперь же для Наташи просто Жуня!
Счастливым дар людей — воображенье
Во всем, ревнуя,
Видит униженье.

Меж тем Наташа,
Хлопоча о муже,
Проворить стала небогатый ужин.
Жуан остановил ее:
— Постой!..—
Наташа обернулась удивленно,
Наташа улыбнулась так влюбленно,
С такую откровенной чистотой,
Что мой Жуан, стыдясь за окрик грубый,
Стал целовать Наташу
Страстно в губы.

В Америке
Для сердца и души
Давно изобретен детектор лжи,
Довольно хитроумная машинка,
Через которую с вопросом — вдруг:
— Ну-с, изменяла? —
Ревностный супруг
Ложь узнает жены и даже лжинку.

У нас же без детекторов со спросом
Еще в ходу
Проверки древний способ.

Итак, Жуан
Любимую жену
На женскую невинность и вину
Так проверял, как проверял бы предок.
Ну, словом, чтобы все паверняка,
Ласкал все упоительней, пока
Миллионы и миллиарды нервных клеток,
Восторга обладанья не тая,
Не крикнули:
Моя!
Моя!!
Моя!!!

Он пил и пил,
Казалось бы до дна,
А огненная чаша все полна,
Хотя Наташа и глядела в оба:
— Ты, милый мой Жуанчик, первым стал,
Вчера всю ночь курил, почти не спал,
Взять отпуск бы тебе да на курорт бы.
— Сейчас не время...
— Все тебе помеха,
Вон Федоров
Опять на юг уехал!

Вот так,
Супруга дружески браня,
Она заговорила про меня.
— Тот к морю, а попросишь ты — оттяжка,
Ну как же так выходит, не пойму?..
— Он сочиняет что-то, вот ему
Поэтому и делают побрякки. —

Наташа смолкла и — почти впопыхай:
— Ты с ним о нас
Не очень-то болтай...

Не знаю сам,
Из множества чудачеств,
Каких она моих боялась качеств?
Одно скажу, я человек с ленцой,
Зато иной, загоношив поэму,
Свирепым львом наскочит на проблему
И убежит испуганной овцой.
А я хоть и ленив, но тем хороший,
Что если ноша,
Не бегу от ноши.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Хороший муж, как правило, ревнив,
Но часто ошибается предметом.

Байрон. «Дон-Жуан»

Привет тебе, о море,
Мне родное,
Сегодня ты, как я, совсем седое.
Девятый вал багрянит свой венец,
От гелиозаката набегаая.
Я гимны, море, для тебя слагаю,
Но, море, море, я не твой певец.
Встречай меня, как прежде, не шутя,
О океана шумное дитя!

Шуми, шуми!
Мои земные думы
Расстраивали северные шумы,
А ты шуми, а ты о берег бей.
Да, я устал, не буду лицемерить,
Да, я пришел к тебе тобой измерить
Всю косность и всю суетность людей.
С тобой видней, как часто мелковата
Их славных сил
Бессмысленная трата.

Враг суеты,
Недаром в добром строе
Я выбрал многовечного героя.
Не потому, что не о ком сказать
И не на чем придумать новой сказки.
В нем есть урок,

Он давние завязки
В себе самом не может развязать.
Жуан для нас имеет то значенье:
Что в нас мало,
В нем — преувеличенье.

Из многих тайн
Супружеского быта
Природа ревности не вся раскрыта,
А в ней найдутся добрые черты,
В ней есть и благородные начала,
Чтобы жена, к примеру, отвечала
Душевным идеалам красоты:
Не то чтоб плавать
Ангельским виденьем,
Но отличаться строгим поведеньем.

Наташа Кузьмина
Не виновата,
Что были с нею все запанибрата.
— Наташка, эй!.. —
Пора, пора в утиль
Вот этот легонький, простецкий, свойский
И псевдопроф, и псевдокомсомольский
И прочих псевдо грубоватый стиль.
Мне Пушкин по душе,
Сказавший здраво:
«Прекрасное должно быть величаво».

Но я и не за то,
Чтобы супруга
Вся столбенела, словно от испуга,
Чтоб муженька держала за рукав,
Чтоб говорила, что намного хуже,
Все с мужем, все о муже и о муже.
Нет, все-таки Жуан был в чем-то прав

Когда просил, чтоб мужем, как бывало,
Жена пигде
Его не называла.

Тут что-то есть.
Иллюзией свободы
Хотел он снять моральные заботы,
Ответственность душевную с себя.
Для объяснения болезни кровной
Врачи теперь идут от родословной,
По их рецепту поступлю и я.
Болезни и отжившие идеи
На расстоянии всегда виднее.

В Испании,
Где благодать оливам,
Родился он, как все, уже ревнивым,
Но выручила страсть, любовь, интим,
Еще точнее — женщин перемены:
Меняя, он не знал себе измены,
Любая изменяла только с ним,
А муж бывал до рокового часа
Измен жены
Ходячею сберкассой.

В нем ревность
Замолкала, как дракон,
Которому бросал красавиц он.
А сколько здесь напущено тумана,
Тогда как вот как возникал и гас
В душе его, в других, потом и в нас
Довольно сложный комплекс Дон-Жуана,
Когда пороки управляют нами.
Мы ж думаем,
Что управляем сами.

До встречи с Натой,
Головы кружа,
Нестойкая Жуанова душа
Вела себя как добрая проступка:
Влюбленно льстила, искренне лгала,
Короче, суетилась, как могла,
У тела своего на побегушках,
Пока не взял в стеснительные клещи
Закон несовместимости
Двух женщин.

Согласно сути
Этого закона
Влюбленный жаждет вечного полона,
Любви и поклоненья не на час.
Проснулась совесть в нашем ловеласе,
Как в школьнике,
Застрявшем в первом классе,
Менявшем только школы, а не класс.
Вот почему Жуан уже без чванства
Избрал для сердца
Подвиг постоянства.

Лишился он
Всех вычурных манер,
Являя удивительный пример
Поборника таких высоких качеств,
В которых был когда-то очень слаб,
Теперь не пил, чужих не трогал баб,
Но в этом, кстати, не было чудачеств,
Все страстные натуры год от года
В себе самих
Рождают антипода.

Продолжу песнь
Без лишних аллегорий.

Жуан бы пережил такое горе,
Когда бы все,
Что,
Перьями скрипя,
О нем ни написали без смущений,
Он сам во всех деталях обольщений
Теперь не опрокинул на себя.
Воистину, как говорит Писанье:
От больших знаний
Большее страданье.

Он помнил все,
Как роль свою артист,
Как партию великий шахматист,
Одной лишь скромной пешки продвиженье,
Противного коня ответный скок,
Жуан уже среди множества дорог
Всей партии предвидел продолженье,
Припоминая прошлое к примеру:
«Да, так вот соблазнял я
По Мольеру!»

Пусть шахматы
И древняя идея,
Игра любви во много раз древнее.
Хоть и хитер бывает ход конем,
В игре любви ходы замысловатей.
Играть случалось
Даже в женском платье,
Как ни смешно, жуанил он и в нем,
Когда его — по Байрону — в серале
Наложницы султана соблазняли.

Я думал,
Что Жуана в первый год
Лишь собственная ревность подведет.

Она одна была в моем прогнозе,
Возможная, как прошлого урок,
Не страшная, как легкий ветерок,
Дающий горделивость нежной розе,
Но я не мыслил, занятый романом,
Что легкий ветер станет ураганом.

Сначала солнце
С примесью багряной
Заволоклоя пеленой туманной,
Вскипело море кипятком крутым,
Да так, что волны с тучами смешались,
Да так, что даже чайки не решались
Четыре темных дня летать над ним.
Душа моя покрылась тоже мраком,
Что для сюжета стало
Грозным знаком.

Четыре дня
Сквозь роковую хлябь
Мне одинокий виделся корабль,
Я слышал вопль:
«Спасите наши души!» —
И все смолкало в мрачном гуле гроз.
На пятый день сигнал тревожный «SOS»
Не с моря прилетел ко мне, а с суши,
Где, видно, свой пронесся ураган:
«Наташа потерялась.
Твой Жуан».

Я горе
Морем измерять хотел,
Я думал, море — мерам всем предел,
Но море все же людям покорялось,
Хотя урон и от него велик,
Но чем измерить мне тревожный крик

Души живой: «Наташа потерялась»
Теперь я знал, что есть для поморян
За морем горя
Муки океан.

Я думал о Наташе и Жуане,
Уже плывя в небесном океане
С покачиваньем,
С дрожью плоскостей
Наш славный ТУ-154,
Казалось, плыл в каком-то новом мире
Освобожденный от земных страстей.
Не потому ль привыкшие к высотам
Бывают холодны
К земным заботам?

Как хороши,
Похожие на наши,
Высокие небесные пейзажи.
Видна лыжня, бегущая ко дню...
Кто ж тот безумец,
Для земли безвестный,
Вот в этой беспредельности небесной
Пробивший одинокую лыжню?
Пастух ли, отгонявший зверя злого
Или гонец
Пророческого слова?

Хотел бы знать,
Где раньше все явилось:
Взошло ли от земли
Иль к ней спустилось?
Здесь каждый миг рождает пейзаж живой,
Как будто не домой летим, а вдаль мы:
Далекой Кубы голубые пальмы
Приветливо качают головой.

Небесные пейзажи над планетой
Блуждают,
Как бродячие сюжеты.

А на табло
Сигнальные огни
Уже сигналият «Пристегнуть ремни!»
На всякий случай, если будет встряска,
Чтоб с кресла не взлететь и не упасть
Земля опять берет над нами власть
Пусть небеса и в них земли привязка,
Как в старой зыбке с ляжкой и крюком,
Подвешенной
Под низким потолком.

Вновь препоясан
Тяжестью земной:
Так что же, что с Жуановой женой?
Я горько плачу...
Милые, доверьтесь
Моим слезам над выдумкой моей.
Нет, выдумайте собственных детей,
Жените плохо, а потом и смейтесь!
Не до игры, сама игра порой,
Дойдя до слез,
Не кажется игрой.

Вот и земля.
О, как она трясет,
Должно, в отместку за покой высот.
Не тратясь на случайные заметы,
Спешу в такси, оглохший от гудьбы,
К Жуану... По иронии судьбы,
Покойное стояло «бабье лето»,
И странно было, что в таком покое

Могло случиться
Что-нибудь плохое.

Жуана не было.
Сутуля плечи,
Я проискал его весь день и вечер,
Прошел цеха и дома этажи,
Не обнаружив прежних связей звенья.
Как жутко мне людей исчезновенье,
Как будто долго видел миражи.
С тем большим утверждением,
С большим пылом
Твержу о бывшем:
Было!
Было!!
Было!!!

Болея болью
Друга моего,
К печали чуткий, я нашел его.
Нашел чутьем в себе почти звериным,
Ослабшим в людях по нехватке сил.
В ответ на нюх и мысленный посыл
Душком повеяло сугубо винным,
И я пошел с решимостью тарана
На этот смутный
Запах ресторана.

Жуан был там,
Сидел на месте том,
Когда сиял за свадебным столом.
Казалось, что не он сидит, а мрак
Качается, за этот стол воссевши.
Какая грусть!.. Испанец обрусевший
Пил горькую, как истинный русак.
Прижав к стакану, друг на скользком дне

Искал все ту же
Истину в вине.

Он пил жестоко,
Даже слишком грубо,
Пил без закуски, стискивая зубы,
А я глядел, не смея помешать,
А я молчал, подвластный не капризу.
Лунатика, что бродит по карнизу,
В такой момент не надо окликать.
Случается, заботливость не в пору
Лишь вышибает
Из-под ног опору.

Нет, пьяница не тот,
Кто к рюмке льнет.
А тот, кто криво морщится, но пьет,
А выпив, и ругнет.
— По этой части
Ты сам мастак, — съязвила бы жена.
Да, милая, сгорают от вина,
А более сгорают от несчастья.
Что пьянство — злой порок,
Ни с кем не спорю,
Зато оно и равновесье горю.

Строг моралист,
Он судит всех прямой,
На этот счет философы добрей.
Когда-то Герцен с болью признавался,
И здесь его признания важны,
Что долго после гибели жены
Он этому пороку предавался.
А между прочим, как и в песне нашей,
Его любимая
Звалась Наташей.

— Пей, пей, Жуан!
Пусть водка оглушит,
Пожар несчастья пусть в тебе потушит!.. —
Однако пить Жуан не захотел,
А, глядя мимо взглядом напряженным,
Казалось бы от мира отрешенным,
Он странно улыбнулся и зашел:
Пел тихо на мотив довольно старый,
Пел просто так, для сердца,
Без гитары:

«Мое сердце, молчи,
Как молчат в одинокой квартире,
Как вода подо льдами Оби.
Мы с тобою в суровой Сибири
Без надежд и любви,
Без надежд и любви,
Без надежд и любви в этом мире,
Без любви.

Мое сердце, молчи,
Не стучи, все равно ниоткуда
Нам хороших не ждать новостей.
Нам осталась метелей остуда
На последней версте,
На последней версте,
Той версте, где кончается чудо,
Той версте.

Мое сердце, молчи,
Мы с тобою теперь одиноки,
Мы с тобой совершенно одни,
Те, что близкими были, далеки.
Ты мне счастье верни,
Ты мне счастье верни,
Все верни: и мольбы и упреки,
Все верни...»

Все выпивохи,
Будучи не глухи,
Вдруг загудели, как мясные мухи
Прилипчивей репья к чужой беде,
Подсел к Жуану с мимикой приветной
Какой-то чужерюмный, чужеедный
Вития с хлебной крошкой в бороде.
Когда дела у человека плохи,
А деньги есть,
К нему спешат пройдохи.

Для пьянства
Независимо от чина,
Должно быть, есть какие-то причины.
И этот бородатый с «хи-хи-хи»,
С готовою слезой, блеснувшей кстати,
Решил восполнить разницу в зарплате,
Пониженный по службе за грехи.
Тут я рванулся.
— Отойди, приятель!..—
И спас Жуана от его объятий.

Почти бессмысленно,
Темно и криво
Тот на меня смотрел, как с негатива,
Но, скованный каким-то мрачным сном,
Как в проявителе, вдруг стал меняться,
Знакомыми чертами проявляться,
Умнеть глазами и светлеть лицом,
И наконец, утратив взгляд остывший,
Узнал и оживился.
— Вася!.. Милый!..

Скорбя душой
О без вести пропавшей,
Его спросил я:

— Что, скажи, с Наташей?
— Черт знает что, увел какой-то хлюст!..—
Он говорил, спеша и заикаясь,
Горячими словами обжигаясь,
Как бы спеша их выбросить из уст.
— ¡ Zeiablos!
Закричал он в гневной краске
¡ Maldita sea!—
Видно, по-испански.

Не странно ли,
До этого момента
Он говорил по-русски без акцента,
Как будто не пришел издалека,
Теперь же с подозрением предательства
В минуту гнева для простых ругательств
Чужого не хватило языка.
Так в каждом при смятении душевном
Рассудок
В силах уступает генам.

Мне стало стыдно.
С музой поневоле
Мы оказались в своднической роли.
Мне сводники всех рангов и мастей,
Всех побуждений стали вдруг постылы.
В них, в каждом, что-то от нечистой силы,
Играющей соблазнами людей.
Так Мефистофель, дьявол знаменитый,
Свел Фауста
С невинной Маргаритой.

А мы, наоборот,
Жуану в милость
Подсунули коварную невинность.
Не ревность ли его была виной?

Одно лишь подозрение бесстыдства
Внушает нашим женам любопытство.
— Ты ревновал?
— Не больше, чем любой.—
Он говорил и долго и невнятно,
Я ж расскажу короче,
Но понятно.

Событья сразу
Наступили грозно:
Она домой пришла позорно поздно,
Не бросилась к своим вчерашним щам,
Не стала объясняться даже в мале,
Казалось, что все вещи ей мешали,
Что и она мешала всем вещам,
И самое печальное при этом,
Решила спать не рядом,
А валетом.

Как спать валетом,
Даже нет вопросов,
Но это же не самый лучший способ.
Читатель, сам представь и сам суди:
Будь ее ноги красотою линий,
Ну, скажем, даже ножками богини,
Муж их не станет прижимать к груди.
При сне таком по правилам, как малость,
Нельзя брыкаться,
А она брыкалась.

Проснувшись и вздыхая то и дело,
Наташа на Жуана не глядела.
С печальными глазами, как в дыму,
Сказала каждодневными словами,
Что вечером зайдет на время к маме.
Должно, зашла, но не пришла к нему.

Супруг прождал один в своей квартире
И час,
И два,
И три,
И все четыре...

И ворвались сомненья,
Все круша,
И дрогнула Жуанова душа.
Душа?.. Да не душа — сплошная рана,
Как будто, потоптавшись на меже,
Всю ночь скакали по его душе
Копытистые кони Чингисхана.
В ней, как в степи,
Где прежде цвел ковыль,
Лишь оседала пепельная пыль.

Как призрак
Катастрофы неминучей,
На горизонте за клубились тучи.
Пугает нас не молнии излом,
Не огне-гневное ее сверканье,
Мучительней бывает ожиданье
Того момента, когда грянет гром.
Жуан и на заводе не воспрянул:
Жены там не было,
Но гром не грянул.

Коль сразу не убит,
Мечта живет,
Что гром еще далек и не убьет.
Друг — к теще.
Нет и там.
Мамаша гневно
Сняла с него допрос:
— Дошли до драк?

— Пет, пет, мамаша!
— Тогда как же так?! —
Осатанилась Марфа Тимофеевна,
Сказала грозно, тут же одеваясь:
— Пусть будет хоть в земле,
А доконаюсь!..

Самим собою,
Строже, чем судом,
Он был судим позором и стыдом,
Таким стыдом, что людям и не снится,
И как уже бывало много раз
В его проклятом прошлом, он сейчас
Готов был хоть сквозь землю провалиться,
Но, вынося все тяготы позора,
Не находил бедняга командора.

Опять Жуана, как холостяка,
Встречал тот кактус,
Только без цветка,
Опять варил он ячневую кашу,
Картошку — пионеров идеал,
Ушлыо ел и не насытно ждал —
Хотя бы тещу, если не Наташу.
Вот ночь уже четвертая настала,
Жуан гулял,
А теща все «копала».

Ушла?!
Уйти — дивились все кругом, —
Когда был муж уже под бабшаком?!
Пет, что-то тут не так.
Когда б хотела
Наташа власти, а борьба за власть,
Допустим, ей, Наташе, не далась
Иль не совсем далась — другое дело,

Иначе бы с какой такой ноги
Он мягкие
Купил ей башмаки?

По-своему
И образно и метко
Судачила экономист-соседка:
— Клянусь, ушла Наташа не со зла,
Корысти в этом нет, — и намекала,
Что в той от вложенного капитала
Прибавочная стоимость росла...
— Недаром в прошлый месяц с середины
Ее заприхотило
На маслины.

В поэзии
Нас ждет за рифом риф:
В поэму плыл, а выплыл в детектив.
Теперь он в моде, чуть не директивной,
Но я-то по нужде, впадая в риск,
Как ловкий сыщик, начал частный сыск
И вот стою на тропке детективной,
Зато на факты и события все
Имею я теперь свое досье.

А было так:
В тот вечер роковой,
Из цеха выйдя, Ната шла домой
По заводскому скверу.
Между прочим,
Терновника там рос высокий куст
С плодами, очень теркими на вкус,
До коих прежде не была охоча.
Я думаю, у вас найдется сметка,
Чтоб вспомнить,
Как права была соседка.

Медовой меда
Со цветов долин
Теперь стал вкус ей северных маслиц,
Она карманы ими набивала,
Она их ела, не кривясь ничуть,
Звенело тело, молодая грудь,
Как лет в пятнадцать,
Сладко поднывала,
Все было как во сне,
Легко и дивно,
А ягода черпела неизменно.

Красива женщина
В поре такой
Какою-то особой красотой.
Здесь кисть пужна, а не слова поэта,
Чтоб красками живыми передать,
Как на нее исходит благодать
Высокого, небесного расцвета.
В природе все, что нам плоды рождает,
В свой мудрый срок
Сначала расцветает.

Спеша к супругу,
Собственным умом
Она еще не думала о том,
Что в ней пирует повой жизни завязь,
Еще не знала, что ее вот-вот
У многостворных заводских ворот
Подстережет расчетливая зависть.
Нет, мужа в мыслях
Нежно именуя,
Наташа миновала проходную.

За проходною,
Как из прошлых грез,

Перед Наташею предстал матрос
В щеголеватой куртке нараспашку;
Не то матрос, покинувший свой бриг,
Не то полуматрос-береговик,
Для форса выставяющий тельняшку.
Она его узнала без труда
И загорелась
Краскою стыда.

Чуть-чуть наигранно,
Расправя плечи,
Он взял под козырек.
— Какая встреча!.. —
Вы, верно, догадались, это тот,
Кто распрощался с нею, как с обузой,
Кого мы на своем Парнасе с Музой,
Творя сюжет, не приняли в расчет.
— Ну, здравствуй! —
И насмешливо-слейпо,
Почти с издевкой:
— Как очаг семейный?

Сказать хотела
Из того расчета,
Что не ему теперь сводить бы счета,
Но почему-то недостало слов.
Обида втайне все еще терзала,
Она ожесточилась и сказала:
— Спасибо,
Хорошо.
Хватает дров.
А как твоя семья? — спросила смело
И на него впервые поглядела.

Стараясь скрыть
Обиду и укор,

Она глядела на него в упор,
А он стоял пред ней, как на параде,
И бравый и внушительный на вид,
Как будто весь единым слитком слит,
Пригож лицом и крепким телом ладен,
И лишь в глазах хитрившего матроса
Торчали два зрачка,
Как две запозы.

Ответил так,
Что холода ушат
Он вылил на нее.
— Я не женат! —
— Как не женат?! —
Суровый голос Наты
На этом дрогнул.
— Ты же мне писал...
— Нет, просто я мешать тебе не стал,
Хотел избавить от забытой клятвы,
Чтобы она игрушкой школьных дней
Не захламляла
Памяти твоей.

А помнишь ли, —
Продолжил с увлеченьем, —
В десятом мы писали сочиненье,
Твое в пример зачитывали нам,
В нем, не предвидя
Своих взглядов измену,
Ты осуждала черпую измену
Любви и дружбе, слову и делам...
— К чему все это? —
Удивилась Ната. —
Ты мне палгал —
И я же виновата?!

Спокойный,
Торжествующий почти,
Он подал ей письмо.
— Тогда прочти! —
Лишь только развернув листок несмело,
Лишь увидав расшатанно-кривой
Знакомый почерк Надьки Луговой,
Наташа почему-то побледнела,
За ней следил с улыбочкой злодея
Друг юности ее,
Вадим Гордеев.

Неужто был Вадим
Настолько прав,
Что, смятого письма не дочитав,
Наташа зашаталась, стиснув зубы,
Упала бы, когда б ее Вадим
Не поддержал всем корпусом своим
И не довел до лавочки у клумбы,
Где до поры для розысков иных
Я с горьким чувством
И оставлю их.

Передо мной
Потрепанный весьма
Лежит оригинал того письма,
Что обожгло Наташино сердечко,
Ударило строкой, простой на вид:
«Твоя Наташка
Здесь всю *кадри!*»
Какое новомодное словечко,
А говорят, что в области морали
Мы новых слов
Еще не создавали!

Есть люди,
Жаждающие для других
Такой же неудачи, как у них.
И вот одна такая,
Лишь налгать бы,
Писала и в строке и между строк,
Что у Наташи есть уже и срок,
Сокрытно обозначенный для свадьбы,
Хотя Жуан в супружеском аспекте
В то время не был
Даже и в проекте.

Когда Вадим
Прочел все это, он
Был в гордости своей так уязвлен,
Что Нате дать отказ поторопился,
Чтобы не он стал первой жертвой зла,
Чтобы она покинутой слыла,
Но без большой любви
Женитьба вскачь
Приносит только
Бремя неудач.

Теперь и сам,
Попавший в бездорожье,
Намеренно смешал он правду с ложью,
Решив Наташу от семьи отбить.
Какое суетливое уродство —
Рядить себя в одежду благородства,
Не лучше ль просто благородным быть!
Что, трудно? А под ласковые речи
Быть негодяем, —
Разве ж это легче?

В беду попасть нетрудно,
Все труды

Лишь в том, чтоб с честью выйти из беды,
Вадим же бросил все свое старанье,
Чтобы внушить, что был не виноват,
Чем и принес ей горестный разлад
В жестоко потрясенное сознание.
Душа ее в трагическом циклоне
Металась в самой
Безысходной зоне.

Ей слово клятвы —
Не словесный хлам,
Она была хозяйкою словам,
В них голос сердца был и голос крови.
Ее учил учитель и поэт,
Что если слова нет, то жизни нет,
Все в этом мире держится на слове.
Без слова, умирая и родясь,
Утратят люди
Всяческую связь.

Глупей всего
Ведут себя в осуде
Добру недоучившиеся люди.
Так и Наташа, чтоб в себе не пасть,
Глядела на Вадима той Наташей,
Как будто был он без вести пропавший
И вот вернулся, взяв над нею власть.
Иные скажут: «Цельная натура».
Натура — да,
Но дура, дура, дура!

Вадим ей лгал
И стал за слово люб,
А что бы его слово да на зуб,
Коль своему хорошая хозяйка,
Ядро в любом орешке ли найдешь,

Вот так и в слове пребывает ложь,
Как за скорлупкой тухлая козявка.
Тут даже белка преподаст урок
Тем, что берет орех,
Лишь годный впрок.

Она ж решила,
Ты, читатель, знай,
С Вадимом улететь в Приморский край,
Бродила с ним.
— Тебе я верю, Вадик.
— Ну, наконец-то! —
Ночь была темна.
— А все же что-то страшно! — И она
Хваталась крепче за его бушлатик.
Не верь, не верь!
Но на пути порока
Красавицы не слушают пророков.

На свой позор,
Учи их, не учи,
Они легко летят, как из пращи.
Быть может, лишь одна из многих ста
Способна отворотиться от гордыни,
Зато ей, как библейской Магдалине,
На этот случай подавай Христа.
А нынче у безбожного поэта
Такого все же
Нет авторитета.

О, первая любовь —
Любовь любвей,
Манящий призрак юности твоей,
Неповторимый, памятный и милый.
Пусть та любовь до гроба греет грудь,
Пусть долго-долго светит, но не будь

Ты осквернителем ее могилы.
О, первая любовь!
Люби и славь,
В своей душе
Ей памятник поставь.

Забыл о ней —
Беда неотвратима.
Тем и страшна завистливость Вадима,
Что мстительность вдруг овладела им,
Когда узнал он, что его Наташа
За мирового вышла персонажа,
Что счастлива...
Как?! Счастлива с другим?!
И вот Вадим, когда-то друг-приятель,
Пришел к Наташе
Как гробокопатель.

Сюжет бы мне
По сердцу и уму,
А то уже противно самому
Описывать все эти шуры-муры,
Которые особенно низки,
Особенно постыдны и мерзки
На общем фоне мировой культуры.
В том нет любви,
Нет мужества и чести,
Кто женщину берет
Из чувства мести.

Уже не той,
Высокой и прямой,
Пришла Наташа в эту ночь домой.
Сначала мысль в сознание копошилась,
Что надо бы не подличать, не лгать,
А напрямик Жуану все сказать.

Но почему-то сразу не решилась.
Ей стало тяжело и в постели тесно,
Ну, остальное вам пока известно.

Мужчине,
Даже с вывертом блажным,
Всего страшнее выглядеть смешным.
Храня свое достоинство мужчины,
Жуан свою жену искать не стал
(Куда пойдешь?), к тому же и не знал
Ее ухода истинной причины.
Но теща, как причина ни скрывалась,
Два дня «копая»,
Все же докопалась.

Она в два дня
Успешно провела
Всю операцию под шифром «А»,
Что означало — поиски Амура.
Всех обходя Наташиных подруг,
Сжимала Марфа Тимофевна круг
Неумолимее, чем агент МУРа,
Пока не повстречалась роковая
Та клязница
Надька Луговая.

Злодейка
Из резерва старых дев
Не выдержала Тимофевны гнев,
К тому ж раскаяньем руководима,
Что две любви пустила под откос,
Теперь не пожалев ни слов, ни слез,
Все рассказала Марфе про Вадима.
У той из грозно дышащей груди
Одно лишь слово вырвалось:
— Веди!..

На длинный путь,
На сложные зигзаги
Боюсь потратить лишней я бумаги.
В издательствах над нею — ох да ах,
Мол, держится достаток на привозе,
Хоть экономят не на толстой прозе,
А как всегда и всюду — на стихах.
Пусть торжествует принцип эконома:
Они пришли,
Они уже у дома.

Среди таких же,
Найденный с трудом,
То был обычный поселковый дом,
С обычной деревянной голубятней.
Тут Надька, осторожная, как зверь,
Кивнула указующе на дверь:
— Они вот здесь! —
И сразу на понятный.
Послушав, как воркуют сизаря,
Метнулась Тимофевна
Ко двери.

Она в те двери
Ворвалась без стука,
И первым словом было слово «сука!».
— А ты щенок!.. —
Раздался треск, и вот
В одних трусах в сопровожденье шума
Вадим из дома, словно как из трюма,
Вдруг выскочил и полетел за борт,
Вослед — бушлат,
Два грохнувших ботинка,
Тельняшка, брюки клеш
И бескозырка.

Ища одежду,
— Черт ее принес! —
Серчал обескураженный матрос,
Себя отдавший слишком бурным водам.
— Ну, ведьма, ведьма! — повторял со зла,
Поскольку ведал, как она грозна,
Еще по безмятежным школьным годам.
А перед тем, кого боялся смладу,
У льва и то со страхом нету сладу.

Тем временем,
Изгнав Вадима прочь,
Трепала Марфа Тимофевна дочь,
Пол подметала бедною Наташей,
И за большим грехом ее измен
Еще не замечала перемен:
Ни губ припухших,
Ни груди набрякшей,
Но ахнула и выпустила Нату.
— Да ты же, окайнная, брюхата!

И мать запричитала.
В причитанье
Звучал ее упрек в непочитанье
Ни матери,
Ни мужа,
Ни родни.
Тут и Наташа вслинула в подмогу,
И вот уже помалу-понемногу
Слезой к слезе заплакали они.
Теперь, закончив поиска задачу,
Я их оставлю,
Пусть себе поплачут.

Безмолвная свидетельница зла,
В ночи луна уцербная плыла

И остроносой лодочкой качалась,
Скрывалась, видима едва-едва,
За гряды тучек, как за острова,
И снова, золотая, появлялась.
Мне чудилось в ту ночь, что правил ею
Нахальный морячок
Вадим Гордеев.

Луна плыла,
От страха сердце стыло,
Уставясь на луну, собака выла.
Должно быть, ей,
Как в древней седине,
Поговорить с людьми не удастся,
Теперь собаке то и остается,
Как ночью апеллировать к луне.
Есть у собак
Свои собачьи слезы,
Свои неразрешимые вопросы.

Луна плыла,
Напоминая ликом
О чем-то беспредельном и великом,
О жизни, может быть совсем иной,
Необычайно легкой и забвенной.
Но, поманив, она, как щит вселенной,
Меня вернула к суете земной.
И я боюсь, что заблужденья Наты
Для всех троих
Трагедией чреваты.

Жизнь равновесна:
По доходу трата,
По взятому предъявится и плата.
Уже ты семьянин, а жизнь — все бой,
И на тебя, героем в новой драме,

Противник жмет твоими же ходами,
С годами позабытыми тобой.
Тщеславного Вадима походеенья —
Вонстину Жуана порожденье...

Но в наше время,
В этом нет открытий,
Отходы быта стали ядовитей.
Жуан в любви был романтично свят,
В нем, чистом, страсть жила
И страсть осталась,
Двадцатый век себя добавил малость —
И вот в Вадиме новый результат,
Зато и нет ни славы, ни почета
Для баловней холодного расчета.

Как я в глаза
Доверчивые гляну,
Что расскажу я моему Жуану,
Сумею ли вину свою признать?
Зачем сюжет я вовремя не сузил,
Дал завязать Вадиму новый узел,
Который без борьбы не развязать.
Жуану, жизнь прожившему мятежно,
С ним столкновение стало неизбежно.

Три песни спел я,
А каков итог?
Герой мой, друг мой снова одинок,
Такой, каким и был он при начале,
Но как ни горек в судьбах поворот,
А все же в мире уже зреет плод —
Дитя любви, дитя его печали.
Уже редакторов предвижу бденье:
Каким Жуана
Будет поведенье?

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

За свободу в чувствах есть расплата!
Принимай же вызов, Дон-Жуан!

Сергей Есенин

Землей рожденный,
Преданный лесам,
Я с детских лет стремился к небесам,
Как к высшей правде жизни и познания,
Где бедствуют особенной бедой,
Где плачут не обычною слезой,
А золотыми звездами страданья,
Но грузом человеческих забот
Отринут был
От голубых высот.

Познавшему людские недомоги,
Что до того мне,
Как страдают боги!
За Демона не стал бы я рыдать,
Когда бы он в трагическом кошмаре
В той неземной любви к земной Тамаре
Не попытался человеком стать.
Теперь людская боль мне поневоле
Становится большее
Личной боли.

А мой Жуан,
Друг и товарищ мой,
Был все еще в душе полугерой,
Он к человеку шел от полубога,
Свою Наташу искренне любя,

Шел смело, но до пового себя
Недотянул совсем-совсем немного,
Когда в пути на крайнем спуске вниз
В его семье
Сотрясся катаклизм.

Давно ли он,
Нежданную, как призрак,
Наташу внес бы в донжуанский список,
Где были и звучнее имена.
В том списке на бумаге глянцева
Какой-нибудь, ну, скажем, сто двадцатой
Стояла бы Наташа Кузьмина.
Состав пополнив своего гарема,
Тетрадь закрыл бы —
Вот и вся проблема!

Пока я излагал
Событий суть,
Жуан уже ступал на этот путь,
Ворчал сердито:
— Замолчи!.. Не надо!..—
И вновь шагал в своих былых веках
С презрительной улыбкой на губах
И молодым высокомерьем гранда,
Но я его вернул к своей эпохе:
— Где женщины плохи,
Мужчины плохи.

— А если дрянь жена? —
Спросил он гневно.
— Не торопись, она чиста душевно.—
Жуан скосил свой уросливый зрак,
Цедя слова с издевкою жестокой:
— Измена с благородной подоплекой,
Так, что ли, друг мой?

— Если хочешь, так.
— Чиста душой? —
И гаркнул обалдело: —
Нет!.. Я предпочитаю чистым тело!

В чужой душе,
Как ни свети, темно.
Вот и смывай родимое пятно
Замашек буржуазно-феодалных.
Ведь многие на жен чужих глядят,
А собственных коснется, все хотят
От них поступков только идеальных.
И я спросил:
— А у тебя из ста
Была ли хоть одна во всем чиста?

Опешил он,
Не каюсь в связях с ними:
— Они же были женами чужими!
— Но если в прошлом для своих любвей
Ты чистоту считал души ненужней,
Представь Наташу за другим замужкой
И по привычке заново отбей,
Тогда она, полученная с бою,
Уж не тебе изменит,
А с тобою.

На этот раз
И я не без уловки
К поступкам подводил мотивировки:
— Нет, милый мой, двоить себя нельзя,
Быть может, снова, как уже когда-то,
К нам подступает век матриархата,
А мы не знаем и бушем зря. —
Жуан, заметив, что его дурачу,

Послал меня
Ко всем чертям собачьим.

Герой — потемки,
Но по резкой речи
В нем человека нам увидеть легче.
Как только начал он меня бранить,
Я сразу понял, что мой друг с разбегу
К себе вернулся, то есть к человеку,
А с человеком можно говорить.
— Сядь! —
Приказал Жуану я, готовясь
Сказать ошеломительную новость.

— Твоя беда
Была неотвратима,
Да, да, ведь сам ты породил Вадима,
Собравшего в себе твое хламье.
О, донжуанство без душевных граций —
Подлейшее из поздних генераций,
Оно теперь возмездие твое!
Как гордый человек,
С открытым взором
Испытывай теперь
Себя позором!

Один и тот же грех,
Но в двух сердцах
Неодинаков на больших весах,
У каждого свой потолок и полка.
Как ни тяжка Наташина вина,
Как ни трагична, все-таки она
Лишь жертва ложно понятого долга,
С тобой ли будет,
С ним ли, наглецом.

Она того-с...
Готовься стать отцом!

Он так смотрел,
В таком холодном поте,
Как будто спрашивал:
За что же бьете?
Неясно было, что владело им,
Боязнь ли, что к былому не вернуться,
Иль первый страх, что может разминуться
С таким желанным будущим своим?
И я, чтобы облегчить груз известий,
Заметил, уходя:
— Рождайтесь вместе!

Закрывши дверь,
Я в тот же самый миг
Услышал за собою львиный рык
И некий шум, как ураган пад лесом.
Так у Жуана в мозг его и грудь
Вошла психонатическая муть,
В науке называемая стрессом,
А возникает этот самый стресс,
Когда над мыслью
Чувства перевес.

А мой герой,
Как бывший соблазнитель,
Был не философ, даже не мыслитель,
Но понимал, в чем благо и в чем зло.
У самолетов — надо ж догадаться! —
Чтоб те не разрушались от вибраций,
Отяжеляют каждое крыло.
А может, если посмотреть не узко,
И человеку
Легче под нагрузкой?

Сначала в пем
При взрыве безрассудства
Возобладали изменные чувства,
Но не бесплодным был тот львиный рык.
На бурных взрывах вот такого рода
Нас подвигала мудрая природа
Очеловечивать свой темный лик.
Лишь стоило мне друга крепко вылить,
Как, пошумев в горячке,
Стал он мыслить.

И мысль пришла:
«Как, не свершая мечь,
Мне сохранить достоинство и честь,
Кого судьбою взять, не унижаясь?
Насчитывал когда-то до семи
Я добрых нянек у своей семьи,
Теперь же все куда-то разбежались.
Сегодня в положении таком
Помочь не сможет
Даже мой цехком.

Как наказать
Измену и обман?
Когда бы вор залез ко мне в карман,
Его б судили очно и стоглазно,
А негодяй — не-е-ет, я его убью! —
Ограбил душу и любовь мою
И почему-то ходит безнаказный...»
Стихом поэта
Для острастки бестий
Жуан затосковал
О шаге чести.

Тем временем,
Со злом войдя в мой опус,

Вадим еще догуливал свой отпуск,
Наташа у подруг его ждала,
Не сдавшись грубой материнской силе,
А Марфа Тимофевна в том же стиле
Все ту же дипломатию вела.
Вот расстановка лиц, и в ней на диво
Держался каждый
Своего мотива.

Едой пренебрегая,
Даже сном,
Печальная Наташа пред окном
Ждала матроса, глядячи за раму,
И в том, что после горькой ночи той
Матрос не появлялся с темнотою,
Винила только собственную маму,
Наивно полагая, будто он
Был в лучших чувствах
Ею оскорблен.

Обидно зло, обидней во сто крат
Любовь и благородство невпопад,
Самовнушенные по школьным книгам,
Меж тем когда читаем книги мы,
То лишь щекочем слабые умы
Мечтаньями великих о великом,
Иначе бы — Толстого прочитал,
Так сразу бы
Философом и стал.

Жизнь старше книг.
Уже через неделю
Наташе ожиданья надоели,
И та решила с долей озорства
Зайти к Вадиму, выбрав путь окольный,
Пока что на правах подруги школьной,

А не по праву тайного родства.
Оделась хоть и скромно, но прилично.
На этот раз
Она была практична.

При встрече рек
На берегу крутом
Гордеевых стоял высокий дом.
Не бредя каменными городами,
Их дом стоял еще со старины,
Когда Гордеевы и Кузьмины
Дружили семьями или домами.
С кедровыми венцами
Дом крестовый
До сей поры глядел
Почти как новый.

И берег,
И река напротив дома
Наташе были с детских лет знакомы.
Не зная ни заботы, ни тоски,
Они в реке купались,
Внешне кроткой,
В гордеевской переплывали лодке
На золотые свейные пески.
Ах, детство, как ты далеко-далече!
Когда глупы мы,
Жить намного легче.

Где две реки
В одну соединились,
Там воды цветом надвое делились.
Наташе стало странно, как она
Той разницы тогда не углядела:
Река же половиной голубела,
А половиною была темна.

Душою смутной постигая что-то,
Она вошла
В тесовые ворота.

Уже в дому,
Ухоженном на диво,
Она застала только мать Вадима,
В заботе разбивавшую белье.
Та увидела гостью и запела:
— Как выросла да как похорошела! —
И принялась усаживать ее,
Украдкой пряча в уголок косынки
Две тайно
Недоплаканных слезинки.

По тем слезам
Наташе ясно стало:
И здесь ее маманя побывала.
Жестокая в стремлении своем,
Она почти что — не почти, а точно —
Сравнилась в дипломатии челпачной
С американским госсекретарем,
Но Тимофевны редкие задатки
Не принесли
Желаемой разрядки.

И все-таки она,
Как дипломат,
Уже имела некий результат.
Ее переговоры, то есть ссоры,
Неумолимо привели к тому,
Что в этот день
В гордеевском дому
К отъезду сына начались сборы,
А сам он, пережив однажды страхи,

Сойтись с ней снова
Не нашел отваги.

«Все для меня!» —
Вадима был девиз,
Родителям же этот эгоизм
Сначала не казался трудной ношей:
«Все для него, а значит, и для нас!»
Но, как и у других, им от проказ
Единоличника жилось все горше.
Родить второго не хватает сметки,
То и страдают
Семьи-однодетки.

Отец сердился,
Но хитрюга-мать
Грехи сынка умела прикрывать.
Вот и теперь, колючим взглядом глядя,
Как будто бы не зная ничего,
Заговорила слезно про него,
Кивнув на фото:
— Уезжает Вадя... —
Покуда рос, был и душа и плоть,
Завел жену —
Отрезанный ломоть...

На карточке,
Вниматель привлекая,
К Вадиму льнула женщина другая...
Как будто нож по сердцу полоснул,
Как будто гром по голове ударил,
Как будто молний огненные твари
Обвили грудь и задушили гул.
Забыла все, очнулась в жути дремной
На берегу,
На половине темной.

Там омут был.
Черней, чем эбоцит,
Он притягал Наташу, как магнит,
Как взгляд удава свою жертву манит.
О, красота!.. Недаром говорят,
Что пожилых страдания дурнят,
А молодым их красоту чеканят.
Она была красива несомненно,
Но красотой теперь
Уже надменной.

Ни горьких слез,
Ни жалостного вздоха.
Что скажешь ты мне, милая эпоха?
Ведь на земле все та же маета,
Хотя века над миром пролетели.
О, сколько женщин,
Как она, глядели
В холодные речные омута!
Но не у всех у них, как у Наташи,
Невидимый хранитель
Был на страже.

Высокая,
Она паверняка
И на себя глядела свысока,
Чтоб умереть, собой пренебрегая,
Уже ступила на ступени дна,
Вдруг ощутила то, что не одна,
Что с ней уходит вместе жизнь другая,
И эта жизнь уже,
Как выкрик с мест,
Активно выражала
Свой протест.

Все это
О Жуановой супруге
Я в Марьевке пишу, а не на юге,
На той пишу Назаркиной горе,
С которой видно, как, углы меняя,
Бывает своенравной речка Яя
В дождливой предуборочной поре.
Вчера услышал с берега стенанья,
Что утонула
Липецкая Таня.

Ах, Таня!..
Шестиклассница всего,
Жила напротив дома моего,
Мне довелось улыбкой с нею знаться,
С утра в подмогу маме, говорят,
Она пасла у берега телят.
А вечером решила искупаться.
По выходе на берег окунулась,
Нырнула вновь
И больше не вернулась.

Ах, Таня, Таня!
Мне бы жизнь воспеть,
А не твою бессмысленную смерть.
Найти ей оправданье просто негде.
Помощница, телят не допасла,
Не доучилась и не доросла
До счастья жизни и ее трагедий.
Уж лучше бы над омутом она
Стояла,
Как Наташа Кузьмина.

А у Наташи,
Повернувшей круто,
К спасению была одна минута,

Одна минута, но она была,
Чтоб заглянуть в глаза
Манившей бездны.
Чтобы подняться
На берег отвесный,
Любовью прежней выгорев дотла,
А за любовью, преданной сожженью,
Судьба сулила самоотверженье.

Да неужели в этот ураган
Ни разу ей не вспомнился Жуан?
Нет, вспоминала и впадала в жалость,
Но, если же по совести сказать,
Ей стыдно было даже вспоминать,
А встретиться тем более боялась,
О чем Жуан узнал и что сначала
Его еще сильней ожесточало.

Как мысленно,
Переживая стресс,
Хватал он снаги мстительный эфес,
Что думал он в часы своих терзаній,
Униженный в позоре и стыде,
Узнал я из допросов на суде,
Из протоколов первых показаний.
Так, защищая честь своей семьи,
Не избежал он
Роковой скамьи.

Весь день
Без суеты и без помехи
Жуан сурово проработал в цехе,
Цех стал спасеньем друга моего,
Где, горю и тоске не потакая,
Железная работа заводская
На время отвлекала от всего:

То калька,
То шаблон,
То к мысли повод,
Глядишь, задаст
Какой-нибудь шпангоут.

Закончив смену, в тягости души
Он разбирал к уходу чертежи
И чередил на новый день по плану,
Вдруг из-под них
Предвестьем новых бед
Упал незапечатанный конверт,
Коротко адресованный: «Жуану»,
А в том конверте — сложенный листок,
Имевший пять
Машинписных строк.

!!!! Вот так в начале,
Как пожи в замахе,
Стояли восклицательные знаки.
«Я знаю, ты не трус и не святой,
Так почему же мирисься с позором?
Сегодня в десять вечера на скором
Уедет подлый оскорбитель твой.
Отмсти!!!!»
Вновь за призывом наказания
Стояли те же знаки восклицанья.

Еще без мысли,
Но Жуана взгляд
Уже вцепился в темный циферблат.
«А кто так страждет за мои обиды?»
Перечитал записку, и тогда
Узнал он без особого труда
Высоковольтный стиль Аделаиды.
О чем подумал,

Неизвестно нам,
Но только взгляд
Опять прильнул к часам.

Непостижимо!
Изумляться надо,
Что ту записку написала Ада,
Любовница, покинутая им.
Подумать, для любви и любований
Такая амплитуда колебаний!
Обидчик злой, он все же был любим,
Хоть с появлением у него Наташи
Любим любовью
Родственницы старшей.

Как у металла,
Если он нагрет,
У истинной любви один лишь цвет,
Горячий цвет, и отклоненья редки,
Точнее, он бывает только ал,
А холодеть начнет, как и металл,
Любовь являет разные расцветки:
Малиновый сойдет на темно-синий,
А синий низойдет
До черной стыни.

Есть женщины
Душевной темноты,
А есть негодницы из доброты.
Они воображают все несчастья,
Которые на милого падут,
Чтоб оказаться рядом, тут как тут,
И проявить душевное участие.
Скажу, не трогая оттенков всех,
Была Аделаида
Не из тех.

Для выдумки любви,
По-детски смелой,
Была Аделаида слишком зрелой
И слишком опытной, добавлю я.
Нет, в ней любви воспоминанья жили,
А раз его, Жуана, оскорбили,
Считала оскорбленной и себя.
Не потому ли, что добро являют,
Таких добряшек
Чаще покидают.

Опасно зло,
Опасней во сто крат
Бывает благородство невпопад.
Когда бы Ада не казалась правой,
А виделась коварной, сердце в нем
Не вспыхнуло бы гибельным огнем,
Не отравилось мстительной отравой,
Теперь же от укора сам не свой,
Он тотчас заспешил...
Куда?
Домой!

— Зачем домой?! —
Вы тоже удивитесь
И скажете, наверно:
— Экий витязь! —
А между тем Жуан почти бежал,
Трамвай попутный на пути приметив.
Он в этот миг и сам бы не ответил,
Зачем в свою каморку поспешал.
В ней было все печально и уныло,
Пустынно было,
Одиноко было.

Сначала он ходил,
Не зная сам,
Что нужно затуманенным глазам,
О чем томился в беспредметной думе,
Но, проходя в огляде все подряд,
Нечаянно остановил свой взгляд
На новомодном праздничном костюме.
И он решил,
Что в битве даже с блудней
Не подобает быть
В одежде будней.

Под цвет к нему,
Носимому нечасто,
Сорочку выбрал он и выбрал галстук,
По моде крупный узел завязал,
Сменил ботинки общего топтанья,
Как будто шел к любимой на свиданье,
А не крушить Вадима на вокзал.
Хотя и новой ожидалась стычка,
Сказалась все ж
Дворянская привычка.

Он знал врага,
Но знаньем прежде скрытым,
По фотографиям, к стене прибитым,
На двух из них с Наташей тот сидит,
Гордясь соседством
И, должно быть, млея,
Всем напряженным обликом имея
Что ни на есть десятиклассный вид.
Сорвал, хотел их разорвать,
Но внове
Подумал с болью:
«Этот невиновен!»

Нет, нет, не этот,
А совсем другой
Призвал Жуана к встрече роковой:
Подлец и лжец, играющий на вере,
Невинных заставляющий страдать,
Выслеживать себя,
Ревниво ждать
Под фонарями в привокзальном сквере,
К тому удобном, чтоб иметь обзор,
Но экономно узком,
Как Босфор.

Перед любой бедою,
Вплоть до драки,
Природа часто подает нам знаки,
Лишь надо быть внимательнее нам,
А мой Жуан, прямой,
Почти что фрачный,
Стоял в тени с решительностью мрачной,
А если бы взглянул по сторонам,
Прозрел бы там
В обычных голых сучьях
Переплетенья
Проволок колючих.

Но мститель,
Обратив свое лицо
На шумное трамвайное кольцо,
Не замечал пророческого знака,
Он зорко на трамваи все глядел:
Уже четвертый, пятый отзвенел,
Матроса с ними не было, однако
В нем не слабел решительный настрой,
Тем более
Что близился шестой.

Трамвай звенел,
Рассвеченный и быстрый,
С его дуги во тьму летели искры.
Вот завернул и встал,
И в рельсы врос,
А из дверей, как самую победной
Из катера торпедного торпедой
Одним из первых вылетел матрос.
Так вылететь на этот раз, наверно,
Не помогала
Марфа Тимофевна.

Жуан его
На вылете засек,
Измерил взглядом:
«Хоть и невысок,
Все ж, кажется, нахальный и здоровый».
В нем не узнал он с фото паренька,
Как не узнать зеленого дубка
Под огрубелою корой дубовой.
Но даже в свете зыбком, как неон,
В сознание утвердилось:
Это «он».

Вадим спешил,
Не склонный к передрягам,
А тут к нему Жуан особым шагом.
Нужны, однако, крупные мазки,
Чтобы представить сразу всю картину:
Шел, голову кудрявую откинув,
Легонько нажимая на носки;
Шел напрямик пружинисто, но веско.
Как он поступит?
Он поступит дерзко.

Для встречи
Им был выбран тот момент,
Когда противник выходил на свет,
С тем чтоб ошеломить приемом верным.
Вадим успел отставить чемодан.
Жуан к нему вплотную.

— Я Жуан!

— И что?

— А вот что! —

И ударил первым.
Была кренка гордеевская кость,
К тому же и удар
Пришелся вскользь.

— Полундра! —

Хоть и быстрый,
Но приметный
К Жуану полетел кулак ответный,
Другой бы от него, наверно, сник,
Но от удара при таком заносе
Друг знал прием,
Используемый в боксе,
Так что противник цели не достиг.
За этой первой стычкой, однако,
И началась
Отчаянная драка.

Теперь они сцепились

Грудью в грудь,

Глаза в глаза,

Да так, что не моргнуть.

— Прощайся с жизнью, выродок проклятый! —

Хрипел Жуан в неукротимом зле

И, изловчась, ударил по скуле,

Когда Вадим шатнулся на попятный.

Но и тому, впадающему в злость,

Ударом хитрым
Врезать удалось.

Запахло кровью —
Той, что вечно в трате,
Той алой, что всегда
За все в расплате:
За жизнь и честь,
За истину и ложь.
Сейчас она окапала неожиданно
Сорочку белоснежную Жуана.
Торжествовал подлец,
А все ж, а все ж,
Как ни хитри он хитростью лукавой,
При равной силе побеждает правый.

Жуанова губа кровоточила,
Но это лишь его ожесточило,
Зато теперь Вадим Гордеев, в ком
Для битвы цели не было и жажды,
Свое лицо ему подставил дважды
И дважды повстречался с кулаком.
Он только зашатался, глядя тупо,
И выплюнул
Два драгоценных зуба.

Я видел
Драку злобную собак,
Я видел в ранней молодости, как
Дрались два жеребца непримиримо.
Читатель мой, не горько ли, пойми,
Такое же увидеть меж людьми.
Жуан лишь свирепел и бил Вадима,
Уже и нос ему сравнял с губой,
Но все же продолжался
Смертный бой.

Жуан не видел,
Как народ собрался,
Как кто-то разнимать их попытался,
Жуан не слышал, как по мостовой,
По улице,
По скверу
Бегом быстрым,
Подбадриваясь милицейским свистом,
Бежал, запаздывая, постовой.
Вадим уже упал с кровавой маской
И вывернутой
В сторону салазкой.

Вадим лежал,
Жуан стоял хмельной,
До боли потрясенный тишиной.
И понял он по напряженным лицам,
По голым веткам у барьера тьмы,
Что между ним, и миром, и людьми
Уже прошла незримая граница.
И только с тем одним,
Упавшим наземь,
Еще как будто
Сохранялись связи.

Вадим лежал.
Жуан стоял над ним,
Тоской и человечностью томим:
Позор был смыт,
Но легкость от успеха
Сменилась горькой тяжестью потом,
Что наказал прохвоста, а в самом
Его же боли отдается эхо.
Такая человечность выше права,
Есть в человечности
Своя отрава.

— В чем дело? —
Вопросил порядка страж
И, охватив всей драмы антураж,
В Жуане быстро разгадал убийцу,
Но, деловитый, был хоть и безус,
Прощупывая у матроса пульс,
— Связать бандита! —
Бросил бригадмилльцу,
Прислушался с гримасою кривой
И удивился:
— Кажется, живой!..

— Кто был свидетель? —
Публика молчала.
— Кто, повторяю, видел все сначала? —
Опять не отозвался ни один,
Иные даже расходиться стали,
Когда же друга моего связали,
Старушка появилась из-за спин
И назвалась, лицо свое заботя:
— Пишите...
Худокормова Авдотья.

Связали друга
Лишь за то, что он
Был очень уж расхристан и страшон.
Сорочка кровенела после драки,
А красный сбитый галстук, моды крик,
Дрог на плече Жуана, как язык
От бега запалившейся собаки.
С готовностью,
Неслыханной в бандите,
Он с хрипом молвил:
— А теперь ведите!

У двух машин,
Что привлекли зевак,
На каждой виден был особый знак,
Отчетливый и по значенью четкий.
Вадима увезли из-под куста
Под знаком милосердного креста,
А друга в черном кузове с решеткой.
С ним, даже связанным, скажу меж делом,
Авдотья Худокормова не села.

Люблю слова.
Их смысл всегда мне нов,
Но есть среди бродячих звучных слов
Слова со смутной смысловой нагрузкой.
К примеру, лишь с намеком на исток
Уютный милицейский закуток
В народе прозывается *кутузкой*.
И надо же!.. Эпоха созиданья,
А держатся
За старые прозванья.

В милиции,
Когда ведут опрос,
Доставкой именуется привоз,
А вот задержка значитя приводом.
Все это, как заметил я потом,
В ближайшем отделении седьмом
Писалось и звалось таким же родом.
В нем, раз уж отделеньем называют,
Кого-то
От кого-то
Отделяют.

Здесь,
Если говорить про интерьер,
Уже при входе видится барьер,

Локтями отполированный до блеска,
В той полировке — трепещи, злодей! —
Была работа и моих локтей,
О чем теперь и вспоминать-то мерзко.
Одно лишь извиняет сердца траты,
Что не всегда
Бывал я виноватым.

Не утаю,
Скажу себе в укор,
Любил я заводить застольный спор,
В азарте доходить до утверждений,
Что я родной поэзии Атлант,
Что я еще непонятый талант,
Черт побери, а может быть, и гений!
Понять все это люди не могли,
Вот почему
Сюда и волокли.

Но как-то
При моей защите бурной
Заметил мне находчивый дежурный:
— Ну ладно, пусть поэт и пусть пророк,
Не бредили, а шли в плену наитий...
Поверю, если что-то сочините,
Чтоб доказать,
Что варит котелок. —
Подумал я, закрыв лицо рукою,
И прочитал им
Горькое такое:

«Скажу,
Невзирая на лица,
Маяковский лжет.
Моя милиция
Меня не бережет!»

Дежурный — в смех,
И голосом веселым:
— Сварить сварил,
Но с явным пересолом! —
Однако попросил продиктовать,
А записав стихи, пришел к итогу:
— Поэта проводить к его порогу,
А за порогом шум не поднимать...—
Жаль!.. Не было дежурного того,
Когда вводили друга моего.

На этот раз
За горестным барьером
Порядком правил, судя по манерам,
Интеллигентный старший лейтенант,
Питомец школы позднего призыва,
Без лишних сантиментов и наива,
Аккуратист скорее, чем педант.
В нем выделась без фальши и уклонов
Гроза
Всех нарушителей законов.

Непререкаемый,
Как сам закон,
Снять путы с рук распорядился он,
Направил в туалет за коридором,
Чтобы Жуан обрел нормальный вид,
Смыл кровь, и грязь, и прочий реквизит
Убийц и хулиганов, при котором
Любая человеческая святость
Могла бы впасть
В недобрую предвзятость.

И все же
В милицейском туалете
Жуан не смыл постыдные соцветья

С лица почти цыганской смуглоты.
На нем в каком-то обновленном стиле
Еще заметней пятна проступили,
Похожие на странные цветы,
Как будто вынес
Свой портрет пятнистый
Из мастерской
Мараки-модерниста.

Здесь ни к чему,
Поскольку стих не проза,
Описывать формальности опроса,
Мы через кое-что перемахнем.
О том, как вел себя он ураганно,
Жуану было слушать как-то странно,
Как будто говорили не о нем.
Но тот, другой,
Его с собой сближая,
Влезал в Жуана,
Кровью ужасая.

Еще страннее был ему сейчас
Свидетельницы красочный рассказ,
Как он, Жуан, припрятался за светом,
Как шел матрос и что-то тихо пел.
— А этот из кустов вдруг налетел,
Перед матросом выставился фертом,
Я, говорит, жу-жу, и туча тучей
Шипел ему в лицо,
Как змей шипучий.

И все-таки,
Как ни смешон наив,
Рассказ Авдотьи в общем был правдив,
Поскольку по законам алфавита
Жуан с «жу-жу» звучанием похож,

Но дальше — больше, вот уже и нож
Блеснул в руках напавшего бандита.
Нет, здесь она слегка перехлестнула:
То не был нож,
То запонка блеснула.

Зато потом
В перипетиях зла
Авдотья снова точною была,
Жуана представляя мрачно-грозным:
— Я, говорит, таких не потерплю,
Что породил, то сам же и убью...
— Так было?
— Да, но в смысле переносном.
— Ах, негодяй, какой там перенос,
Когда перекошил
И рот и нос!..

Красиво,
Не крючки да закорючки,
А строчкой к строчке
Шариковой ручкой
Писал дежурный уже третий лист,
Теперь к Жуану повернулся круто
И молвил с удивлением:
— Конструктор! —
Как если бы сказал кому: «Артист!»
Затем Авдотье:
— Вы рисуйте сценки,
Но не входите в личные оценки.

Тот старший лейтенант,
Скажу в упрек,
К интеллигентам был особо строг,
Как свой к своим,
Что ж, это справедливо,

И я бы поступал, наверно, так,
Но вот беда — к проступкам работяг
Он относился слишком терпеливо,
А значит, неосознанно пока
Глядел на них
Как будто свысока,

Как будто
При проступках равно тяжких
Рабочий класс нуждается в побрякках.
Нет, милый, нет, не вымышляй элит,
Для всех бери одну святую меру,
С одною мерою одна и вера,
А потому суди, как честь велит.
Мы все, мы все, за редким исключеньем,
Интеллигенты
В первом поколенье.

Но лейтенант,
Напрасно я мечтал,
Моих стихов в то время не читал,
А четко шел по протокольной части.
Всех, кто сумел хоть что-то показать,
Заставил он прочесть и подписать,
Потом все в том же
Праведном бесстрашье
Повел рукой, не напрягаясь слишком,
И вот возникла магниева вспышка.

А вспышка та
Была тому пример,
Что и сюда внедрялась НТР,
Хотя бы для мгновенных фотографий
По ходу дела в профиль и анфас,
Чтоб выставить народу напоказ,
Коль речь пойдет о большем, чем о штрафе.

Другою кнопкой,
Большее по чину,
Могли включить
Судейскую машину...

Жуан очнулся, ужаснулся он:
О, сколько в той машине шестерен!
Привыкший мыслить только конструктивно,
Мой друг, чтоб увидеть без ворожбы
Простую арифметику судьбы,
Закрыв свои глаза интуитивно;
В тот закуток, уже воспетый нами,
Так и пошел с закрытыми глазами.

Есть жизни ритм,
Любое нарушение
В том ритме
Может привести к крушению.
Так и случилось. Все пошло в излом,
Все покривилось в горестном зигзаге,
Все перенапряглось с клочком бумаги,
С пустым Аделаидиным письмом,
В котором та Жуана укорила...
Ах, Ада, Ада,
Что ты натворила!

В ком цели нет,
Тому и горя нет,
У человека цели больше бед.
Для дерзкого, в ком есть свое «во имя»,
Кому начертан неизбежный путь,
С которого уже не повернуть,
Коль быть беде, она неотвратимей.
Трагедия тернового венца
И в наше время
Не для подлеца.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Дракою горя не поправившь.

Русская пословица

У гениев
С их славою живучей
Цитаты мы найдем на всякий случай:
И «за» и «против», и у каждой вес,
И каждую цитату нячит пресса.
Одна приветствует плоды прогресса,
Другая убивает весь прогресс.
Как все-таки при множестве резонов
Нам утверждать
Незыблемость законов?

А было время,
Когда пришлый Рим
Был своевольно претором судим,
Всего одним, умевшим мыслить здраво,
Проступки взвешивать, а вот теперь,
А вот теперь попробуй-ка доверь
То волевое преторское право!
Нет, нынче преступленья и пороки
Давно имеют
И статьи и сроки.

Еще до древнеримского закона
Законы были мудрого Солона.
В те времена для тех преступных лиц,
Которых кара римская карала,
Для писанных статей вполне хватало
Всего двенадцать каменных таблиц.

Сегодня свод законов так огромен,
Для них не хватит
Всех каменоломен.

О, слово русское!
Сойдешь с ума
От слова непонятого «тюрьма»!
Чужое мне, оно вообразимо,
Как яма на дороге, как провал.
Вот я о древнем Риме толковал.
А прокурор-то к нам пришел из Рима!
Не потому ли другу моему
Он до суда
Определил тюрьму?

Так думал я,
Не зная фактов многих,
Не понимая мер особо строгих.
Повсюду было слышно «ах» да «ох»,
Сочувствия, догадки, слухи вроде,
Что он убийца, — словом, на заводе
Произошел большой переполох,
Как годом раньше, в роковое лето
При испытанье
Нового объекта.

Нацеленный на высоту и скорость,
Тот самолет принес тогда нам горесть,
А не триумф в ряду других побед.
В одно мгновение почти отвесно
Ушел он вверх,
На синеве небесной
Оставив темный реактивный след...
И долго нам потом была заметна
На чистом небе траурная лента.

Да будет вечен
Миф о Фаэтоне,
О том, как в небе солнечные кони
Летели так, что небосвод дрожал,
Так, что прошли запретную границу,
А юный бог, стоявший в колеснице,
Тех солнечных коней не удержал.
Пределов нет!.. Они еще рванулись,
Но в тот же миг
О молнию запнулись.

У новых сил,
Открытых нами дерзко,
Своя для нас есть тайная отместка.
Земные Фаетоны наших дней,
Овладевая силою могучей,
Мы самолеты этой силе учим,
Впрягая сразу тысячи коней,
А узнаем, увы, намного позже,
Какие хитрые
Нужны им вожжи.

Зато потом
Нас учит самолет
И поднимает до своих высот,
С мечтами жизни ускоряя встречи.
На том пути к сияниям вершин
Ужасна гибель опытных машин,
Ужасней катастрофы человечья.
При гибели идей
Среди последствий
Страшней всего
Топтание на месте.

Жизнь, мать моя,
Люби и береги

В любой борьбе идущих впереди
И первыми вступающих в сражение.
Нельзя все продвигаться, мчась и мчась.
Всегда, чем больше войсковая часть,
Тем медленней бывает продвижение.
Скажу в итоге, выражаясь метче:
Во всяком деле
Впереди разведчик.

Вот почему и вызвало волнение
Нелепое Жуаново падение.
Мы все в его хмельные виражи
Не верили, подозревали шалость.
Так много новых линий прозревалось
На добром чертеже его души,
А более того — особо важных
Пока еще набросков карандашных.

В милицию,
Перешумев станки,
Звонили телефонные звонки,
Чтоб оградить Жуана от порухи.
Весь цех о нем просил, как ни о ком,
Бумаги переслав через завком,
Чтобы его отдали на поруки,
С гарантией, что мудрый коллектив
Задушит в корне
Этот рецидив.
День проходил, второй —
И все сначала.
Машина доброхотная стучала,
Внушая самой белой из бумаг,
Что у Жуана — светлый ум, призванье,
Отзывчивость, любовь к труду и званье,
А было-то действительно все так.
«И при наградах, —

Скажет мне завистник,—
Не пишется
Таких характеристик».

В пустых надеждах,
В похвалах без края
Прошла неделя, началась вторая,
Но даже и такой авторитет,
Как наш директор
С мудрым лбом бугристым,
Входивший запросто ко всем министрам,
Не получил желательный ответ.
Все попусту! На наши упования
Не отвечали
Органы дознания.

Не одолев какие-то препоны,
Машинки стихли, даже телефоны,
Да и цехком собрал весь кворум свой
Без шума, без повестки широченной.
Цехкома обезглавленные члены
Хотели быть обратно с головой,
Хотя и не пытались скрыть к их чести,
Что в этой роли был Жуан на месте.

Стал головой
За друга моего
Застенчивый предшественник его,
Имевший право жить в большой квартире,
А он, как помните, стыдась, молчал,
В дверь обязательную не стучал,
За что товарища и прокатили.
Жуан тогда помог, теперь у зала
Не избирать его
Причин не стало.

Все объяснялось
Гробовой доской,
Дежурившей в больнице городской,
Пока Вадим на грани был опасной,
Да и теперь, воскресший от шприца,
С первичной реставрацией лица
Был все еще для следствия безгласный.
Его, не покладая чутких рук,
Неделю штопал
Опытный хирург.

Оберегая мускульные связки,
Тот возвратил Вадимовы салазки,
И только после принялся за нос,
Вернее, то, что называлось носом,
С таким невероятным перекосом,
Хоть сразу отсекай, да и в отброс,
Что для хирурга и не важно вовсе,
Лишь были бы хрящи при этом носе.

Конструктор жизни,
Плоти властелин,
Он мял ее, как скульптор пластилин
И мнет и гладит, нежно притирая.
Хирург трудился долго, но не зря.
Вот появилась первая ноздря,
Вот обнаружилась ноздря вторая.
Все ладно бы, однако в том каркасе
Вадима лик
Был все еще ужасен.

На этой стадии,
Пока что трудной,
И появился следователь юный,
Ни зубр,
Ни дока,

А всего стажер
Как все они, мечтавший о великом,
Учившийся уже по новым книгам,
А потому не знавший прежних шор,
С тем, чтобы при любом судебном иске
Был идеал решений
Самый близкий.

Смышленный юноша уже писал
Статьеки в юридический журнал,
И вот теперь с прилежностью похвальной
Спешил сюда к тому, кто претерпел,
Хотя в душе, конечно, сожалел,
Что случай выдался почти банальный,
И даже удивился, что хирург
К Вадиму допустил его не вдруг.

Любой художник
В крайней неохоте
Ведет нас к незаконченной работе,
Боясь опошлить таинство труда,
Боясь от нас придирчивости мелкой.
Когда в лице такая недоделка,
Он все-таки сгорает от стыда,
От одного сознания, что скульптуры
Так далеки
От подлинной природы.

Вадим был жив,
В конечном счете он
Понес лишь эстетический урон,
А вот как выглядел, судите сами,
Коль харьковский стажер спросил о нем:
— Так сильно?.. Да неужто кистенем?!
— Нет, — отвечал ваятель, — казанками! —
И показал у собственной руки

На сжатых пальцах
Эти казанки.

Будь следователь
Трижды беспристрастен,
Он заключил бы, что Жуан опасен.
Хоть не доказана была вина,
Хоть было далеко до обличенья,
Но мера, названная *пресеченьем*,
Уже была к нему применена.
Мечтал он благоденствовать в семье,
А очутился
В каменной тюрьме.

Тюрьма
По образцу тюрьмы московской,
Имевшей славу «тишины матросской»,
Здесь называлась просто «тишиной»,
Что было понимать намного проще,
Поскольку примыкала близко к роще
Высокой смутноглазую стеной.
Она по виду не казалась мрачной,
Но не шибала
И на комплекс дачный.

Как на заводе,
Там ему родная,
И здесь его встречала проходная,
Но только пропуск нес за ним другой,
А дверь стальная голосом державным,
С большим ключом,
И в наши дни не ржавым,
Проскрежетала о беде людской.
И не было печальнее на свете,
Чем были для него
Минуты эти.

Уже в тюрьме
Испанских грандов отпрыск
Сначала отдан был на строгий обыск,
Потом сфотографирован, смурной,
Потом, чтоб не играл с законом в прятки,
С красивых пальцев отдал отпечатки
И побыл в бане, правда, без парной.
Как видите, преследуя заразу,
Здесь водворяют
В камеру не сразу.

Казалось,
Беды лишь теперь настигли,
Когда его, кудрявого, постригли,
О чем скажу особо, без помех.
Хоть в правилах, властями утвержденных,
Острижка значилась для осужденных,
Здесь остригали поголовно всех,
Но из подследственных о малом горе
С начальником тюрьмы
Никто не спорил.

Он был неузнаваем
В то мгновенье
С глазами оскорбленного оленя,
Бежавшего на зов издалека,
Которому за вольность походов
Из высших и гуманных побуждений
Спилили благородные рога.
Так мой Жуан в своей тоске безмерной
Стал тридцать первым
В камере тюремной.

В ней с двух сторон
Загородив престенки,
Железные стояли этажерки

В двух ярусах,
А полки — в два крыла,
И каждая для бедного Жуана
На образ допотопного биплана
Нелепостью похожая была.
На них какой-то странный вид имели
Заправленные с хитростью постели.

Они имели,
Без морищин и складок,
Такой геометрический порядок,
Тот вечный ряд, который дли и дли,
И каждая одно изображала,
Как будто в длинной куклке лежала
Египетская мумия внутри.
Все было чисто, вымыто отменно,
А все же где-то втайне
Пахло тленом.

Не дай вам бог,
Читатель мой любезный,
Вдыхать вот здесь
Застойный пот телесный,
А более того — душевный пот.
И все-таки при обработке долгой
Телесный пот сбивается карболкой,
А пот души карболка не берет.
В процессе воскрешенья и распада
Из душ больных
Выходит много яда.

Казалось бы,
Откуда взяться поту,
Когда почти что школьную работу
Все тридцать делали за свой урок.
В большом застолье, —

В клейке — идеальным,
Пакеты клеем клеили крахмальным
С их фирменной эмблемою «Сибторг».
За двести штук у каждого, вестимо,
Был свой особый
Да и общий стимул.

Их староста,
По виду плут типичный,
Хотя и плут, но человек практичный,
Жуана сразу приобщил к труду:
— Укладывай-ка, друг, свою котомку,
Садись да клей, да не особо громко
Рассказывай, на чем попал в беду...
— Хи,— подмигнул чернявый, рот осклабя,—
И без рассказа видно,
Что на бабе.

Есть и в цехах и в тюрьмах хохмачи.
— Ты, Итальянец, лучше помолчи,
Дай человеку место на скамейке!..—
Тот староста из-под своих начал
Не выпускал весь стол, на всех бурчал,
Не отрываясь от пакетной клейки.
Жуан присел с горчайшей из гримас
И начал тихо клеить свой рассказ.

В его рассказе
Не ахти как складно
Перемешалась с правдою неправда:
Портвейн,
Потом сучок,
Потом стручок,
Потом уже — по версии допроса,
Бог весть за что почти убил матроса,
А про Наташу там и тут — молчок.

«Нет, — думал, — лучше отсижу я линку,
Чем грязное свое трясти бельишко!»

Поверили не все.
По крайней мере
Чернявый Итальянец не поверил.
— Вот он зазря испытывал судьбу, —
Кивнул на старосту со лбом Сократа, —
Всего пять тысяч — разве же растрата,
Нет, нет, растрата явно не по лбу!
Не тот пошиб, не тот определено.
За что страдаю я?
За миллионы!

Есть странные
Особенности в быте:
При каждом маломальском общежитье,
При коллективе, мал он иль велик,
С образовањем,
Без образовањья,
Со славой большей должностного звания
Имеются философ и шутник.
Философу — хоть свадьба,
Свадьбу судит,
А шут при нем
И на пожаре шутит.

За шутника, должно, чернявый был,
За мудреца же староста здесь слыл,
Спокойный, рассуждавший не впустую.
Сказал он кратко и на этот раз,
Жуана тихий выслушав рассказ:
— Имей в виду статейку сто восьмую,
Часть первую, а за нее, дружок,
Легко схватить и восьмилетний срок.

Друг-покупатель,
Если в магазине
Расклеится пакет с эмблемой синей,
Виновен в том Жуан, ни кто другой,
Лишь потому, что он в минуту эту,
Отчаясь, злополучному пакету
Края помазал дрогнувшей рукой.
Меж тем закон к его житейской драме
Располагал еще пятью статьями.

Среди причин,
Смягчающих вину,
Всей камерой искали хоть одну,
Которая сказала бы счастливо,
Но знавшие статьи по их частям,
Все комментарии ко всем статьям,
Не отыскивали нужного мотива.
— А ревность? —
От наивности вопроса
Опешил даже староста-философ.

Статьи законов
Пишут не поэты,
А потому и ревности в них нету,
Ведь ревность — пережиток дней былых,
В которой признаваться неприлично,
Но в практике она, хоть и частично,
Допущена в понятиях других,
Ну, скажем, вот таким,
Как оскорбленье,
Когда взбурлит
Душевное волненье.

Так в первый день
Жуан прослушал впрок
Свой первый юридический урок,

Открыв себя, как школьную тетрадку,
Запоминая памятью своей
Все, все — от лиц и названных статей
До «Правил внутреннего распорядка»,
Догадливо наклеенных в углу,
На видном месте,
Ближе к санузлу.

В тех правилах,
Что строго неизменны,
Оберегались камерные стены
От вырезок, от надписи любой,
А тут Жуан увидел нарушение,
Перед окном такое украшение,
Которое узрел бы и слепой:
Для глаз ошеломительней удара,
Там было нечто
В духе Ренуара.

На высоте окна
Перед решеткой,
В пристойной позе
И с улыбкой кроткой,
Но в то же время в полной наготе,
Чуть-чуть бочком, скрывая стыд умело,
Смазливенькая дамочка сидела
С ладошкой на зрелом животе.
Все на нее повылупили зенки,
Как будто гостя
Вылезла из стенки.

Уже ЧП.
Была та дама скоро
Замечена дотошным контролером,
А это приключилось в той поре,
Когда, за спинами сцепивши пальцы,

Той камеры жильцы и постояльцы
Гуляли на прогулочном дворе.
Начальство поступило слишком строго,
Вернув их, грешных,
В камеру до срока.

Виновника нашли
Без всяких мытарств,
Тщеславного само тщеславье выдаст.
Так и случилось, не смолчал талант,
Который наконец-то пробудился.
И надо ж, на художника учился,
А получился крупный спекулянт,
Сплавлявший за рубеж через кордоны
Какие-то старинные иконы.

— Стереть и смыть! —
Художнику за шалость
Пять суток гауптвахты полагалось,
Но камера вступилась — дескать, мы
Не станем лучше, если будет смыта.
Просили контролера, замполита,
Дошло и до начальника тюрьмы,
И снова с просьбой
Староста-молчальник:
— Оставить просим,
Гражданин начальник.

Никто не знал,
Что бравый подполковник
Был всякого художества поклонник,
Стихами увлекался, как юнец.
На даму долго он глядел с усмешкой,
Изъяны в ней оправдывая спешкой,
Задумался на миг и наконец
Сказал, ни в чем не углядев распутства:

— Хоть не шедевр,
А все-таки искусство!

Большой начальник,
Властью облеченный,
Почти всегда добрей,
Чем подчиненный.
Уже не гауптвахту, а барыш
Имел барышник после дерзкой ночи.
Еще бы, у него в глазах всех прочих
Поднялся человеческий престиж,
К тому же, уже будучи прославлен,
Через неделю
Был в Москву отправлен.

Недоставало друга
В новом списке,
Пусть был бы и не друг,
А просто близкий,
С кем поделился б горьким горем, в ком
Сочувствие нашел бы промах явный.
Жуану приглянулся тот чернявый,
Прославший зубоскалом-шутником.
Заметил при одной из ситуаций,
Что был и сам
Не чужд для Итальянца.

Тот не таил,
Довольный разговором,
Как стать мечтал международным вором,
Иметь свой миллион, свой лимузин
И, наконец, мечтая, домечтался:
В счастливую Италию подался,
Ограбив ювелирный магазин.
— И вот я там!..

— А как без языка-то?

— Язык — пустяк:

Ewiva folporato!

Припоминая города и встречи,
Признал он, что смущала быстрость речи,
Что все как пулеметами палят,
Что все слова как пули вылетают.
— Когда они подумать успевают.
О том, о чем так быстро говорят?!
А впрочем, там, — сказал не без бравады, —
Пока есть деньги, языка не надо!

Пока в кармане был родной запас,
Жизнь улыбалась мне, но пробил час
Переходить на местные караты...
В Италии, скажу, не то, что тут,
Там в одиночку люди не крадут,
А создают сначала синдикаты.
Мне коллективность их была странна:
Вот вам и буржуазная страна!

Я тоже не дремал,
Не спал все ночи,
Пока не ухватил свой миллиончик,
Ну, думаю, теперь гуляй и пей,
Но в этих лирах, боже, еле-еле
Его хватило мне на две недели
При всей советской выдержке моей.
На хлопотах о новом миллионе
Меня потом
Застукали в Болонье.

Тюрьма там, бр-р-р,
Заклятого врага
Не поместил бы в ней у потолка

На третьей полке
Спальни трехэтажной,
Туда и залезать-то — маета,
А влезешь — ну, такая духота,
А теснота, ее и вспомнить страшно.
Нет, все-таки у нас, —
Вошел он в раж, —
Преступность ниже
На один этаж.

Конечно же
Рассказ про Интерполо¹
Не песня о Франческе и Паоло,
Но им владела истинная страсть,
Ему судьбой подаренная слепо.
Жуан подумал: «Все же как нелепо
Растрачивать ее на то, чтоб красть,
В тюрьме Болоньи обливаться потом,
В свою вернуться
Вором-патриотом!»

Еще он думал:
«До каких же пор
Останутся и вор и прокурор,
Ученые юристы, адвокаты,
И судьи, и помощники судьи?
Неужто так и будут все идти
Ума и сил чудовищные траты?»
Вопрос не столь глубокий,
Сколько страстный,
Но для раздумий
Не такой уж праздный.

¹ Интернациональная полиция.

Суть добрых перемен
Всегда — в законах.
Среди преступников традиционных
Был социально новым некий Зам,
Зловредными отходами завода
Круглогодично отравлявший воды
Большой реки, бегущей по лесам;
Хотя и знал, что в ней давно не удят,
А все не верил,
Что за это судят.

А рядом с ним,
Худой и тонкокожий,
Лицом на Грибоедова похожий,
Сидел иезуитик-клеветник,
Постыдно оболгавший —
В том и штука! —
Не власть,
Не строй,
А собственного друга,
За что и поплатился.
Тоже сдвиг!
Весь год ждала, в безделье пребывая,
Статья его сто тридцать,
Часть вторая.

И вот к Жуану
Этот людо-змея
Стал прибиваться с добротой своей.
Открытый дружбе и любви обычно,
Но все ж наметанный имея глаз,
Доверчивый Жуан на этот раз
Ответил гордо и категорично:
— Не разбойник,

Не вор,
Не ябеда,
Я не вашего поля ягода!

Здесь в камере,
Где упреждают зло,
Где всюду глаз, и речи не могло
Идти о клевете или доносе,
Но невзлюбив, как невзлюблял досель,
Под строгую Жуанову постель
Он карту самодельную подбросил,
Ехидно улыбнулся вполгубы,
Когда Жуан
Отправлен в карцер был.

Мне в карцере
С его площадкой малой
И описать-то нечего, пожалуй,
Всего пять строк достаточно вполне:
Вот каменная тумба в том уделе,
Где ночью быть лежанке без постели,
А в прочий срок примкнутой ко стене,
На полке хлеба кус не мягче тола
Да горстка соли
Грубого помола.

На тумбу сел он
С мыслью той курьезной,
Что это все пока что не серьезно,
Что это все случайно, все шутя,
Что главное еще придет позднее,
Что станет все понятней, все яснее.
Не думало ль наивное дитя,
Что в эти уголки уединений
Приводят всех
Для мудрых размышлений?

В суровости,
В игривости затей
Воспитывайте мысли, как детей
Воспитывает опытная няня:
До той поры питайте мысль душой,
Пока не станет мудрой и большой,
Способной на великие деянья,
Способной в жизни доброе творить,
Другие мысли
В людях породить.

Еще скажу,
Без страха впасть в ошибку:
Без мысли зрелой наше чувство зыбко,
В нем стержня нет,
Как в молодой траве,
Сникающей по ветру то и дело.
Когда-то голова служила телу,
А нынче тело служит голове.
Забыла голова, вскружась по чину,
Рожденья своего
Первопричину.

К несчастью,
Кибернетика сама
Несет конец развитию ума,
Дает предел достигнутым вершинам.
Настанут дни, мы будем тосковать
О том, чтобы самим помозговать,
А не бежать с вопросами к машинам,
И мой Жуан решил,
Чтоб мысль возвысить,
Все передумать,
Все переосмыслить.

«Зачем я лгу?
Зачем я фордыбачу?
Зачем же сердце от себя я прячу?
Какое счастье женщину любить,
Когда она тебя страстями полнит!
И если мое тело ее помнит,
То как же голове моей забыть?»
Так думал он не раз,
И все сначала,
Меж тем в душе
Назойливей звучало:

«Долго ждать не могу,
Помани — прибегу
И опять постучусь в твои двери.
Скажешь, будто ждала,
Будто верной была,
Я и лжи твоей подлой поверю.

Даже то не зачту,
Что увидел не ту,
С синевою опущенных век,
И прощу, что с тобой
Оставался другой,—
Знать, такой на земле человек!

Не аукай — ау! —
Прибежать не могу,
Не могу в твою дверь постучаться,
Но как призрак в ночах,
Со слезой на очах
Буду, буду к тебе я являться...»

Вдруг звякнул ключ.
Жуан многострадальный

Успел прервать мотив сентиментальный,
Встать у стены с руками за спиной,
Но надзиратель, кажется, не строгий,
Не поднял из-за песенки тревоги,
А лишь кивнул на дверь:
— Иди со мной.—
И повели певца куда-то спешно,
Не в студию грамзаписи, конечно.

Его вели на новый, и всерьез
Стажером подготовленный, допрос,
Отложенный так надолго, вестимо,
Из-за незнания службы и семьи,
Из недостатка разных справок и
Плохой речеспособности Вадима.
Хоть речь уже и удалось поправить,
Зато куда-то подевалась память.

Помог стажеру,
Дело полиставший,
На вид ленивый, следователь старший,
Не Шерлок Холмс, на выдумки не резв,
На фото глядя, раззевался даже.
— Лицом-то, как пьянчуга, изукрашен,
А вот глазами... А глазами — трезв!..
Не говорю, что случай эпохальный,
Но, юный друг мой,
Явно не банальный.

И появились у Жуана в деле
Бумаги в новом, так сказать, прицеле:
Здесь были показанья разных лиц,
Свидетельства врачей,
В соседстве близком
Записка Ады с донжуанским списком,
Представить только, в несколько страниц.

Вот так солгавший — да не будет ложен! —
Как дикий зверь,
Был фактами обложен.

Жуан жалел,
Что шаг излишне скор,
Что не длинен служебный коридор,
А то бы шел и шел до дальней дали,
Вдыхая тонкий аромат духов,
Когда легко, как бабочки лугов,
Девчата в мини-юбочках порхали,
Осуществляя связь между пороком...
Простите,
Между дьяволом и богом.

Стажер-очкарь,
Надежда института,
Свои психологические пути
Сплел заново и переплел аркан.
С улыбкою далекого значенья
По имени назвал без усеченья:
— Входите и садитесь, Дон-Жуан!..—
Жуан вначале несколько опешил,
Но общий добрый тон
Его утешил.

Еще сказал стажер,
Но без улыбки:
— Вас в карцер посадили по ошибке,
Вы не картежник, согласитесь — нет,
У вас другие страсти и призванья...—
Стажер ошеломлял Жуана знаньем,
Внушал, что на события пролит свет,
Что обнаружены меж ними связи,
Что нечто есть
Особое в запасе...

— А вы обманщик! —
И взмахнул арканом.—
В тот мрачный вечер
Не были вы пьяным,
Что, кстати, усугубило б вину,
А если вы в тот вечер трезвым были,
Тогда зачем себя оговорили? —
И повертел записочку одну.
Жуан упал бы, если бы не крепко
Привинченная к полу табуретка.

— Тут анонимка. Видели?
— Да, видел.
— В ней про обиду; кто же вас обидел?
— Безделица!
— Безделкам счет иной,
Для следствия безделиц не бывает,
А главное и время совпадает...
Нет, вам пооткровенней бы со мной! —
Жуан и сам дорос за время это
До полной откровенности поэта.

— Ну, хорошо! —
Заговорил он четко.—
Моей обиде не страшна решетка,
В любви я самолюбья не скрывал,
Но женщина, как ни дурна собою,
В моих глазах не может быть плохой,
Коль я ее хоть раз поцеловал.
Прошу учесть, что ни к добру, ни к худу
Имен я женских
Называть не буду.

История любви, почти былинной,
Стажеру показалась длинной-длинной,
Но страстную не прерывал он речь,

В душе благословляя случай этот,
Родивший, как он думал, новый метод:
Сначала удлинить, потом отсечь.
Жуан, казалось, нес
И все заметней
Какие-то мистические бредни.

Стажер все слушал,
А когда дослушал,
Еще одну ошибку обнаружил:
«Что отпустил Вадима, это срам!»
Боясь огласки,
Тот, как мать велела
Не возбуждать против Жуана дела,
Спеша уехать, показал, что сам
В случайной драке, будучи не старым,
Ответил на удар
Своим ударом.

Суд близился.
Ни при какой беде
Я прежде не участвовал в суде,
Хоть равнодушных и судил стихами,
Оспаривал трусливый тезис их:
Мол, не корите никогда других,
Да некоримы будете и сами.
Мне, осуждавшему ненарочито,
На этот раз
Милей была защита.

Должно быть, потому
В момент потребный,
Когда назначен был процесс судебный,
Определен и день, и время дня,
Когда об этом цех предупредили,
На цеховом собрание утвердили

Общественным защитником меня.
Все знали, что годами, а не днями
Мы были закадычными друзьями.

О, русские слова,
В них свет и тьма,
Их родила История сама,
Доверила с конями русским людям,
Чтобы во многих смыслах не блуждать:
Как, например, «судить» и «рассуждать»,
И «рассудить»...
Да мы все время судим!
Но слово «суд» при всяком разговоре
Уже томит предощущеньем горя.

Лишь только я ступил
В судейский зал,
Так силу слова этого познал.
Жуан сидел в особой загородке,
А около стояли с двух сторон
Два стража, представляющих закон,
Хоть вид его был виновато кроткий.
На перегляд, возникший между нами,
Глаза прикрыл он
И развел руками.

Он ждал кого-то.
Улыбнулся нервно,
Когда явилась Марфа Тимофевна.
— Жуан, родной мой! — и не без вины
К нему метнулась всей телесной мощью.
— Гражданка, не положено!
— Я — теща!
— Доставлен же на тещины блины. —

И Марфа Тимофеевна, не переча,
Перед законом
Опустила плечи.

Зал заполняли.
Глядя напряженно,
Переговаривались приглушенно,
Вздохали, как вздыхали бы кругом
Перед началом скорбной панихиды.
Возникло личико Аделаиды,
Ушко мелькнуло нежным крендельком,
Зато у той, что больше виновата,
Не приходите на суд
Хватило такта.

Судейский стол
Стоял на возвышеньи,
Подчеркивая как бы отрешенье
От суеты людского бытия.
К нему, своей обыденностью сходных,
Взошли два заседателя народных
И волевая женщина-судья,
В глазах которой и в суде не тухли
Живые огоньки
Домашней кухни.

Над судьями
В готическом разрезе
Голов превыше были спинки кресел,
Взлетавшие к Российскому гербу,
Наглядно утверждавшему серпасто,
Что именем страны и государства
Они вершат Жуанову судьбу.
Здесь вопреки пословице известной
Любого человека
Красит место.

При уточненьи имени Жуана
Раздался смех уже не в стиле жанра.
Хосе Мариа Кармен дель Дайман
Тенорио Франциско де Перейро
Де лос Кондатос Риос дель Виейро
Кастильо Гранде Педро дон Жуан.
Но зала смех
Мой друг, лишенный чванства,
Отнес на счет
Испанского дворянства.

С глазами,
Поумневшими в раздумье,
Стоял он в том же праздничном костюме,
Что и во время драки был на нем.
Вот странность, о которой я не ведал:
Суду и прочим он отвода не дал,
Но вздул ноздрю при имени моем.
Заминка от суда не ускользнула,
Она меня, признаться, резанула.

Почти спокойный,
Пока шел допрос,
Он отвечал, казалось бы, всерьез,
А выглядел насмешником бодливым.
Ответы для людей со стороны,
Наверно, были очень уж странны.
Когда спросили, был ли он судимым,
С иронией ответил остряка:
— Всю жизнь.
— А поточнее?
— Все века.

Мой подзащитный
Разрушал, как мог,
Защиту, заготовленную впрок.

Уже в тюрьме подученный законам,
Немалую сумятицу он внес
Загадочным ответом на вопрос:
— Вы признаете ли себя виновным? —
Кого бы не смутил его ответ:
— Виновным — да.
А виноватым нет!

Суд — не игра,
А все же, все же, все же
Пружины их невидимые схожи.
Хоть на суде поглубже скрыт азарт,
Зато в страстях не меньше интереса.
Почти весь ход судебного процесса
Напоминает чем-то драмтеатр,
Где впечатляет голой жизни фактор,
Где гениален
И бездарный автор.

Здесь каждую написанную роль
Диктует непридуманная боль,
Душою пережитая и плотью.
Вот показывает строгому суду,
Отяжелив Жуанову беду,
Все та же Худокормова Авдотья.
— А чем еще могли бы подтвердить,
Что он хотел
Гордеева убить?

— Как чем?! Да всем!.. —
Сомненья отметая,
Заговорила простота святая:
— Все помню. Я охолодела вся,
Когда кроввица потекла по рожам.
Я, говорит, стал тихим да хорошим,
А быть хорошим мне с тобой нельзя.

Нет, говорит, что будет,
Знать не знаю,
Прикокну и навеки закопаю.

Будь прокурор
Историк и психолог,
Он приподнял бы выше тайны полог.
В пример тому свидетельницу взять
С одним дефектиком правосознания.
Когда она давала показанья,
Ей виделся ее драчливый зять.
Так друг мой,
Представляемый двухлицым,
Как в сказке,
Становился Черным принцем.

У жизни есть два плана:
Есть первичный
И есть вторичный,
План метафоричный.
Для всех законны оба, но когда
Два этих плана где-то совпадают,
Второй, высокий, сразу отменяют,
Лишь первый остается для суда.
— Вы подтвердите? —
Прокурор — дотошно.
Жуан в ответ:
— Не помню, но возможно.

Жуана ранил
Раной ножевой
Вопрос об отношениях с женой.
И он представил, как жена и муж,
Все растоптав, с враждой и неприязнью

В суде друг друга обливают грязью
Из всех лоханей и всех грязных луж.
— Боюсь, что подменю с дурным азартом
Историю души
Случайным фактом.

Стол прокурора
Из дубовой плоти
От моего стола стоял напротив.
Тот прокурор, в суде не новичок,
Когда Жуан отвечал вот так,
Чуть оживлялся при его ответах
И на бумагах проставлял значок.
Те впечатленья чисто человечьи
Сказались после
В прокурорской речи.

В виду имея
Лишь реальный план,
Сказал он, как опасен хулиган,
Какое зло приносит честным людям,
А обществу и нравственный урон.
— История души?.. Нет, мы закон
Проклятым прошлым ослаблять не будем.
Нельзя же нам за каждую волну,
Как за морской прилив,
Винить луну!

Связав проступок
С донжуанским списком,
Назвал он ревность
Чувством подло-низким.
— А если бы за женщин в списке том,
Когда у тех пошли с другими встречи,
Наш подсудимый стал бы всех калечить
В своем негодовании святом? —

Мы даже вздрогнули,
Вопрос лукавый
Ошеломил картиною кровавой.

Мечтал я втайне,
Что Жуану с ходу
Своей защитой принесу свободу,
Но прокурор ослабил тезис мой,
Оставил только при надежде слабой
Переменить ему статью хотя бы
На сто десятую со ста восьмой.
Статьи, повышенные номиналом,
По кодексу
Нисходят к срокам малым.

Я начал:
— Уважаемые судьи,
За все, что вам скажу, не обессудьте,
В пристрастии моем не будет лжи.
Здесь в незавидной роли хулиганов
Правопреемник прежних донжуанов,
Но с новой биографией души.
Историю, когда она подвижна,
Судить не надо
Запоздало книжно.

Мы к новому
С поспешностью возможной
Всегда подоспеваем с меркой прошлой,
Когда у жизни меры новый спрос.
Так, как в семье:
Пока слезам уступим
Да милому сынку обновку купим,
Сынок, глядишь, обновку перерос.

Здесь можно все ж
Предвидеть вещи выброс,
Законы же не пишутся на вырост.

Был Дон-Жуан
В далекие года
Вполне достоин нашего суда,
Но не теперь, когда любовь и верность
Он оценил превыше многих благ.
Так что же вскинуло его кулак,
Неужто только ревность?
Нет, не ревность,
Не пьяный выпад,
Не слепая месть,
А подлостью поруганная честь!

О, наша честь!
Не в ссоре на пирушке
Погиб поэт, невольник чести, Пушкин,
Великий ум, отец большим умам,
Магической поэзии создатель,
Любви и красоты законодатель,
В грядущее путеводитель нам!
А Пушкин оценил пределом злого
Всего одно
Дантесовское слово!

Да, есть закон,
Но есть у миллионов
Авторитет неписаных законов,
Которые нас испокон пасут.
Приспело, чтобы с уголовным вместе
Существовал забытый кодекс чести,
Точней бы стал товарищеский суд.
— Дворянские замашечки!.. У нас-то?!
— А чем мы хуже всякого дворянства!

Хоть в чувствах
Люди разной глубины,
В делах любви и чести все равны,
К тому же, уважаемые судьи,
У Дон-Жуана большой повод был,
Чтобы явился гнев его и пыл,
По форме грубый,
Искренний по сути.
Его вину с оглядкой назад
Не ставьте в старый
Донжуанский ряд.

Блеснул я, как положено поэтам,
Таким психологическим курбетом:
— Мой подзащитный человек не злой,
Скажу вам более, такую личность
Страшит не наказание, а публичность,
Тюрьма — укрытье, лишь бы с глаз долой. —
Суд хмурился, но думал я, однако,
Что переплюнул
Самого Плевако.

Сел Дон-Жуан,
А не Вадим Гордеев,
Которому за все, что он содеял,
Ответчиком сидеть бы надо здесь.
В том факте, уважаемые судьи,
Что так жестоко их столкнулись судьбы,
Такая же закономерность есть,
Как в данном споре
Истинного с пошлым,
Как будущего
С незавидным прошлым.

Искал я
Аргументы веские:

— Его грехи для бога детские,
Ребяческие страсти не разврат...—
Связать я тщился порванные нити
В догадке той, что сам, как сочинитель,
В Жуановой судьбе был виноват.
Суды же в качестве авторитетов
До сей поры
Не признают поэтов.

Во время речи,
Мне казалось, веской,
Глядел я пристально на стол судейский,
Но обращал свой взгляд и на скамью,
Где Дон-Жуан, разьединенный с нами,
Сверкая потеплевшими глазами,
Чуть удивляясь, слушал речь мою.
Должно быть, прежде полагал он вчуже,
Что думал я о нем
Намного хуже.

Ему смягчал
Лица суровый очерк
Волос подросших темный козыречек,
Торчавший над его открытым лбом.
Он выглядел в каком-то свете новом,
Когда, после меня, с последним словом
Растерянный стоял перед судом.
— Что ж, отвечать готов и за прохвоста!
Я доверяю вам...—
Сказал он просто.

Мечтал я все-таки
И верил даже,
Что Дон-Жуан уйдет со мной без стражи,
Но мне звучат знакомые слова,
Ведущие к суровому пределу:

«Суд оглашает приговор по делу...»
А подоплека слов уже нова,
Особенно в результативной части,
Где под конец
Итожатся несчастья.

Нет строже фраз,
Прочитанных судьей,
Чем фраза «руководствуясь статьей»,
Что прозвучала, как «прощай свобода».
Так судьи, несмотря на пафос мой,
Статьи придерживаясь сто восьмой,
Жуана осудили на три года,
В колонию, туда,
Где быть бы живу,
Не строгого, а общего режима.

Жуан отвесил
Чуть ли не поклон.
Готовый к худшему, подумал он,
Что суд ему явил большую милость,
Меж тем раздался в тяжелой тишине
Вдох, резко резанувший сердце мне:
— Когда же в мире будет справедливость! —
То не сдержала горя и обиды
Влюбленная душа Аделаиды.

Когда-нибудь да будет,
Боль-то в том,
Что будет не при нас, уже потом,
Уже потом, потом, потом, когда
Корысти всякие в былое канут,
Когда своим сознанием люди станут
Все членами Верховного Суда.

Винovному, когда все это будет,
И полминуты лишней
Не присудят.

Все так и будет
По любви и страсти,
Но после нас, без нашего участия.
Как ни печально, мы признать должны
Всю диалектику всего суждения:
Законы достигают совершенства,
Когда они почти что не нужны.
И правосудье будет совершенней,
Когда уже не будет преступлений.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый стих.

М. Лермонтов

Как все же быстро люди, боль не теша,
В своих рядах заделывают бреши.
На всех постах —
Кто зав,
Кто зам,
Кто пред,
В достоинствах
Сомнительных и мнимых
Нет, говорят, людей незаменимых,
Зато и повторимых судеб нет.
Все судьбы человеческие тоже,
Как отпечатки пальцев, не похожи.

Вокруг лица,
Известного собою,
Случится ль что,
Все полнится молвою,
Дурной и доброй, но едва-едва
Успеет ставший притчей во языцех
С друзьями и постом своим проститься,
Как умолкает праздная молва.
Вот так и на заводе очень рано
Затмился образ моего Жуана.

Но до конца
Не рвутся связей нити,

Всегда найдется памяти хранитель,
Душа, а в ней заветный уголок,
Всегда найдется тот,
Кто слово скажет,
Кто бережно и вовремя завяжет
На роковом обрыве узелок.
И мой Жуан, прославленный всесветно,
Из памяти не мог уйти бесследно.

Но женщины
Иначе память полнят,
Они не головой, а плотью помнят.
Аделаида как бы самого
Жуана в своем сердце поместила,
Наташа между тем в себе носила
Уже затяжелевший плод его.
Большой Жуан помалкивал, усталый,
Все беспокойней
Становился малый.

Две женщины —
Два мира и два взгляда.
Куда же только не писала Ада,
Винясь в порыве горя и стыда.
Ходатайства ее теперь взлетали
Все выше по судебной вертикали,
До самого Верховного Суда,
Но все суды и в центре и на месте
Те письма оставляли
Без последствий.

Не так себя вела его жена,
Строптивая Наташа Кузьмина,
Хотя себя по-своему терзала.
Виновница Жуановой беды

С повинною не бегала в суды,
Просительные письма не писала,
А, муку молчаливую терпя,
Пыталась в страхе
Заглянуть в себя.

Она в себе,
Бунтующего рьяно,
Малюсенького видела Жуана
И думала, когда его родит,
То маленький, обиженный жестоко,
Глазами осуждения и упрека
Так сразу на нее и поглядит.
Тогда-то в голове ее соблазной
Стал оформляться
Замысел ужасный.

Она решила
С долей эгоизма
Спастись той мерою антитрагизма,
Когда развод с души снимает грех.
Живущим обок разводиться мука,
А вот при осуждении супруга
Закон уже не делает помех.
Но в этих планах Кузьминой Наташе
Пришлось столкнуться
С Кузьминою-старшей.

— Дите под сердцем
Что тебе — лягушка,
В бездожде заскочившая в кадушку,
Чтоб захотеть и выплеснуть ее?
Не-е-т! — Тимофевна злее упрекнула.—
Ты самого Жуана копытнула,
Так сбереги же хоть его дите!
Когда себя еще сильнее замутишь,

Как людям-то в глаза
Смотреть ты будешь?

— Но, мама!..
— Мама — уже двадцать зим!
— Да никакого выхода мне с ним!
— Не трожь!.. —
Тут мать заговорила, даже
Не замечая каламбурных нот:
— Нет выхода?.. Дите само найдет,
Да и тебе еще потом подскажет! —
Я думаю, не в радости был добыт
Вот этот мудрый
Материнский опыт.

Но опыт матерей
По многим точкам,
Как правило, не достается дочкам.
Любая мать в интимности своей
Должна хранить душевную опрятность,
Чтоб в сердце дочек
Сберегалась святость,
Земная неподсудность Матерей.
Зато границ не знающие речи
Не поучают дочек, а калечат.

Ах, если б все,
Что в жизни знала мать,
Да бестолковой дочке передать,
Ну, например, что той самой грозило
Не родиться с девичьим лицом,
Что мира не было с ее отцом,
Когда она в себе ее носила,
А родила, пренебрегая ссорой, —
То стала и заботой
И опорой.

В семейных ссорах
Женщин и мужчин
Не так уж много коренных причин
Сходиться вновь, переборов напасти.
Есть просто-напросто привычки власть,
Есть властно обжигающая страсть,
Да, но ребенок
Даже выше страсти.
Он был и остается посеяденно
Вершиной в треугольнике семейном.

Как истинная
Любящая мать,
Умела Тимофевна гнев сдержать
И перейти на тон спокойно-здравый.
Теперь она решила нежно гнуть,
Чтоб для семьи Наташиной вернуть
Порядок геометрии лукавой,
Когда семья во всех ее делах
Уверенно стоит
На трех углах.

Они сидели в горенке,
Как в детской,
Обставленной почти по-деревенски,
Да так и было по причине той,
Что тесаные, струганные ровно,
Сибирской кладки вековые бревна
Крестьянской отливали смуглотой.
Здесь было все не знавшими извода
Сработано для продолженья рода.

Жуан жену,
Как новизну из новин,
Сильней любил на фоне этих бревен,
Восторженный: «О, солнце ты мое!»

Теперь в ней —
Дочь ли, сын ли беззаботно
До красоты природно подноготной
Спешили распоясывать ее.
Наташа красивела. Мать недаром
Хотела внука в помощь этим чарам.

— Все поздно! —

Так, чеканя каждый слог,
Наташа начала свой монолог. —
Теперь со мной
Одно другого хлеще:
Как будто я уже дажно не я.
Зачем семья мне, если от меня
Куда-то убегают даже вещи.
Хожу, как в заколдованном кругу,
И не могу найти для взгляда точку.
Все вещи вижу только в одиночку,
А вместе их увидеть не могу.
Продрогшая, стою, как на ветру,
К себе самой уже теряя жалость.
Все, кажется, в сознании распалось,
Все дробно, ничего не соберу,
Все смутно, непонятно, високосно...
Зачем семья мне?
Поздно, мама, поздно!..

Дочернее, пронзительное слово
Для Марфы Тимофевны было ново,
Не глупой девочкой предстала дочь.
Мать по-житейски ей помочь хотела,
Послушала ее и оробела,
Не ведая, не зная, чем помочь,
Лишь прядки тронув жесткою рукою,
Всего-то и сказала:
— Бог с тобою!

Не знала мать,
Не слышала, что есть
У медиков в студенчестве болезнь,
Которая их запросто кокошит.
Научится иной почти все знать,
На части человека разбирать,
Собрать потом живым, увы, не может.
А из такого, милый мой читатель,
Как ни учи,
Не выйдет врачеватель.

Но все ж случилось,
Что не от бесед
Наташа Кузьмина ушла в декрет.
В том помогли не матери уроки
С ее чутьем роженицы-земли.
Нет, нет и нет!
Наташу подвели
Вошедшие в привычку монологи.
Произносила длинный монолог
И пропустила самый крайний срок.

Зато и оказалось,
Что вопрос-то,
Быть или не быть,
Решился очень просто.
И стал заметен поворот во всем:
В делах, в поступках,
В разговорных нотах,
В неведомых еще вчера заботах —
Пеленках, распашонках, том да сем,
Что даже не заметила в истоме,
Как очутилась в нем...
В родильном доме!

Мне нравится,
Что в доме том крылато
Зовется помещение палатой.
Палата — это, братцы, высота,
Палата — это, знаете, по-царски.
Должно быть, исторические краски
Замешаны в том слове неспроста.
Мне даже нравится, что та палата
За множеством рожениц тесновата.

На этот раз она была тесна.
Наташу положили у окна,
Где по стеклу — фазаны и грифоны,
И стебли трав, и белые цветы,
Над белыми цветами с высоты
Свисали феерические кроны...
Но дальше рассмотреть,
Где ствол,
Где ветка,
Мешала бесноватая соседка.

Не описать,
Какой она была,
Как беззастенчиво она кляла
И жизнь дурную, и злодея-мужа...
Нельзя мне с поэтических высот,
От только что описанных красот
Упасть и распластаться в мутной луже.
Не потому ли, что мужей здесь хаот,
Их в этот дом
Врачи не допускают?

Не описать,
Всего и не опишешь,
Чего-чего здесь только не услышишь.
Все начинают разно — по уму,

По воспитанью и образованью,
По возрасту,
По росту и страданью,
Но все приходят к воплю одному.
Все разные во всем, они в палате
Находят общий вечный знаменатель.

Представьте,
Выше всяческого срама
Была там образованная дама,
Как говорят, не из простой среды,
Переводившая в период некий
В какой-то заводской библиотеке
С английского научные труды.
Так вот она без нравственного риска
Ругала мужа
Только по-английски.

Когда же боль сильнее обожгла,
Она уже на русский перешла,
Но говорила длинно, между прочим,
Звала врача:
— Ах, как нехорошо,
Как тяжело-тяжко... —
Черствый врач не шел,
А фразы становились все короче.
И наконец воспитанная дама
Вдруг выгнулась и завопила:
— Ма-а-а-а-м-а!..

Что говорить, и мы бываем тоже
В своих скорбях на даму ту похожи.
Нам кажется, что наступило то,
То самое — о, и дышать-то нечем,
А сами говорим такие речи,
Что в нашу скорбь не верит нам никто.

В нас много многословья и рекламы,
Пока однажды
Не дойдем до «мамы».

Наташа б поднаслушалась, когда
Ее не наступила черед
Пройти рожениц огненное поле,
Но зубы стиснула, как удила,
И не заметила, что родила
Почти без громких слов,
Почти без боли,
Но, правда, породив буяна-сына,
Она весь день потом
Была бессильна.

Такой роженице,
Такой спартанке
Дивились и врачи и санитарки.
— Где совершенство тела, нам — покой,—
Заметил врач, держа ее в примере,—
А если бы рожать самой Венере,
Она б не знала боли никакой! —
Отнесся философски и к вопросу:
— По мрамору узнали?
— Нет-с, по торсу!

Дивясь Наташе,
Не считали дивным,
Что новорожденный был сам активным,
А между тем мальчишка был смышлен,
Мамаши помня план, имел свой опыт.
Должно, боясь, что передумать могут,
Явиться в жизнь поторопился он,
Родившись, не расплакался впустую,
А закричал,
Победу торжествуя!

То знак был,
Возглашенный не для стен:
«Вот я родился, ждите перемен!»
Да, если новой жизни единица
Приходит в мир, переборая тьму,
То в мире, в людях, вопреки всему,
Хоть что-то, но должно перемениться,
Иначе бы при постоянстве зла
Бессмысленной
Любая жизнь была.

Он в чем-то
Мать успел переменить.
Когда буяна принесли кормить,
Наташа как-то даже растерялась,
С опаскою взглянула на него
И, к счастью, не увидела того,
Чего еще недавно так боялась.
Теперь ему, кричавшему бунтарно,
Была уже за это благодарна.

Она ему,
Как делали кругом,
Грудным смочила губы молоком,
И он притихнул с первой теплой каплей,
Дорвался до груди и засопел,
Как будто этим выразить хотел:
Что мне до ваших
До семейных распрей!
Сознание обретенного единства
В ней пробудило
Чувство материнства.

Родив, она постигла наконец,
Что значит муж ей, а ему — отец,
Представший в этот миг

Виденьем грозным...

У всех цветы, а им в седой рассвет
Достался лишь таинственный букет,
Меж рамой нарисованный морозом.
Как стыдно в унизительной уловке
Всем говорить,
Что муж в командировке.

А Тимофевне,
Жившей в прежнем стиле,
И мысли в голову не приходили
Здоровье дочки поправлять цветком.
Поскольку на пайке теперь их двое,
Носила не цветы, а едовое,
Чтоб дочь не оскудела молоком.
Но все калории приносов этих
Та отдала бы
За живой букетик.

Ей вспомнилось
Жуана благородство
Еще в поре их первого знакомства.
Была зима, такой же был мороз,
Летел колючий снег, гонимый ветром,
Когда Жуан за много километров
Ей розу настоящую принес.
Сберег ее, за пазухою грея,
От самой городской оранжереи.

Ей вспомнилось...
А что же делать кроме
Здоровой женщине в родильном доме?
Лишь вспоминать!
Читатель мой, прости,
Вспоминанья — памяти разминка.
Вспоминанья — долгая пластинка,

Лишь стоит ту пластинку завести.
Однако не было серьезней повода
Для них, чем в день
Ее больничных проводов.

В заказанном такси
Погожим днем
Они домой поехали втроем,
Как и позднее будет неизменно:
Наташа, сын, не ведавший всего,
И золотая бабушка его,
Спасительница Марфа Тимофевна.
В новейшей роли
С нежностью в глазах
Она держала внука на руках.

У центра где-то,
Развернувшись хлестко,
Шофер застопорил на перекрестке.
Дорогу преградил солдатский строй
С каким-то новым, весело взлетающим,
Не пехотинским, а небесным маршем,
Рожденным под счастливою звездой.
Солдаты пели без трубы и альта,
Подогреваясь музыкой асфальта.

«Мы, как летчики, как летчики, крылаты,
Только не летаем в небесах,
Мы ракетчики, ракетчики-солдаты,
Мы стоим при небе на часах.

Тверже шаг!
Где там враг?
Страшись ответа грозного!
Нам по велению страны
Ключи от неба вручены,
Ключи от неба звездного.

Кружит, кружит наша милая планета
В голубом и розовом цвету.
Наши умные и меткие ракеты
Берегут земную красоту.

Тверже шаг!
Где там враг?
Страшись ответа грозного!
Нам по велению страны
Ключи от неба вручены,
Ключи от неба звездного!..»

Наташе после марша батальона
Представилась нестройная колонна,
Бредущая таежною грядой,
А в ней Жуан, исхлестанный ветвями,
С широкими и белыми бровями
И белою от снега бородой.
Хоть это даже романтично было,
Но все же у нее
Слезу прошибло.

Рождение ребенка —
Важный фактор,
Меняющий у женщины характер.
Заслышав голос своего птенца,
Мать вздрогнула, в лице переменялась,
Невнятный писк при этом умудрилась
Сравнить с напевным голосом отца,
Тем более в машине шум дорожный
Всем звукам создал
Как бы фон таежный.

Ах, дети, дети,
Где ваш глаз и слух,
Пока не клюнет жареный петух?

Наташе прежде было не до строя
Ни до солдатского, ни до иных...
При случае потом сравню я их,
Когда вернусь описывать героя,
Потом я разделю границей четкой
Чекан солдатский
С горестной походкой.

Насчет тайги,
Насчет пурги простудной
Наташе ошибиться было трудно,
Хотя фуфайка, теплые носки
Под сапоги, что Кузьмины прислали,
Жуана от простуд оберегали,
Но не от частых приступов тоски.
Еще ошибка: здесь не знали моды,
Все, как и в тюрьмах,
Были безбороды.

Любой отсидчик
Рвется из тюрьмы,
Уйти, как говорят, из-под «чалмы»,
В колонию, к природе, где в затишке
Свободнее житейский антураж.
Природа все смягчает, а пейзаж
Способен скрыть сторожевые вышки.
А кто того не видел и не нюхал,
Готов держаться
За тюремный угол.

В тюрьме после суда
С душой в кручине
Жуана оставляли даже в чине,
Ну, в роли вроде бы наставника,
Достоинно наводящего порядка,
А если попросту, то в роли дядьки

В особой камере молодняка.
Однако, не имея в том сноровки,
Он к собственной
Стремился перековке.

Решая так,
Мой грешный друг мечтал
Понасть на новый «Беломорканал»
С такою же великою отдачей,
С таким же осветительным огнем,
С такой же вековой нуждою в нем,
С такой же давне-дальнею задачей,
Когда в труде
Под взглядом всей страны
Добрели ее падшие сыны.

Нам и сегодня говорит немало
Моральный опыт «Беломорканала».
Преступники, не чуждые стыду,
С умом и сердцем,
Если глубже вникнем,
Тем взглядом освещенные великим,
Меняются у мира на виду.
А мы уже и позабыли вроде,
Что нужен им
И Николай Погодин.

Ко времени тому
В Жуана влез
К вопросам социальным интерес,
К законам жизни и началам истин.
Что, как да почему?
Он стал раним,
Он мучился, что отбывали с ним
Не слуги страсти, а рабы корысти.

Их было большинство, позорно павших,
Совсем по-разному,
Но что-то кравших.

Ах, деньги, деньги!
У коварных денег,
Как ни крути,
Почти что каждый пленник.
Не виноват ли рубль, смахнувший грязь,
Омытый, в Октябре переодетый,
Охотно ставший нашею монетой,
Однако с прошлым не порвавший связь?
Не сохраняет ли поныне оный
В себе самом
Старинные законы?

Хотя Жуан
В познаниях быстро рос,
Но не по силам поднимал вопрос,
Довольно острый и довольно спорный.
Тогда к услугам он имел, друзья,
Всего четыре месячных рубля,
Притом в ларьке по книжице заборной,
И то сказать, имел не постоянно,
А лишь потом
При выполнении плана.

Он в мастерской,
Посаженный за пресс,
Не тратясь на технический ликбез,
Своей работе научился скоро,
Как будто бы всю жизнь одно и знал,
Что из сухой пластмассы штамповал
Фигурный корпус электроприбора.
Так и глотал бы воздух он пахучий,

Когда б не подвернулся
Редкий случай.

Однажды начколонии, майор,
Вел с неким капитаном разговор
На тему, возникавшую не часто:
— Заказик тут на кресла есть один,
Нет, нет, не мягкие под дерматин,
А жесткие — для среднего начальства,
Но добрые, чтоб если сесть, так сесть.
Скажи, у нас
Краснодеревщик есть?

В колонии тогда,
Ему на жалость,
Краснодеревщика не оказалось.
— А кто же есть?
— Есть мастер-металлист,
Есть мебельщик, но по перепродаже,
Есть часовщик, есть плановик и даже
Конструктор есть и техник-протезист...
Начальник почесал затылок: — М-да,
Давай-ка мне
Конструктора сюда!..

Со впалыми щеками в сизом дыме,
С глазами, как у ворона, большими
Жуан перед начальником предстал.
— Вы самолетчик?
— Да.—
К пострижке сизой
Начальник взглядом потянулся снизу,
Как будто друг в то время выросал,
И начал странное для первой встречи:
— Я думаю,
Что кресло сделать легче.

— Не знаю.

— Все узнаете сейчас... —

Начальник начал излагать заказ.
Почти с волнением, в мыслях озорую
И временем не тратясь на огляд,
Жуан охотно взялся за подряд,
Как говорят, пошел напропалую,
Неосмотрительно беря в совет
Пословицу:
Семь бед — один ответ.

Казалось,
Что всю жизнь его звала
Так весело звеневшая пила,
Раскраивая ножки табуреток.
Прожилки, обнаженные пилой,
Запахли ароматною смолой,
Как пахнут по весне
Лишь лапы веток.
Под звон пилы таежный дух кедровый
Ему благовещал о жизни новой.

Но все ж
Была задача не по нем.
Летели ночь за ночью, день за днем,
А мозг его и замысла не зачал.
Он памятью летел во все концы,
Припоминал музеи и дворцы,
Где прежде насмотрелся всяких всячин,
Но вся Европа старая, хоть тресни,
Не подсказала
Ничего о кресле.

Но в творчестве
Частенько неудачи
Бывают от завышенной задачи.

Не заносись, мой друг, умерь полет,
А то и возвратись к земной отметке,
Шагни опять от старой табуретки,
Фантазия вновь силу обретет,
А уж потом-то будет не до смеха
Всем столярам
И мебельщикам века.

Почти на грани
Краха и паденья
Жуана охватило озаренье.
Ему сначала у себя в углу
Представить спинку кресла выпал жребий,
Похожую на модный дамский гребень,
Замеченный в Мадриде на балу.
На чертеже, уменьшенное вдвое,
Предстало вскоре кресло,
Как живое.

Начальник сразу
Поднял друга шансы:
— Красивое, хоть пригласай на танцы!
Да только где найдем материал?
Конечно, кедр сойдет, он точно розов,
Но спинка!.. Под карельскую березу!..
Чудесно, да, но кто ее нам дал? —
Тут распиловщик подал голос слабый:
— А не сойдут березовые капы?

Так называют
В черноте берёст
Бог весть с чего явившийся нарост,
Килою именуемый по-сельски.
Он весь в извилах, а извивы те
Почти не уступают красоте
Своей прославленной сестры карельской.

На третий день Жуан скользил по скатам
На поиск их
С охотником-бурятом.

Охотник из поселка
С давних дней
Здесь промыслял куниц и соболей,
Не раз встречался с мишкой-воеводой,
Знал от дерев-гигантов до куста,
Глухие украшавшие места,
С их неживою и живой природой,
Где, промысляя, знатный Цыденжап
Частенько видел
Этот самый кап.

В одной низинке,
Вспугнутые лайкой,
Взлетели куропатки белой стайкой,
Охотник вскинул верное ружье...
По выстрелу в урочище таежном
Краснодеревщик наш
Вполне надежным
Увидел охранение свое,
Особенно потом, когда под елью
Они лапшу с курятиною ели.

То был привал!
А до того привала
Прошли две впадины, два перевала,
Поднявшись, задержались на одном.
Заснеженная даль чуть-чуть дымилась,
И все, что взору с высоты явилось,
Казалось не реальностью, а сном.
Восторженный Жуан с горящим взором
Хотел излиться
Нежным разговором.

Но с Цыденжапом,
Как и до сих пор,
Напрасно затевал он разговор,
Напрасно до поры искал в нем друга.

— А где Байкал?

— Э, там...

— Иркутск?

— Э, там...

Охотник все показывал, а сам
Размахивал рукою на полкруга.
Ах, если бы не эта осторожность,
Не вспомнил бы Жуан
Свою осторожность.

Они огонь приятельства зажгли
Не раньше, чем в распадине нашли
Четыре капа годных к пилораме,
Как я уже писал и вновь пишу,
Заправили домашнюю лапшу
Двумя оципанными петушками.
А у Жуана, только бы кормежка,
Была всегда за голенищем ложка.

Теперь ему, поевшему отменно,
Пришла на память Марфа Тимофевна,
Ее стряпня, заботливость ее,
Столь зримая над скатертью из снега.
И не случайно.
Есть у человека
На близкие события чутье,
В котором может быть уловка даже:
Вдруг вспомнить тещу
С думой о Наташе.

В обратный путь
Уже на склоне дня

Их повела готовая лыжня,
Блестевшая в лучах незаметной.
Мой друг летел пернатою стрелой,
Как будто бы спешил к себе домой,
К жене и теще, а не в дом казенный.
Там вечером, когда уже смеркалось,
Предчувствие Жуана оправдалось.

На тумбочке в углу,
Где спал сосед,
Еще с обеда ждал его конверт,
По службе вскрытый некими руками,
А в нем листок, а посреди листка
Зелененькие контуры цветка
С пятью наивнейшими лепестками.
Подумал: «Шуточки Аделаиды!» —
И скомкал,
Чертыхаясь от обиды.

Зачем бы это ей,
Не мог понять,
Листок разгладив, поглядел опять.
Таких цветов не видел он в природе.
Задумался:
«Цветок!.. Зачем цветок?..»
И вдруг его потряс догадки ток:
«Да это ж детская рука в обводе,
Да это ж сына моего рука,
Протянутая мне издалека!»

Да как он сразу
Буквиц не заметил,
Написанных по краешку:
«От Феди».
Глаза его зажглись: казалось, пар
Выбрасывал он вздутыми ноздрями,

Как свежими горячими углями
Не в меру перегретый самовар.
Так неменяемый
Впадает в радость,
А неменяемость в любви — как святость.

Пошла,
Пошла,
Пошла куда-то вкось
Ума и сердца золотая ось.
— Т-сс, он свихнулся! —
Фразы повторенье
Лишь вызывало подозренье к ней:
— Да это же рука любви моей,
Рука моей любви и примиренья!
Да это же рука, что, в мир явясь,
С обеих наших душ
Смахнула грязь!..

Друг оказался на свою беду
В то время у начальства на виду.
Меж тем сенсационное известье
И звание высокое «отец»
Его, такого пылкого, вконец
Душевного лишили равновесья.
А от начальства,
Чтоб избежать фальши,
В такое время надо быть подальше.

А тут еще ему,
Сама страстна,
Своих страстей добавила весна,
Тайгою закачалась подхмелевшей,
Рекою расковалась, сбросив плен,
И новым руслом — руслом перемен
Направила конфликт, давно назревший.

Но срыву не найти бы оправданий,
Когда б не эти
Комнаты свиданий!

Встречали в них
Мужей отгороженных
Весною понаехавшие жены
Из дальних городов и деревень.
Огнем любви и нежности сгорая,
Счастливицы уходили в двери рая
И возвращались лишь на пятый день.
Смотреть на них,
Блаженных от избытка,
Ревнивому Жуану стало пыткой.

В столярной,
Проходя свои этапы,
Пилились, гнулись и сушились капы
С далекой Цыденжаповой версты.
Жуан в горячке стал довольно часто
Оспаривать вмешательство начальства:
— Не вы, а я конструктор красоты! —
Жуан-отец, тоскуя о свободе,
Совсем забыл,
Что не на том заводе.

Уже на завтра,
Став на путь регресса,
Мой друг шагал на раскорчевку леса,
На заготовку смолянистых дров,
На просветленья просек долговерстных,
И вскоре душу просветлил он в соснах,
Так воздух был покоен и здоров.
Не странно ли,
Что, к лесу непривычный,

Он даже мыслить
Стал философичней.

На раскорчевке,
Размышляя днями
Над с кем-то,
С чем-то схожими корнями,
Зверьем и человеком в том числе,
«Природа, — думал он, —
Весь срок безмерный
В своей лаборатории подземной
Искала формы жизни на земле.
Еще не все взошло.
Нам и не снится,
Какая красота в корнях таится!

Взойти всему
Мешал огонь и бури,
Что не взошло,
Рождается в скульптуре,
В изваянных пеньках, корнях, сучках,
В причудливых извилах их и складках,
Как у Коненкова в его догадках,
В его лесовичках-полевичках.
Нас лишь искусство в некоем наважденье
Ведет к истокам
Нашего рожденья».

Примерно так
О чудесах корней
Он разговаривал со мной поздней,
Что позабавило меня, но вскоре
Печальным красноречием своим
Друг заразил меня любовью к ним,
Внушил смотреть, как говорится, в корень,
Но в корневищах,

В их узлах и плетях
Встречались больше
Змеи мне да черти.

Куда спешу?
Жуан еще корчует,
На верхней полке в камере ночует,
Тоскует, любит, суткам счет ведет,
Еще не зная, что в тасжной хмари
Он отличится на лесном пожаре
И сократит свой срок на целый год.
Есть у любви особенное свойство,
Людей толкающее
На геройство.

Во знойный день
Был воздух весь пропитан
Парами леса, как парами спирта,
Хоть солнце, занимавшее зенит,
Едва светило в ореоле ложном,
И потому все ждали нетревожно,
Что их всего лишь тучка осенит
И покропит дождем, но осенила
Огня и дыма
Дьявольская сила.

Сначала,
Не сливаясь с хвойным фоном,
Огонь запрыгал по высоким кронам,
Куда-то пряча за собой следы.
Все подивились этакой безделке,
Поскольку прыгали всего лишь белки,
Как первые предвестницы беды.
Жуан подумал:

Может, средь проделок
Игра такая есть
У рыжих белок!

Потом на просеке
С рогами врозь,
Дыша ноздрями, появился лось,
Он к небу вскинулся, где солнце меркло,
С глазами, уже полными огня,
Как будто вспомнил: где моя семья? —
И возвратился в огненное пекло.
Жуан подумал:
Может, зверь бедовый
Всего дивил
Губой своей пудовой!

Но вот,
Глухой озвучивая лес,
Стал нарастать и хруст, и резкий треск,
И гул, и дикий крик понавших в нети,
Как будто споенные сатаной,
Ломая все, ватагою хмельной
Бежали красно-бурые медведи.
Над просекой, чтоб взять ее нахрапом,
Уже и счета не было их лапам.

— Пожар!
— Пожар!
— Пожар! —
Ужасен в зной
Всепожирающий пожар лесной
С его огнем и нестерпимым жаром.
Как он изменчив, если поглядеть:
То бурым дымом пляшет, как медведь,
То огненным взлетает птерозавром,
То медлит,

То спешит в багряной злобе,
Чтоб воплотиться
В памятники скорби.

— Пожар!
— Пожар!
— Пожар! —

Уж не одну
Обуглил он за просекой сосну,
Как спичку, не одну спалил он елку,
Теперь же продирался сквозь кусты
По краю — к перемычке в треть версты,
Ведущей через просеку к поселку.
Жуан не оробел:
— Ва-а-лите лес!.. —
И бросился огню наперерез.

С большим огнем,
Нагрывшим на хвою,
Бороться трудно,
Как с большой водою.
Он понизу и поверху течет,
С ним в поджигателях любая палка.
Такая началась лесоповалка,
Что был часам потерян всякий счет.
Считали только у огня и ветра
В горячке отвоеванные метры.

Для многих —
Чем опаснее работа,
Тем выше мера нравственного взлета.
Жуан усталый, прислонясь к сосне,
Глядел на суету почти бесстрастно,
Лишь чувствовал и думал:
«Как прекрасно —
Стоять вот так, со всеми наравне!»

Сам Цыденжап, презренье поборовши,
Тряс за руку:
— Однако, ты хороший!..

Но строг закон.
Тушителей он истых
Вновь разделил на чистых и не чистых,
Одни — домой, другие в жалкий строй
С его в рядах дистанцией короткой,
С его особой жалостной походкой,
Которую обрел и мой герой.
Как обещал в начале сей тетради,
Сказать о ней
Теперь мне будет кстати.

Солдат на марше,
Говоря без лести,
Несет себя, как единицу чести,
А колонист, не зная что нести,
С руками позади,
С душой в полоне,
С плечами неподвижными в наклоне
Ногами приучается грести.
Хотя и оживило строй отчасти
В тот вечер
Чувство доброе в начальстве.

Начальство было радо,
Что в угаре
Никто не скрылся при лесном пожаре,
А каждый пятый бился, как орел,
Хотя для всех была опасность явной.
Особенно геройствовал чернявый,
Тот, с гонором, что кресло изобрел.
За что майор,
Прибывший к чернолесью,

Команду подал:
— Разрешаю песню!

Легко сказать!
У песен вольный мир.
Попробовали — вышло тыр да пыр,
Не стройно получилось и не стойко.
В том и загадка, что мотив простой
Заставил непривычный к песне строй
Заняться в ритме самоперестройкой.
Особенно когда Жуан бывалый
И в песне оказался запевалой.

«Гей-гей, шевелите ногами,
Шагайте вперед веселей.
Судьба посмеялась над нами,
А мы посмеемся над ней.

Гей-гей,
Шагайте вперед веселей!

Гей-гей, мы слетели с орбиты,
С наземного сбились пути.
Сегодня за мятых да битых
Небитых дают по пяти.

Гей-гей,
Шагайте вперед веселей!

Гей-гей, разочтемся в утрагах,
В душевных печалях своих.
Не будем искать виноватых
И сваливать все на других.

Гей-гей,
Шагайте вперед веселей!

Гей-гей, в нашей горестной драме
Погибнет и зло и злодей.
Судьба посмеялась над нами,
А мы посмеемся над ней.

Гей-гей,
Шагайте вперед веселей!»

Душа иная,
Пока песню пела,
Пересмотрела собственное дело.
Мне дороги душевные суды,
Умеющие видеть, что подсудно.
В наш трудный век
Попасть в беду не трудно,
Труднее с честью выйти из беды.
Вот почему для самооправданья
Душе необходимы испытанья.

В судьбе героя нашего возник
Особенный, послепожарный сдвиг.
Неслыханно,
Негаданно,
Нежданно
Она взлетела сразу, как в броске,
Когда на отличительной доске
Вдруг появилось имя Дон-Жуана.
Все поняли, что значил этот знак:
Прыжок к свободе,
А не просто шаг.

Еще через неделю
При обходе
Врач подкрепил надежду о свободе:
Не из какой-то личной доброты,
Не из того, что слышал понаслышке,

Освободил его совсем от стрижки,
Бритья усов и даже бороды,
А по закону — это подтвержденье,
Что где-то близок
День освобожденья.

Не раз он укрощал
Порыв гордыни,
С надеждой встречи думая о сыне,
Не раз в нем горько плакался отец,
Не раз ночами, занятыми бдением,
Сменялись ожидания сомненьем,
Сомнения надеждой. Наконец
Неспешная старушка Справедливость
Дала свободу
И сняла судимость.

Побритый,
При усах,
Почти чубатый,
С двухлетней половинною зарплатой
Он наконец-то вышел на простор,
Простившись без особого печальства
С друзьями-столярами и начальством,
Взгрустнув над креслом...
Кстати, до сих пор
В Иркутске, Красноярске повсеместно
Еще стоят жуановские кресла.

Таланты против прочих
В том колоссы,
Что чаще задают себе вопросы.
Когда иной живет навеселе,
Талант, идя к ответу, тратит годы.
Чем оправдать перед лицом природы
Свое существованье на земле?

Вот коренной из коренных вопросов! —
Сказал бы на сей счет
Любой философ.

Пока мой друг
Под музыку колес
Везет в себе мучительный вопрос,
Что породил талант, дотоль незнамый,
Давайте мы его опередим,
На крыльях легкой мысли полетим
За посланной Жуаном телеграммой
В ту пятистенку с Кузьминою-старшей,
С Наташею и бунтарем Федяшей.

В ту пору
У Федяши, у Голубы
Уже всю прорезывались зубы,
Уже улыбка на лице цвела,
Уже и по часам, а не по числам
Росли в его глазах оттенки смысла,
Слеза и то осмысленней текла.
Теперь Наташа даже замечала
Свое в нем
И Жуаново начала.

Он в их началах,
Вроде баш на баш,
Забавный представлял фотомонтаж
С чертами в состоянии раздора,
Но у природы много доброты,
Она, чтоб примирить его черты,
На то имела чудо-регушера,
И Федя из презренья к разнобою,
Казалось, становился
Сам собою.

И мать,
А чаще бабушка сам-друг
Тетешкали его в две пары рук,
Капризы, взгляды брали на замету,
В науках воспитанья так росли,
Что малыша знакомить поднесли
К настенному отцовскому портрету,
— Вот папа твой! —
Ему сказала мама,
А тут и подоспела телеграмма.

Жена Жуана, напрягая лоб,
Перетрясала скромный гардероб,
Наряды, позабытые доселе,
Подолгу примеряла на себе,
Но, к ужасу, на ней, на худобе,
Все платья, как на вешалке, висели.
Мать, видя в ней утраченный объем,
Не стала охать.

Ничего!.. Ушьем!..

Ушитая со стороны обратной,
Наташа стала даже элегантною,
О чем и не дозналась.
Знать бы ей,
Что муж ее, а он не похвалялся,
Вот за такими только и гонялся,
Особенно в Испании своей.
Скажу вам,
Стройность он любил в девчатах,
Высоких, по-цыгански плещеватых.

А утром на трамвае продувном
В коляске,
В охранении двойном
Федяша, любопытствуя не в меру,

К вокзалу повторив маршрут отца,
Доехал до трамвайного кольца
И покатил по роковому скверу,
Перечеркнул коляскою своею
То место боя,
Что прошло под нею...

Тем временем
На ближнем перегоне
В зашарпанном, расштанном вагоне
Стоял Жуан в проходе у окна.
Мелькали потемневшие копейки,
Загончики неубранной картошки
С пожухлою ботвой у полотна,
Топорщился в следах колесных стежек
Подрезанной пшеницы
Рыжий ежик.

И мил был мир
В его земных трудах
С гирляндами стрижей на проводах,
С лошадкою и шустрым самосвалом,
С комбайном на дороге грунтовой,
С высоким небом,
С тучкой дождевой,
С великою загадкой даже в малом,
С последнею любовью, пьяной в дым,
Зато уж трезво
Выстраданной им.

Еще он пребывал
В мечтах немелких,
Состав уже пощелкивал на стрелках
И выгибался, сжатый с двух сторон
Вагонами и службами вокзала.
А встретит ли?

Вот что его терзало,
Пока цветами не зацвел перрон,
Пока не заметил орлим оком
Свою жену, стоявшую с ребенком.

А та страшилась
Даже и глядеть,
Как из вагона этакий медведь
Устало выйдет, хмурый и косматый.
Жуан же, возвращаясь к миру благ,
Уже успел зайти в универмаг
И обернуться снова франтоватым.
— Смотри! —
И Тимофевны локоток
Тихонько подтолкнул
Наташу в бок.

Пока,
Огнем и ветром обожженный,
Супруг к ней шел
С улыбкой напряженной,
Она, самосудимая стыдом,
Она, самоказнимая, навстречу
Федяшу выше приподняв к оплечью,
Себя полуприкрыла, как щитом.
— Вот папа твой! —
Шепнула по наказу
Уже знакомую Федяше фразу.

Глазами любопытства
До испуга
Отец и сын смотрели друг на друга.
Родные дважды — кровью и судьбой,
Товарищи по временам опальным,

Как в четком отражении зеркальном,
Увидели себя перед собой.
Вносили некий элемент химеры
Лишь разные
Зеркальные размеры.

Глаза Федяши
В блеске интереса,
Как у отца, широкого разреза,
Глядели то смешливо, то всерьез,
А губы жили в перемене зыбкой
На тонкой грани плача и улыбки,
В соседстве близком торжества и слез,
При этом вопрошавшими глазами
Он то и дело
Обращался к маме.

Душа отца,
Воскресшая в пустыне,
Переживала все, что было в сыне:
Такой же интерес, восторг и страх,
Надежды и сомнения — казалось,
Что каждое движенье повторялось,
Явленное на Фединых губах.
— Иди ко мне, иди! — снижая звуки,
Он протянул
Натруженные руки.

Нет, как бы мамы сладко ни кормили,
Душа ребенка тяготеет к силе,
Сказать точнее —
К сильной доброте.
На зов отца Федяша отозвался
И сразу же, к восторгу, оказался
Что ни на есть на самой высоте,
У новой жизни на вершине самой,

Над папою,
Над бабушкой,
Над мамой.

Когда Жуан,
Герой заглавный наш,
Шагал с Федяшей, лучшим из Федяш,
Дотоль не видевшим отцовской ласки,
С женой и тещею, известной нам
По доброте и рыбным пирогам,
С коляскою, с котомкою в коляске,
Все думали:
«Счастливая семья!»
Не ведая того, что ведал я...

Спел песню я,
А если песнь поют,
Не голосом, душою устают.
Высоким не прикинусь перед вами,
Походкою не стану удивлять.
На цыпочках всю жизнь не простоять,
Большими долго не пройти шагами.
Шесть песен спел я про любовь земную,
О Муза-сваха,
Дай мне спеть седьмую!

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

«О, донна Анна!»
А. Пушкин. «Каменный гость»

Мой друг Жуан,
Мытарствуй не мытарствуй,
Семья как государство в государстве,
По-своему живущее века,
Изменчивое строим и размером,
В котором будешь если не премьером,
То уж министром-то наверняка,
С особым правом робкого совета
При выкройке домашнего бюджета.

Учи, Жуан,
В Сибири для устоя
Семья почти не знала домостроя.
Жену любили, если горяча
Была не столько в кухне и ночевке,
Сколь равная на той же раскорчевке,
Умевшая, как муж, рубить сплеча,
Да чтобы ухитрялась, как ни трудно,
И матерью хорошей быть попутно.

На этой фразе я услышал вздох.
В ней усмотрев, должно быть, мой подвох,
Насмешливый Жуан почти бедово
Скопился глазом темным, как прострел,
И долго-долго на меня смотрел
С печальной высоты пережитого,
— Ну-ну, — сказал, — благодарю, учитель, —
И засмеялся, —
Бедный сочинитель!

Сидели мы,
Приняв лишь по единой,
У тещи возле дома под рябиной,
Плодоносившей только первый год.
Жуан поднялся, с ней тягаясь в росте,
Три ягодки сорвал от спелой грозди,
Испробовал и покривил свой рот,
Да и позднее при тираде длинной
Так и остался с этой горькой миной.

— Мой друг поэт,
Ты думаешь, что я,
Я, Дон-Жуан, лишь выдумка твоя,
Лишь тени тень, живущая фиктивно?
Не льсти себе, хоть и приятна лесть,
Не ошибись, пойми — я был, я есть
Вполне осознанно и объективно,
Иначе бы любые испытанья
Не принесли такого мне страданья.

Мой друг поэт,
Не тщишь из доброты
Воображать, что по несчастью ты
Влюбил меня, женил, толкнул к разбою.
Нет, милый, нет, сквозь радость и беду
Не ты меня, а я тебя веду,
Ташу тебя три года за собою.
Так в нашей дружбе, бывшей между нами,
Мы поменялись главными ролями.

Мой друг поэт,
Тебя в твоём стыде
Увидел я, ты помнишь, на суде,
Готового тогда к моей защите,
Да, да, хотел тебя я отвести,
От самобичевания спасти,

Себя же от тебя освободить и...
Ну, словом, подчеркнуть
Тем жестом странным,
Что чувствую себя
С тобою равным.

Когда Жуан за все мне отпелял
И, строгий, под рябиною стоял,
Решалась наша дружба: либо — либо?
Возвышенная в святости живой,
Рябиновая гроздь над головой
Горела и светилась вроде нимба.
Смущенный, встав,
Сказал я без лукавства:
— Дай руку, друг,
На равенство и братство!

Чем вызван в друге
Этот новый крен,
Какие же причины перемен?
То кресло ли его, лесной пожар ли,
Любовь ли, сын ли — жизни высший дар?
Жизнь, дорогие, интересный жанр,
Люблю работать в этом древнем жанре.
Но если быть в нем голым реалистом,
То будешь не поэтом,
А статистом.

В грядущее
Нужна вся наша сила,
Все, что до нас,
Что в нас,
Что с нами было.
В Жуане, если без обиняков,
Все впечатленья жизни стали купней.
Ему его грядущее доступней,

Как выходцу из прожитых веков.
А человек, по замечанью тещи,
Чем умственней,
Чем опытней,
Тем проще.

У тещи
В одеянье кружевном
Красивый был ее старинный дом.
Весь с топора и лобзика всего-то,
Смотрелся он на самый строгий взгляд.
Жуан сострил:
— Напрасно говорят,
Когда хулят, — топорная работа!
Так смотрится, уже не бога ради,
Икона древняя в резном окладе.

Жуан шутил-шутил
Да как пальнет:
— Вся эта улица на слом пойдет,
Участок стал для города потребным,
А тещин домик с канителью всей
Есть предложенье вывезти в музей,
Открытый где-то под открытым небом.
— Эге, Жуан, не будешь ротозеем,
Глядь, домик станет и твоим музеем.

Со мной не то,
В строительной программе
С моими, брат, не цацкались домами.
Хотел бы хоть в один вернуться, но
Мне всюду с ними просто наважденье.
Домов, где жил я, с моего рожденья
За ветхостью с десяток снесено.

Не будет места в той эпохе дальней,
О, друг мой,
Для доски мемориальной!

Так мы шутили,
Подобрев к домам,
С придумкою и правдой пополам
Припоминали прошлые проказы,
За словом не ходили далеко,
И было нам так вольно и легко,
Как будто и не ссорились ни разу,
Пока не стало видно из-под грозди,
Как в уникальный дом
Толкнулись гости.

В гостях сидел
С большим сознанием прав
Почти что прежний свадебный состав,
Как вроде бы игралась на усадьбе
Не по годам отсчитанная в срок,
А по страданиям, что выдал рок,
Досрочная серебряная свадьба,
Но не кричали «горько» шумовато,
Поскольку вьяве
Было горьковато.

Была на теще гения печать.
Достало б ей гостей поугощать
И тем же салом, тою же ветчинкой,
Картошкой, студнем из телячьих ног...
Так нет же, а сварганила пирог
С той самой рыбно-луковой начинкой
И «дурочку», прикрытую со сметкой
Под честною
Фабричной этикеткой.

Добро и зло —
Две стороны медали.
Вот выпили и с добротой стали,
Сердца открыли, сжатые в тиски.
Ну, что такое зелье?
Так — водица!
Но как свежо зарозовели лица,
Тугие развязались языки.
У бывшей в напряжении Наташи
Опали плечи
В памятном вальяже.

Какой-то дед спросил, беря пирог:
— Преуважаемый, а как острог? —
Старик был стар, но в памяти и силе,
Пожалуй, посильней внучат иных.
То был заглавный корень Кузьминых,
Отец отца Наташи — дед Василий.
— Острогов нынче нет! —
Мой тезка — в колкость:
— А если нет острогов,
Где же строгость?..

Что мой Жуан
Был встречен как герой,
Меня и то коробило порой,
Как будто он не лес пилил на трассе,
Не пни в глуши таежной корчевал,
А с некою задачей побывал
В почетной экспедиции на Марсе.
Наверно, проявлялся в тот момент
Судьбы сибирской
Некий рудимент.

Сибирь, мой край,
Затмивший все края,

О, золотая каторга моя,
Приют суровый праотцев неправных,
Где барско-царских не было плетей,
Но лыко нам неведомых лаптей
С железом кандалов прошло на равных.
Народом ничего не позабыто,
Что в жизни поколений
Было бытом.

Сибиряку сама живая давность
Внушала и суровость и гуманность.
Почти в любой семье сибиряка
Для беглецов считалось делом чести
На самом видном и доступном месте
Поставить на ночь кринку молока.
И, тронутую грешными устами,
Крестили заскорузлыми перстами.

Сибирь моя,
В просторах безграничных,
Ты принимала всех иноязычных.
У всех поныне свой особый лик,
Но все сильнее вечное стремленье,
Чтоб после вавилонского дробленья
Здесь снова обрести один язык.
Твои небостремительные башни
Уже давно затмили
День вчерашний.

Сибирь моя,
Ты вся в кипучей стройке,
Вся в переделке, вся ты в перекройке,
Любовь моя, ты вся из новостей,
А если вместе с «дурочкой» угарной
Был заведен мотив рудиментарный,
За то не будем осуждать гостей.
Таков порядок:

После крепкой влаги
Запеть надрывно
Песню о бродяге.

Не пела лишь Наташа,
С видом чинным
Неугомонным занимаясь сыном.
А Федя деловито, без конца,
Переходил, как ангел примирений,
С ее колен на теплоту коленей
Легонько подпевавшего отца,
Как будто этой хитростью наивной
Хотел связать развяз
Любви взаимной.

Жена сидела
Рядышком с Жуаном,
Дразня супруга профилем чеканным,
Девически смягчившимся в былом,
Коса все с тем же золотым избытком
Ее венчала свитком, словно слитком,
Красиво свитым греческим узлом.
Отбившиеся локоны горели,
Как лепестки цветка
На длинном стебле.

По части стебельков
И прочих трав
Мой друг при опыте был не лукав,
А искренне смотрел на все, и даже
Все старшее в природе почитал,
Поэтому не о душе мечтал,
Мечтал о теле — тело было старше.
Меж тем бродяга песенный помалу
Лишь подошел
К священному Байкалу.

Есть в русской песне
Высшая отрада,
Дойдет до песни, ничего не надо,
Лишь песню дай — поющие не пьют.
И сам влюбленный в песенное диво,
Жуан впервые думал неучтиво:
«Черт побери, они еще поют!»
Тут вроде бы из-за Федяши в певни
Пришлось вмешаться
Марфе Тимофевне.

Так Федя
И на этот раз помог
Переступить той горенки порог,
Где бревна неприступные в оплоте
До сей поры его дивили той
Старинной первозданной простотой
И чистотой своей открытой плоти.
Они в линейно ровных строчках пакли
Еще, казалось,
Древним лесом пахли:

Подумал:
«Красоте не нужен лак».
Послушал: «Что ж Наташа медлит так?»
А как ей было, мучаясь расплатой
И продолжая в робости любить,
К нему через порог переступить
Бабенкою паскудно виноватой?
На шорох оглянулся по тревоге —
Жена уже стояла на пороге.

К застывшей у проема
Скорбным знаком
Жуан шагнул отяжелевшим шагом,
Да так, что пола заскрипел настил.

Наташа своей грешно-золотою
На грудь ему упала головою.
— Жуан, прости!..
— Мой сын тебя простил.
— А ты, Жуан? — заговорила снова.
— Молчи!.. Ни слова!..
Никогда ни слова!..

Не он ли
При долине перед взгорьем
Два года возносил себя над горем?
Не он ли у обрыва на краю,
Облаянный сторожевыми псами,
Мужскими, небегучими слезами
Два года отмывал любовь свою?
Превозмогая горести и боли,
Поднялся над самим собой
Не он ли?

Для страстного
Любовь — душевный оттиск,
А вместе с тем и смысла трудный поиск.
Но истина давалась нелегко,
Внушалась болью, вставшей над интригой.
Перед любовью вечной и великой
Все злое, однодневное — мелко.
Для страстного не может быть иначе, —
Против однажды,
Страстный любит жарче.

Не помирила теплая постель —
Супругов не помирят колыбель
И не сведут любые комитеты,
И кто бы ни просил и ни грозил...
— Жуан, сначала свет бы погасил!..
— Пусть, пусть горит до самого рассвета!..—

Хотя любовь при свете лучше зрима,
Она стихами неизобразима.

— Молчи, молчи,
Не приступы стыда,
Придумали одежду холода...—
Жуан болтал с шутливостью игривой,—
Ты косы расплети по всей длине,
Люблю тебя на золотой волне
Лицом ко мне с улыбкою счастливой!..
Молчи, молчи!.. —
Теперь сказать не к ночи,
Заговорил он тише и короче.

Но в жарком буйстве
Расплетенных кос,
В глазах жены был некий парадокс,
Который женщину в любви прекраснит,
О некоей загадке говорит:
При жажде счастья взгляд ее горит,
При полном счастье почему-то гаснет.
А разве бы все это, небезгрешный,
Жуан заметил
В темноте крошечной?

Так в горенке
С любовью, страстно спетой,
Метался свет до сутеми рассветной.
Себя не ставя во главу угла,
Жуан при полном торжестве задора
Не вел себя нахально, как обжора:
Поел — и отвалился от стола,—
А как бы говорил хозяйке Нате:
Нет, нет, вы этот стол не прибирайте!

А утром,
Давшим счет хорошим дням,
Он обновленным встал по всем статьям,
По-новому решительным и смелым
В колонии, затронутою ржой,
Он обновлялся смутною душой,
Но прозябал нетерпеливым телом
Теперь, когда поднялся и умылся,
Душой и телом
Заново родился.

Чаевничать,
Опохмелясь слегка,
С остатками садились пирога,
А он, остывший, был куда вкуснее.
Жуан, настроенный на добрый лад,
Наташи перехватывая взгляд,
Лукаво переглядывался с нею.
Та отвечала, будучи польщенной,
Улыбкой сдержанной
И чуть смущенной.

А теща свой чаек,
Лицом тепла,
Стариночкой из блюдечка пила
На пальчиках широкого развода,
Подует и пригубит — благодать!
— Куда теперь пойдешь-то работать?
— Куда?.. Да никуда, кроме завода.—
Жуана между тем на третьем годе
Почти совсем забыли на заводе.

Такой уж ритм
У жизни заводской.
Над плазами с тех пор корпел другой,
Уже другой руководил в цехоме,

Директор, с ним и главный инженер
Уже другого ставили в пример,
Забыли в шумном коридорном доме,
Где с той поры, как стала тяжела,
Наташа уже больше не жила.

Работа — не обуза,
А потребность,
К работе есть особенная ревность,
Подвижник есть в профессии любой,
Но в самой трудной — самый ярый в споре.
Моряк, познавший штормы, любит море,
Шахтер, познав завалы, — свой забой,
Но изо всех ревнивых патриотов
Ревнивей всех
Строитель самолетов.

Не чудо ль,
Что простой бумажный змей,
Забава подрастающих детей,
Явился в мир надеждою крылатой,
В короткий срок успел себя явить,
Минувший век с высот благословить
И увенчать собою век двадцатый.
Не чудо ли, что в этом чудном чуде
Творят за чудотворцев
Просто люди.

Жуана поразила навсегда
Завзятая эстетика труда,
Та красота, что собрана помалу.
Ведь надо же увидеть и понять,
Что человека легче оживлять,
Чем жизнь давать холодному металлу
И придавать ему в пределах нормы
Разумные, причудливые формы.

Металл, он мертв,
Но все же в чувстве стилиа
Не терпит безрассудного насилья —
Битья, рванья его тончайших жил,
Лишь в доброте к нему — залог успеха.
Все эти истины, как мастер цеха,
Жуану, между прочим, я внушил,
Когда он стал смотреть
В очках спесивых
На нас, как исполнителей пассивных.

Любая самолетная деталь
Высокую несет в себе мораль.
Она ни в чем не терпит искажений,
Его создателя спасут от лжи
Стоящие на страже чертежи...
Недаром в бурях мировых движений,
В исканиях свободы зоркий Марк
Поставил впереди рабочий класс.

— Ба-ба, Жуан!..
Не думал, не гадал!..
Давно не видел, где ты пропадал?..
Знакомый руку жал, как другу, исто,—
А я уж думал, а Африке самой
Передаешь богатый опыт свой,
Там, говорят, нужны специалисты...—
Высокая Жуану льстила марка.
— Хоть и не в Африке,
Но было жарко!..

Был добрый знак,
Что встреча без оглядов
Произошла перед отделом кадров,
Где у всего начальства на виду
При должности замнача пль замзава

Работала тогда Попова Клава,
Знакомая по танцам в горсаду.
Хоть кумовство мы судим так и сяк,
Но все-таки знакомство
Не пустяк.

Та Клава,
Не смутясь,
Не суетясь,
С директором установила связь —
Из трубки голос вылетал басистый:
— Вы это про кого?..
— Да про того..
— А-а, да, припомнил — как дела его?
— Досрочно вышел, и притом по чистой...—
Смолк на минуту трубки звукомет.
— Свяжитесь с Главным,
Пусть к нему зайдет.

Когда мой друг
В прическе ореолом
На мой участок заглянул веселым,
Я догадался — все пошло на лад,
Все утряслось и вправду без оглядок.
— Ну как, Жуан, с работою?
— Порядок! —
За друга я, действительно, был рад.
— Надеюсь, что не поступился стажем?
— Нет, нет! Назначен инженером старшим!

С тех пор мой цех,
Гудящий и гремящий,
Жуан стал посещать уже все чаще,
Но был ему мой цех не мною люб,
А тем, что мог в нем заточить стамеску,
Найти в углу какую-то железку,

Какой-нибудь диковинный шуруп.
Казалось, за такое упрощенье
Жуану даже не было прощенья.

Но работяга,
Если он не робот,
До странной страсти обретает опыт.
Освоив кресла в некоем краю,
Жуан, приобретя свой стиль и хватку,
Забраковал Федяшину кроватьку
И начал конструировать свою,
Способную на качку и покат,
По сложности почти что агрегат.

Однажды, для нее брусок строгая,
Он видел, как прекрасна плоть нагая,
Как матово чиста, но миг снустя,
Когда стругнул еще, из-под фуганка
Явилась темно-розовая ранка,
Подобно следу ржавого гвоздя.
Еще, еще стругнул
И, ширя взгляд свой,
Увидел ранку
Темно-бурой язвой.

То был сучок,
По юности отживший,
По времени опавший и оплывший
Целебным соком не одной весны.
Так хорошо и так счастливо случилось,
Что на стволе березы не осталось
Ни пятнышка, ни малой кривизны.
Не будь Жуан в работе бесноватым,
И не узнал бы
О сучке чреватом.

Былой сучок в березовом оплыве
Хранился темной тайной, как в архиве,
Минула жизнь — и вскрылась тайна та.
Мой друг тот брус с возможною резьбою
Разглядывал, держа перед собою,
Как Гамлет череп своего шута,
И медленно цедил не без нажима:
— Невероятно и непостижимо!

Вдруг захотелось
В меру разуменья
Приобрести рентгеновское зренье,
Прозреть через какой-нибудь экран,
Пока никем не видимые сучья
Из глубины его благополучья
Не проступили зримо, как изъян,
Тем более что жизнь к усладе вкуса
Выглаживалась, как бока у бруса.

Но в том была
Не праздная забота, —
Жену, казалось, угнетало что-то.
Теперь он отмечал в ней без труда
То странную застенчивость и робость,
То странную ответную торопность,
То жгучий взгляд куда-то в никуда,
А красота в румяности осенней
Все ярче становилась
И надземней.

И вот Жуан,
Не мешкая с раскачкой,
Пришел ко мне с той самою болячкой.
А я шутил:
— Скажу, не осердись,
Чтобы вернулись легкость и свобода,

Вам надо было начинать с развода,
Сначала разойтись, потом сойтись.
Все взрывы ревности в твоих фугасах,
Все глупости
Оставил бы ты в загсах.

Невежда в психологии семейной,
Ты стал капризной барышни кисейной,
Ты упустил спасительный момент
Из глупых статистических приличий,
Стыдясь своим разводом увеличить
Супругов разводящихся процент... —
Он засмеялся, относя к потехам
Все это,
Но, увы, последним смехом!

Пока паслись мы
На ученой ниве,
Наташа становилась все красивей,
Хотя, казалось, чуточку бледней,
Но бледность только брови оттенила,
Да только губы ярче очертила,
Да только строгость подчеркнула в ней,
Да только подкрепила, словно в споре,
Высокую отчаянность во взоре.

Такое же,
А может, и капризной,
Бывает часто в яблонево́й жизни.
Когда недуг ей корни поразил,
Когда коснулась гибельная хмара,
То яблоня цветет особо ярко,
Истрачивая все запасы сил.
Но вот скажи, и все сочтут за бредни
Слова о том,
Что этот цвет последний.

Напрасно хоть в очках,
Хоть без очков
Заглядывать на донышки цветков,
Там не найти обещанную завязь.
— Какая жалось! — скажет наперед
Беды не угадавший садовод,
Припоминая промахи и каюсь.
Но покаяния звучат века,
Как самоотпущения греха.

У бедной Наты
В день и раз, и два
Покруживаться стала голова,
Тесниться грудь, тошнотка появляться.
Пожаловалась матери, а та
Заметила шутливо и спроста:
— Э-э, кто-то младший догоняет брата! —
И посоветовала, чтобы Ната
Пошла к врачу
За подтверждением факта.

Но оказалось,
Весь набор примет
Обманчив был, как яблоневый цвет,
Не давший сил приросту молодому.
Задумчивый, как белокрылый грач
В своем халате белом, старый врач
Наташу передал врачу другому,
Тот — третьему, а там вмешался четный,
И не последний,
А всего четвертый.

И как же было
Нате не смутиться,
Когда пришла машина из больницы
С высокой фарой, меченной крестом.

Жуана не было, с ночной укладки
Федяша еще спал в ночной кровати,
А Тимофевна прибирала дом.
Наташу так и обожгло словами
Вбежавшей медсестрички:
— Мы за вами!..

— А что мне взять? —
На свой вопрос резонный
Реакция ее была мудреной,
Необъяснимой импульсом иным,
Как страхом, заслонившим все на свете.
— Ах, да, да, да! —
Она метнулась к Феде,
Как будто ехать собиралась с ним.
Лишь с плачем сына, сердце резанувшим,
Она оторопела, как под душем.

А тут бабуся подоспела кстати.
— Моя Голуба-люба, мой касатик! —
Напев слышав, полусонный внук
Со всею непосредственностью детства
Заулыбался и предпринял бегство
Из судорожных материнских рук.
— Не паникуй! —
Сказала Тимофевна,
И Ната успокоилась мгновенно.

Но, сделав шаг
Из-под родного крова,
Наташа к Феде устремилась снова,
Да так, что впала в еле слышный стон
В каком-то новом приступе печали.
Разбуженный, испуганный вначале,
На этот раз не испугался он,

Лишь долго удивленными глазами
Глядел на маму,
Обращенный к маме.

В беде
Никто не знает меры бедствий,
А в раннем расставанье всех последствий.
Быть может, будет сын всю жизнь искать,
Как и отец искал со страстью странной,
Оставшуюся в памяти туманной
Неведомо похожую на мать.
Во всех исканьях будет этот образ
Ему путеводительней,
Чем компас.

Не так ли в детстве,
К жизни пробужденный,
Глядел я, Музою замороженный,
В глаза ее, внимателен и тих.
Как часто, наградив душевным жженьем,
Она ко мне являлась с утешеньем,
С надеждой в начинаниях моих.
Зато теперь, когда мой мир в расстрое,
Меня забыла и моих героев.

О, сжался, Муза,
Возвратись, приди,
Несчастье от Наташи отврати!
О, Муза, Муза, искренняя вроде,
Ты, замечавшая и тихий плач,
Ведешь себя уклончивей, чем врач
В плохой больнице
При плохом исходе.
Тебя зову я, отзовись на поклик,
Спасеньем увенчай Жуана подвиг!

Я звал,
Я упрекал ее, она же
Сиделкою сидела при Наташе,
На этот раз реальная вполне.
Свой давний долг отсидывая честно,
Она Жуану уступала место,
Когда тот приходил к своей жене,
Со стороны глядела, видя диво:
Как он красив
И как она красива!

У скромницы
И у скандальной тетки,
Почти у всех в больнице лица кротки.
Там все мы, все — и ты, и он, и я,—
Почувствовав себя намного бренней,
Становимся добрее и смиренней
Пред мрачной вечностью небытия.
Еще живем, но будет же решаться:
Кому уйти,
Кому пока остаться.

У многих неприятий
И приятней
Немало остается скрытых связей,
Не ставших связью зримой и прямой.
Однажды с послаблением недуга
Наташа стала умолять супруга:
— Мне лучше, забери меня домой! —
Тогда и повстречались друг с другом
Мой друг Жуан
С гордеевским хирургом.

Тому бы знать,
Что, хоть ролями разны,
Они к событию одному причастны,

А поточнее — к личности одной,
И каждый дело делал без отсрочек:
Жуан, как разухабистый раскройщик,
Хирург, как многоопытный портной,
Что речь пойдет с надеждою вмешаться
О жертве жертвы
Этого красавца.

А знай он
Всю историю живую,
Свою с ней связь, такую узловую,
Помог бы этот узел расплести,
Ведь признавать бессилие не просто:
Суметь спасти Гордеева-прохвоста,
А вот Наташу не суметь спасти.
Но, ничего не ведая об этом,
Он спрятал руки:
— Слово терапевтам.

Тоска по Феде
У Наташи вскоре
На время заглушила боль от хвори.
Хоть не врачам, а только ей самой
Казаться стало, что она здорова,
А потому и запросилась снова:
— Мне легче, забери меня домой! —
Врачи про Нату что-то больше знали,
Но все-таки задерживать не стали.

На лестнице
В домашней кацавейке
Наташа пошатнулась на ступеньке.
Но не успела выдохнуть и «ах»
Обескураженной и удивленной,
Как, поднятая над плитой бетонной,
Притихла на Жуановых руках.

О как на этот раз она, несомна,
Была легка,
Почти что невесома!

Жуан заторопился, зашагал
Так, будто бы Наташу умыкал,
Боясь услышать окрик за плечами,
Нет, не врачей, а неузримой той,
Которая следит с недобротой
За трудными больными и врачами,
Чтобы самой, скучавшей не при деле,
Однажды встать
У роковой постели.

Жуан, сходя,
На лестничных пролетах
С Наташей виражил на поворотах
И снова шел в пике, суров и лих,
С такой неоспоримостью побега
Заспорившего с горем человека,
Что встречные шарахались от них.
А он спешил с ней, словно из угара,
Из пламени
Таежного пожара.

Не зря Наташа
В страхе и надломе
Затосковала о родимом доме,
О горнице, где родилась она,
Где ярче материнского подола
Ей памятна любая складка пола,
Где ей сподручна каждая стена,
Здесь, дома, в обстановке завсегдашней,
Болезнь и та становится домашней,

Довольная Наташа замечала,
Что на душе Жуана полегчало.
Казалось, уже виделся просвет
И жизнь уже светлела понемножку,
Как в палисадник узкое окошко
К зиме, когда на ветках листьев нет.
Так, слабому здоровью не противясь,
Болезнь притворно
Ослабляла привязь.

Но вдруг привиделось,
Что тихо-тихо
Какая-то курносая ткачиха
На ветхом стане темный холст ткала.
Челнок мелькал легко и бирюзово,
Уток сверкал, а темная основа
К ней в душу протянулась из угла.
И вот тканье, навитое на валик,
Ткачиха та
Взяла на притужальник.

Ей стало больно,
Но в работе срочной
Зигзагом бегал огонек челночный,
Все продолжал светиться и мелькать.
Основы темной натягая жилы,
Ткачиха полоротая спешила
Свое тканье нездешнее доткать.
Сопротивлялось, билось, не хотело
По жилочкам
Разматываться тело.

— Ткачиха!.. Стой!.. —
Вскричала Ната, видя,
Как посветлел настрой душевных нитей,
Давно ли цветом равных с темнотой.

О, значит, вновь чиста и вновь здорова,
Коль стала в ней душевная основа
Раскручиваться пряжей золотой.
Ткачиха дрогнула, вскочила с места.
Наташа прошептала:
— Наконец-то!

Жуан не знал,
Сидевший у постели,
О чем она? В бреду ли?
В тяжком сне ли?
Тревожный, он не мог найти никак
К чему-то цельному и даже следа
В порывах чувств,
В обрывках сна и бреда,
В обломках мира, павшего во мрак.
Все, как мираж, — вот был и нет миража.
— Ну, что?.. Ну, что?.. Что, Ната?..
О, Наташа!..

На грани жизни,
На исходе грана
Она еще услышала Жуана,
Глаза открыла, тотчас их прикрыв,
Как бы от света,
Свет был слишком светел.
Вскочив его тушить, Жуан заметил
Наташи протестующий порыв.
— Пусть, пусть горит! —
Сказала тихогласно. —
Пусть светит до рассвета! —
И погасла.

И тихо-тихо стало,
Что в затишке

Тишей не пробежать и тихой мышке,
Стал тихим дом, за домом мир стал тих.
Почувствовав себя несчастно пришлым,
Жуан рыдал рыданием неслышным,
Упав лицом в ограду рук своих,
Но и за нею видел тонкобровый
Наташин профиль
Строгий и суровый.

Жуан не слышал,
Как, придя для смены,
Запричитала Марфа Тимофевна,
Бесслезно повела печальный сказ,
Неспешно жизнь дочернюю итожа.
— Красавица моя, да на кого же
Федяшу ты оставила и нас? —
При этом поправлять не забывала
Ей веки, прядки,
Руки, одеяло.

Во исполнение ее завета
Свет яркий не гасили до рассвета,
До полного исхода темноты.
А утром, когда стал уже не в новость
Ей смерти страх,
И строгость и суровость
Покинули Наташины черты.
Казалось, кто-то в ней, уже любезный,
Смягчился и разжал
Кулак железный.

Как школьницу
Когда-то в первый класс,
Наташу наряжали и сейчас,
О новой школе зная понаслышке,
Не ведая ее учителей,
Не зная толком и программы всей,

Какие там в ходу стихи и книжки,
Какие там уроки в толще стен,
Какие сроки вечных перемен.

Друзей-свидетелей

Ее урока

На этот случай было много-много,
Они за гробом рядом шли со мной,
Иные сетуя, иные плача,
Решая для себя ее задачу,
Лишь при смерти решенную самой.
Задача та с ее концом фатальным
Ко мне пришла
Под знаком интегральным.

Случалось быть наедине с бедой,
В бессилии перед бедою той
Я говорил себе: живи, как травы, —
Прольется дождь, цветком в росе гори,
А засуха сожжет тебя, умри
Другим без пользы,
Для себя без славы.
Но возникал вопрос невольный сразу:
Тогда зачем же человеку разум?

А если есть,
Зачем он не глубинный,
Не полный, а какой-то половинный?
Пусть страхов стало менее в числе,
Но все равно мне горестно и больно,
Что столько зла блуждает бесконтрольно
На нашей изумительной земле.
Нам истины даются у могилы:
Наташа — жертва
Этой темной силы.

Когда земля
На гроб упала с гулом,
Впервые друга видел я сутулым,
Позволившим беде себя согнуть,
Ошеломленным кровною утратой.
Какую непомерно тяжелой платой
За истины приходится платить,
Чтобы ему и всем от злого мрака
Вперед шагнуть
Хотя бы на полшага!

Средь Кузьминых,
Всех родственников их
Здесь было много наших заводских,
С тоской в глазах
Стоявших не для вида,
А в меру старой памяти их дружб,
По обязательству совместных служб,
Услуг взаимных, лишь Аделаида,
Пока Жуан не отошел последним,
В слезах стояла
За крестом соседним.

Мне приходилось замечать не раз:
Уход кого-то слышит нас,
В процессии ухода мы едины,
Нас музыка печальная ведет,
Никто не забегает наперед,
Держась благоразумной середины.
А после наши связи уже хрупки —
Похоронив, мы делимся на группы.

Шел первый снег.
Два срока есть в году,
Оберегающие красоту
С особой ревностью за человеком:

Цветение и снегопад, что сам
Догадливо прикрыл могилы шрам
Своим неторопливым первым снегом,
Но для рубца, горевшего багрово
В душе Жуана,
Не было покрова.

Он понял,
Что в душе его отцовой
Необходим для сына Феди новый
Почти что материнский уголок.
Пусть будет нечувствительным к утратам,
Пусть вырастает смелым и крылатым
Торителем космических дорог.
Да, да, пусть женский,
Черт возьми, халатик
Не затмевает красоты галактик.

Так рано
К слову доброму «отец»
Прибавилось недоброе «вдовец»
С его ходячим вариантом «вдовый».
Теперь в любви родительской горяч,
Даже во сне слышав Федин плач,
Жуан вставал, помочь ему готовый,
Готовый с человечностью предельной
Его утешить
Песней колыбельной.

«Спи-засни, мой сыночек,
Подрастай, мой росточек,
А когда подрастают,
Дети спят и летают.

Как закроются глазки,
Полетишь ты, как в сказке.

Над родною землею
И над Бабой Ягою.

У старухи, у злыдни,
Нет заботы о сыне,
У старухи, у злючки,
Нет ни внука, ни внучки.

Злыдня зла не скрывает,
В старой ступе летает,
Вместо крыльев над мглою
Машет грязной метлою.
Спи-засни, мой сыночек,
Окрыляйся, росточек,
Настоящие крылья
Подарю тебе с былью.

Полетишь ты далеко,
Полетишь ты высоко
Над родною землею
И над Бабой Ягою...»

Читатель милый,
Вспомни, что в начале
Мы песни запевали без печали.
Счастливые концы всего милей,
Но я писал без мысли, чтобы легче,
Нет, не стихи, а судьбы человечьи
В мучительных исканиях путей,
В исканиях любви — до пониманья
Ее, как высшего
В нас достоянья.

Все беды,
Лезущие даже в строчку,
Увы, неотвратимы в одиночку.

Нам не дано самим избрести
Свой легкий путь,
Свою любовь и нежность.
К трагедии приводит неизбежность,
А к драме может случай привести,
Хотя и случай, будучи нечаянным,
В ряду других
Бывает не случайным.

Что мне сказать,
Тоской не бременя,
Когда о счастье спросите меня?
Скажу вам, склонный
К прежнему пристрастью:
Большое счастье — это, на мой взгляд,
Не только сам конечный результат,
Но и дорога, что вела нас к счастью.
И пусть никто из нас не забывает,
Что в чистом виде
Счастья не бывает.

А если так,
Зачем иных старанья,
Чтоб приуменьшить наши испытанья?
Ведь если счастье нам далось трудней,
То радость и торжественней и выше.
А если это так, зачем самим же
Обкрадываться в гордости своей?
Суровый счет ведите неудачам,
Особо тем,
Когда за всех мы плачем.

Да будет слово
Громом и набатом.
Суровый счет ведите всем утратам,
С пристрастием судите — чья вина?

Да будет вериться, что в наших буднях
Кому-нибудь на трудных перепутьях
Задаст урок Наташа Кузьмина,
Как жертва сил, пока еще несметных,
Не только темных,
Но и полусветлых

Большой урок,
Не подчиняясь срокам,
Для всех времен становится уроком.
Безоблачной мечтая видеть даль,
Но кое-что уже предвидя кроме,
Мы мужеству учились на «Разгроме»,
На том пути, «Как закалялась сталь».
О, если б и моя строка крепила
На стройке века
Хоть одно строило!

И если бы
При виде тяжких мук
Обиженному другу верный друг
Сказал однажды, поздно или рано:
— Из многих книг, а их хоть пруд пруди,
Ты книгу, если есть она, найди
И перечти «Женитьбу Дон-Жуана»! —
Тогда б я и за гробом верил страстно,
Что жизнь свою
Потратил не напрасно!

СОДЕРЖАНИЕ

НАЗАРКИНА ГОРА

«С тех пор, как тобою поклялся...»	9
Мы сами...	11
Земля	12
Поле	14
Еще о конопле	16
Человек	17
«Жизнь все громче...»	20
«Мне куда-то надо скрыться...»	21
Кузьмиха	22
«Звенит... звенит... звенит...»	24
У родника	26
«Я гляжу на родные места...»	29
Друзьям	30
«Когда ты в Марьевке живешь...»	33
«Как шумно птицы на дворе галдят...»	35
Забывтый мост	38
«Все иное — как будто на отдыхе...»	40
«Жизнь природы мудреное дело...»	41
«Звери, травы сминая...»	42
Сорока	43
«Лес. Полянка. У троны...»	44
«Когда-то здесь гуляли дрофы...»	45
Мертвый лес	46
Без аллегорий	47
Черная пятница	50
«Кто-то здесь топориком постукивал...»	51
Гроза	52
«Над родною стороной...»	53
«Я не Волга, я не Вятка...»	54
«Я в городах строенья возводил...»	55
«Давно ль гордился сам...»	56
«В пустынном небе журавлиный крик...»	58
«Белый снег, в сердце тьма...»	60
Хлебные карточки	61
«Нет, братцы, спешность не по мне...»	62

ПРОМЕТЕЕВ ЦВЕТ

«Прозябаю на ветру...»	65
Тем берегам	66
Прометеев цвет	68
«И в жизни и в теории...»	70
«Года мудрей, а понимать трудней...»	71
Я — словно дом...	72
«Все было бы иначе, пронеси я...»	76
«Тяжела, себе не рада...»	78
«Что живешь, что в битвах не погас...»	79
«Если что случится...»	80
«В небе откружил...»	81
«Это как же так?...»	82
История болезни	83
«Сроками, остатними годами...»	85
«Все замечают: я добрею...»	86
«Мои собратья нагло врут...»	88
«Не хватит срока моего...»	90
Музыка	91
«Цветы — душа людей...»	92
«Дети плачут по-разному...»	93
«Клянусь вам, убежденный в том...»	94
«Нет, это все наветы...»	96
«Жаждем истины во всем...»	97
«В многомудром кураже...»	98
«Поумнела голова...»	99
«Поэзия — не профессия...»	100
«Я и эпик, я и лирик...»	101
«По мере слав и по мере дней...»	102
«Ты уверяешь, что родились мы...»	104
«Мне б не горбясь под пошею...»	105
«Секунда — миг, а все же...»	106
«Мне Библия романа не святей...»	107
«Тем, жалким, что не нам поют...»	108
В цирке	109
Мой адрес	110
Заявление в жилищную комиссию	111
«Зачем чужие страны...»	112

КАК ЦВЕТЫ НА ЗАРЕ

«Цветы и травы пахнут так...»	115
«Весной рабу пера...» *	116
«Как цветы на заре...» *	117

«Лицо тоскою выбелю...»	119
«Скажи, мое сердце, кому ты верно?..»	120
«От любимой надо уезжать...»	121
«Прощай! Нам слез не лить...»	122
«На разлуке, на муке стою...»	123
«Душе безысходней...»	124
«Обидят. Обойдут. Не мщу...»	126
«Не ходим в эстетической уздечке...»	127
«Так мне велит души моей настрой...»	128
«За позднюю вину...»	129
«Боюсь не смерти я...»	130
«Одинок я, где моя родня?...»	131
«Как душою ни бьюсь...»	132
«Не за слезы ли, что лила...»	133
«Ну вот, опять я начудил...»	135
Архив	137
«Цыганка пела про любовь...»	138
«Я давно не испытывал нежность...»	139
«Мы с нею повстречались вновь...»	140
Семейный разговор	141
«В этом нет моей вины...»	143
«Не затем я горячее сердце ковал...»	144
«Придорожная ромашка...»	145
«Средь черных чертовых забот...»	146
Библейский мотив	147
«Что за чушь слышу я...»	148
«Весь отдаваясь помыслу...»	149
«Не в памяти, в сердце осталось...»	150
«Мне житейская мудрость известна давно...»	151

ЗАМЕТЫ

«Различий нет, а есть года...»	155
«Себе сказал и говорю другим...»	156
«— Что ты молчишь?..»	157
«Заботясь о своем довольно добром даре...»	158
«Великий Пушкин говорил когда-то...»	159
«Когда ему ликуется...»	160
«Все выскажу, ни перед кем не струшу...»	161
«Пусть недруги бранят...»	162
«Поэзией приписанный к векам...»	163
«Негодяй!.. Стыда не зная...»	164
«С любовью — хоть гроза!..»	165
«Изо всего того, чем люди дышат...»	166
«Мне дорог смех...»	167

«До всенародного признанья...»	168
«Что сказать мне о двадцатом веке?..»	169
«Собака любит пост...»	170
«Человек — пароход...»	171
«Писатель некий предался врагу...»	172
«Все ворочают умами...»	173
«Извечный спор меж школами и школками...»	174
«Как мы пишем?..»	175
«К чему безмерные потуги?..»	176
«Вам, девушки, к семье идущим...»	177
«Любит совесть?..»	178
«Что пчела врага карает...»	179
«Есть в дружбе доброе ядро...»	180
«Кто любит сласть...»	181
«Милый друг, хочу сказать...»	182
«Родник струился во всю прыть...»	183
Береза	184
«И на кронах...»	185
«Мухоморы-капутники...»	186
«Пусть одинаков сорт...»	187
«Душа томилась по живой природе...»	188
«Картина не типичная...»	189
«Он говорит и страстно и глубоко...»	190
«Бог любви, я снова в сердце ранен...»	191
«Он и впрямь какой-то разный...»	192
«Я ваших сочувствий не слушаю...»	193
«Берегите меня до последнего дня...»	194

ЖЕНИТЬБА ДОН-ЖУАНА (*Ироническая поэма в семи песнях*) 199

Василий Дмитриевич Федоров

КАК ЦВЕТЫ НА ЗАРЕ

М., «Советский писатель», 1982, 416 стр.
План выпуска 1982 г. № 221

Редактор *В. К. Семакин*
Худож. редактор *Д. С. Мушин*
Техн. редактор *Ф. Г. Шапиро*
Корректоры *С. И. Крягина* и
Т. В. Малышева

ИБ № 3089

Сдано в набор 06.05.82. Подписано к печати 12.07.82.
А 09141. Формат 70×108 1/32. Бумага тип. № 1.
Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл.
печ. л. 18,20. Уч.-изд. л. 14,55. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 323. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Советский писатель», 121069, Москва,
ул. Воровского, 11
Тульская типография Союзполиграфпрома при Госу-
дарственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект
Ленина, 109

